ЛЮДИ НАШЕГО КРАЯ

МУРМАНСК

ХИБИНЫ

УДК 91(1-924.16)+929Крепс
ББК 26.8(2Рос)г
Б49

Б49 **Берлин В.Э.**
Герман Крепс – гражданин Лапландии. – М.:ПРОБЕЛ-2000, 2016. – 224 с.: ил.

ISBN 978-5-98604-584-9

С именем Германа Михайловича Крепса (1896–1944) – геоботаника, зоолога, этнографа – связаны первые советские экспедиции по Кольскому полуострову, имевшие впоследствии огромное народнохозяйственное значение. Организатор первой Хибинской сельскохозяйственной станции за Полярным кругом (1922), создатель самого северного в мире заповедника (1930) – уже этого вполне хватило бы, чтобы надолго остаться в благодарной памяти потомков. Но в творческой биографии Г.М. Крепса слово «первый» встретится нам еще не один раз. В «Кольской энциклопедии» читаем: «Герман Крепс – один из организаторов Общества изучения Мурманского края... первый директор Лапландского заповедника». А еще он был неутомимым ботаником, краеведом, фотографом... В мае 2016 года Г.М. Крепсу исполнилось 120 лет.

О жизни и деятельности этого замечательного ученого и гражданина рассказывает второе и значительно расширенное издание книги «Гражданин Лапландии» (М.: Мысль, 1985).

На переднм форзаце – акварель «Чунозеро» худ. П. Рябов, 1935.
На заднем форзаце – акварель «Кувакса» худ. А. Шнейдер,1938.

ISBN 978-5-98604-584-9

© Берлин В.Э, «Живая Арктика», 2016
© Лапландский заповедник, 2016
© "ПРОБЕЛ-2000", 2016

ВАЛЕРИЙ БЕРЛИН

ГЕРМАН КРЕПС – ГРАЖДАНИН ЛАПЛАНДИИ

(1896–1944)

МОНЧЕГОРСК
2016

Посвящаю
моим друзьям, товарищам,
родным и близким...

ОТ АВТОРА

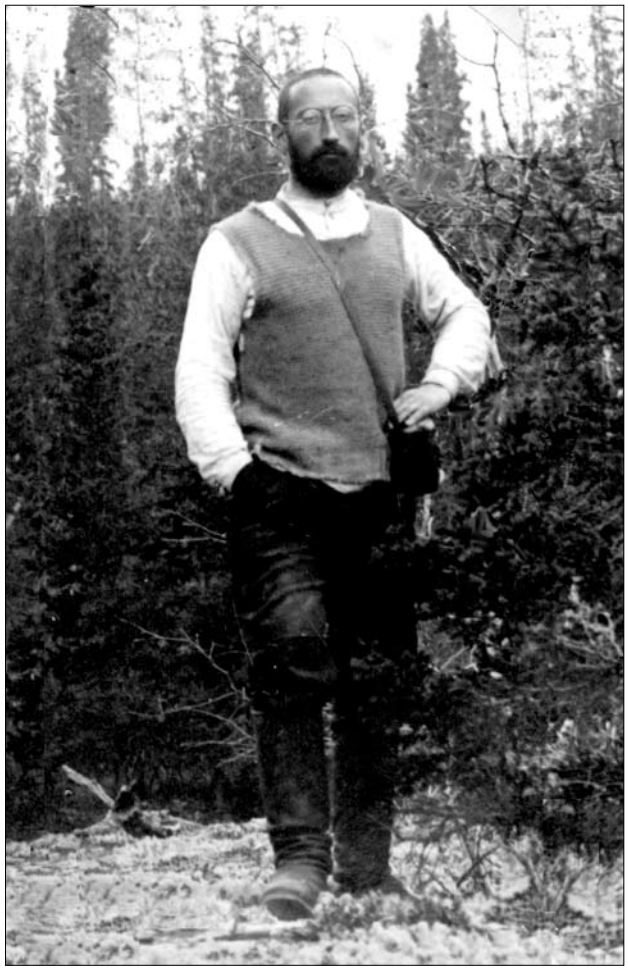
Не тех, кто щедрою увенчанный судьбою,
Нередко получал награду сверх цены;
Но тех, кто душу нам отдав с ее красою,
Забыт, молчит и спит, мы поминать должны.

5 янв. 1942 г.
А.П. Семенов-Тян-Шанский.

Нет рангов в армиях первопроходцев. Все они – Великие рядовые перед лицом нераскрытых тайн Природы.

Именно таким человеком был Герман Михайлович Крепс, посвятивший большую часть своей короткой, но яркой жизни изучению Кольского полуострова.

Организатор первой сельскохозяйственной станции за Полярным кругом, создатель самого северного заповедника – уже этого вполне хватило бы, чтобы надолго остаться в благодарной памяти потомков. Но в творческой биографии Г.М. Крепса слово «первый» встретится нам еще не один раз как синоним того времени, времени знаменательных преобразований Кольского Севера.



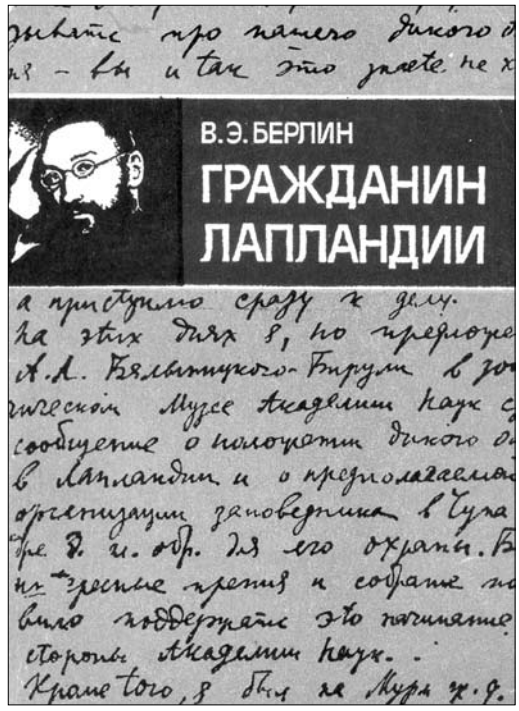
В начале 1920 года здесь была создана Северная научно-промысловая экспедиция. В организации ее многочисленных отделов приняли участие президент Академии наук А.П. Карпинский, А.Е. Ферсман, С.Г. Григорьев, Н.И. Прохоров, Г.А. Клюге, а также дирекция Мурманской железной дороги. Вместе с другими видными учеными нашей страны в эту грандиозную работу включился и молодой агроном Герман Крепс. По словам писателя-этнографа В.В. Чарнолуского, он «был одним из тех энтузиастов освоения Мурмана, которые после ликвидации иностранной интервенции начали не только изучение, но и строительство нового края». Вклад Г.М. Крепса оказался заметным не только в развитии заполярного земледелия и молочного животноводства, он сказал свое слово и в научной организации промыслов, в упорядочении охотничьего хозяйства. Вместе с И.Г. Эйхфельдом, Г.Д. Рихтером, В.К. Алымовым и М.Н. Михайловым Г.М. Крепс стоял «у истоков организации Мурманского общества краеведов. Как

истинный гражданин своей страны, он одним из первых выступил в печати и начал активную кампанию за рациональное и бережное отношение к природе Русского Севера».

Вся жизнь Г.М. Крепса была, казалось, одним рабочим днем, а многочисленные его путешествия – самыми радостными праздниками. В тайге и тундре, на безлесных вершинах гор и в необъятных просторах северных морей он чувствовал себя свободно и удобно. По существу, это и был его дом, который он прекрасно знал и любил и вне которого просто не мог существовать. Друзья Германа Михайловича рассказывали, что даже короткие периоды пребывания в городах действовали на него угнетающе, он переставал быть самим собой, обычно заболевал. И только Север его излечивал. На Мурманской железной дороге от Кан-

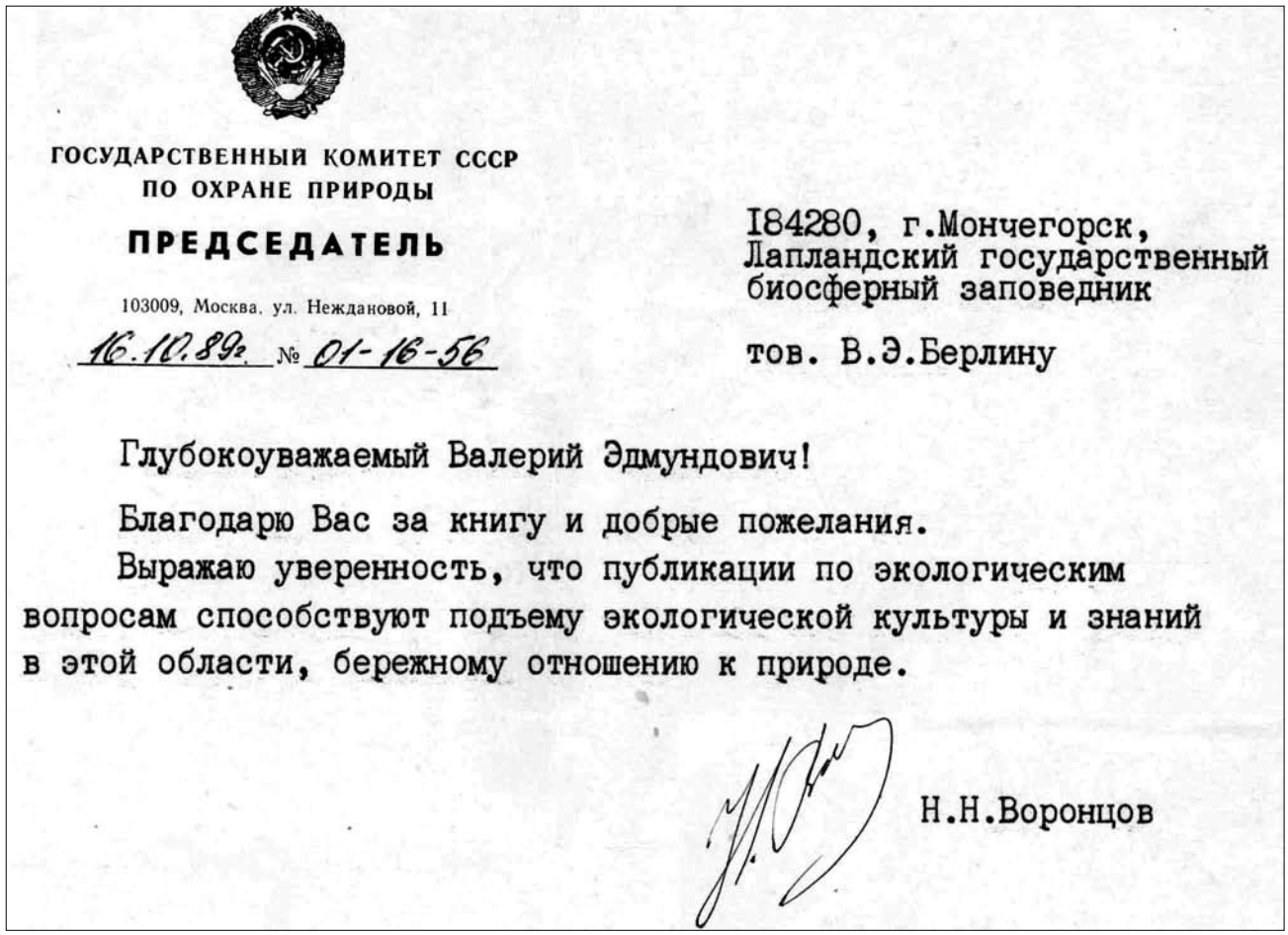
далакши до Колы все от мала до велика знали коренастого чернобородого человека с мужественным обветренным лицом. Герман Крепс был в те годы легендарной личностью. В глухом лопарском погосте, на Терском берегу и у поморов Кольского залива – везде он был желанным гостем.

Это был человек удивительной духовной свободы, одинаково независимый и сердечно приветливый со знаменитым ученым и неграмотным лопарем-саамом. Покоренные обаянием личности неутомимого путешественника, рассказывали о нем в своих северных повестях М.М. Пришвин, И.С. Соколов-Микитов, Н.И. Гаген-Торн.



С необычайной теплотой о своем товарище и друге отзывались И.Г. Эйхфельд, Г.Д. Рихтер, А.А. Григорьев, Ю.Д. Цензерлинг, А.Н. Лабунцов, Н.И. Прохоров, П.А. Мантейфель, В.Г. Клейнберг, В.А. Васнецов, Н.Н. Соколов, А.В. Живаго, О.И. Семенов-Тян-Шанский...

Подготавливая экспозицию для Дома-музея Г.М. Крепса в Лапландском заповеднике, знакомясь с архивными материалами, его научными работами и публицистическими выступлениями, автору пришлось столкнуться с интереснейшим феноменом. Оказалось, что ни одно значительное событие первых десятилетий XX века на Кольском полуострове, ка-



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО ОХРАНЕ ПРИРОДЫ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

103009, Москва, ул. Неждановой, 11

16.10.89г. № 01-16-56

184280, г.Мончегорск,
Лапландский государственный
биосферный заповедник

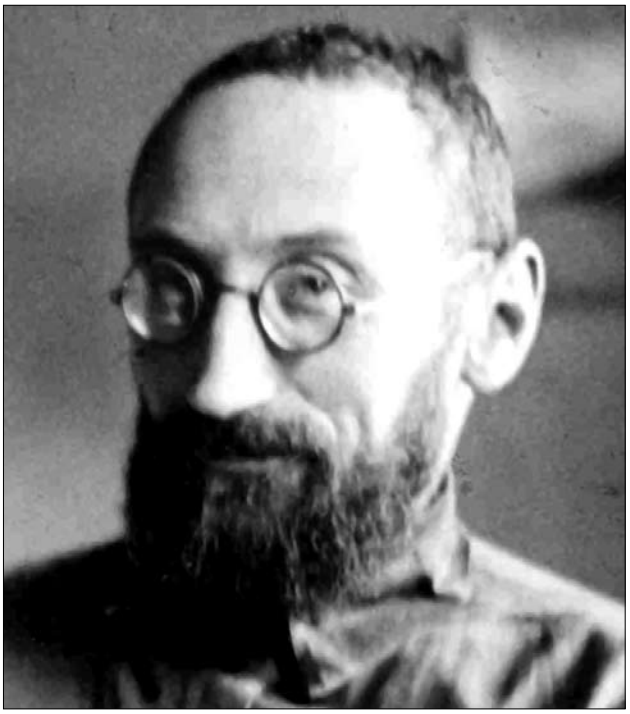
тов. В.Э.Берлину

Глубокоуважаемый Валерий Эдмундович!

Благодарю Вас за книгу и добрые пожелания.

Выражаю уверенность, что публикации по экологическим вопросам способствуют подъему экологической культуры и знаний в этой области, бережному отношению к природе.

Н.Н.Воронцов



салось ли оно развития Мурманской железной дороги, разведки хибинских апатитов или медно-никелевых месторождений в Мончетундре, создания первой гипсометрической карты Русской Лапландии, археологических открытий в Кольском заливе, не говоря уже об организации самого северного в мире заповедника и восстановлении популяции бобра за Полярным кругом, – все эти события не обошлись без деятельного (в той или иной мере) участия в них Германа Крепса.

Автор, воссоздавая творческую биографию Г.М. Крепса, отдает дань уважения ученому-энтузиасту, всей его многогранной деятельности.

В работе над книгой неоценимую помощь оказали родственники Г.М. Крепса: его вдова Б.Н. Бокова-Крепс, сын Р.Г. Крепс, брат – академик Е.М. Крепс, а также сотрудники Лапландского биосферного заповедника, Государственного архива Мурманской области, Мурманского краеведческого музея, работники Музея-архива истории изучения и освоения Севера в городе Апатиты. Всем этим людям автор выражает особую благодарность.

Список иллюстраций к главе "От автора"

Стр. 4 – Г.М. Крепс (1896–1944) в лесах Лапландии

Стр. 5 – карта Кольского полуострова

Стр. 6 – обложка книги В. Берлина «Гражданин Лапландии» (Одиссея Германа Крепса) в серии «Замечательные географы и путешественники» (М.: Мысль, 1985)

Стр. 6 – письмо председателя Госкомитета СССР по охране природы к автору книги о Г.М. Крепсе

Стр.7 – Г.М. Крепс (одна из последних фотографий)

Стр.7 – автор книги В.Э. Берлин с Роальдом Германовичем Крепсом, сыном Г.М. Крепса. Санкт-Петербург, 2016 г.

НАЧАЛО ПУТИ

НАЧАЛО ПУТИ

К зданию Географического общества СССР в Ленинграде, что по Демидову (ныне – Гривцову) переулку, почти прислонился старинный четырехэтажный дом под номером 6. Тот самый, в котором еще в конце XIX века обосновалась семья Крепсов.

На мой звонок открывает сын Германа Михайловича – Роальд Германович (впервые квартиру Г.М. Крепса автор посетил в 1977 г.). Узнав о цели моего посещения, Роальд Германович и его супруга начинают хлопотать около огромного, во всю стену, книжного стеллажа. На письменный стол ложатся книги и журналы с работами Г.М. Крепса, альбомы с пожелтевшими фотографиями и газетными вырезками...

Герман Михайлович Крепс родился 12 мая 1896 года в типичной для петербургской

интеллигенции трудовой семье. Он был первым сыном (в семье еще будут сестра и два брата). Его отец Михаил Львович Крепс после окончания (в конце 1880-х гг.) Дерптского (ныне – Тартуского) университета избрал своей специальностью урологию – область клинической медицины, тогда еще только возникавшую. Хороший врач и неутомимый труженик, он завоевал репутацию видного специалиста, каким в действительности и был. С его именем связана одна из первых и оригинальных в России методик дробления камней в почках. Все это обеспечивало ему частную практику, а семье – известный достаток. О репутации отца Германа как уролога можно судить хотя бы по его пациентам дореволюционных времен. Среди них были: министр финансов С.Ю. Витте, министр земледелия А.Н. Куломзин, издатель журнала «Гражданин» В.П. Мещерский, английский посол Бьюкенен. Среди пациентов были и сенаторы, и известные артисты, и другие представители творческой элиты Петербурга. Болезни почек и мочевых путей вообще были тогда характерны для высших слоев общества (связывалось это обычно с употреблением дорогих вин, богатых эфирными маслами).

Отец Г.М. Крепса много работал: утром больница, потом визиты к больным домой. Он внимательно следил за научной литературой и неплохо знал немецкий язык. Участвовал иногда в международных урологических конгрессах. Делалось это весьма просто. Решив выехать (всегда с женой) на очередной международный конгресс и подготовив доклад, он звонил по телефону своему пациенту, приставу Казанской части (по месту своего жительства), и просил его подготовить заграничный паспорт на себя и на жену для выезда на конгресс в Париж или Лондон. Пристав, придя на очередную медицинскую процедуру, приносил с собой паспорта.

После революции, уже будучи пожилым человеком, М.Л. Крепс получил звание профессора и до конца своих дней читал лекции в Институте усовершенствования врачей в Ленинграде. К девяностолетнему возрасту он почти ослеп, но продолжал работать. Помощник, осматривая в цистоскоп внутреннюю поверхность мочевого пузыря, разбивал поле зрения, как циферблат у часов, и говорил, что видит у «первого часа», у «второго часа» и т. д. Михаил Львович, опираясь на свой громадный опыт, выносил заключение о диагнозе.

Мама Германа Крепса, Анна Германовна, выросла в интеллигентной семье. Окончила гимназию в Петербурге. Она нигде не работала, но была прекрасной домашней хозяйкой, заботливой матерью и очень хорошим человеком. После революции, когда довольно большая квартира Крепсов стала коммунальной, соседи постоянно выбирали Анну Германовну в квартирные уполномоченные для решения спорных жилищных вопросов.

Как и большинство трудовой интеллигенции, отец Германа был настроен оппозиционно к старому режиму. Но и социалистом не был, ему были ближе кадеты. Он даже выписывал газету «Речь» – печатный орган конституционных демократов. Одна-

В силу свой занятости отец мало вмешивался в воспитание детей, но одно правило он внушал им постоянно: «нет ничего хуже вранья и следует быть всегда искренним и справедливым».

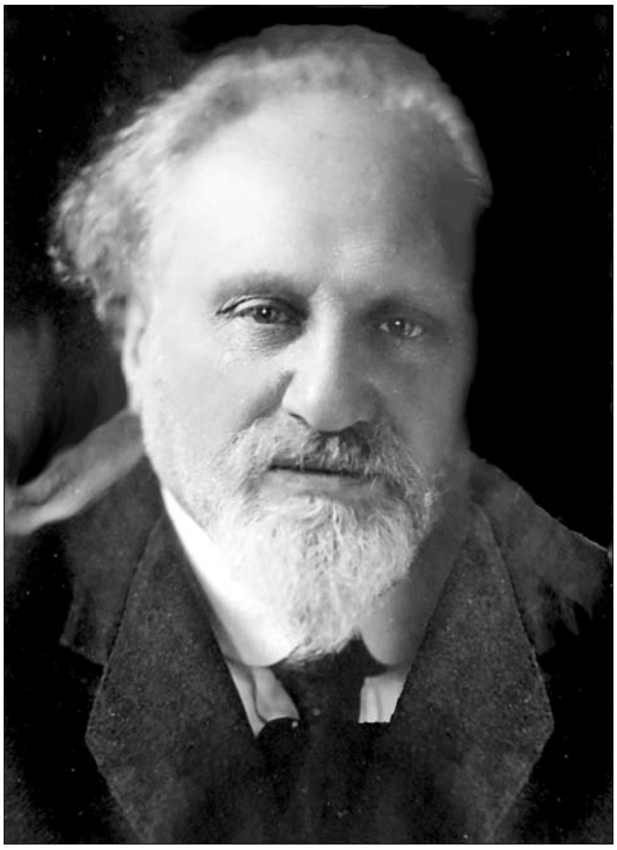
Мать, хотя и не имела никаких специальных взглядов на систему воспитания, обладала какой-то природной мудростью. Она никак не ограничивала их свободу, у нее была, вероятно, уверенность, что ее мальчики (Герман, Евгений и Лев) не сделают ничего дурного. Тревога за детей возникала у нее лишь летом, когда мальчики, воспользовавшись предоставленной им свободой, уходили на лодке на Финский залив или отправлялись в лес и не возвращались к обещанному часу.

Дружным и гостеприимным был их дом. Всегда у них толпился народ. Возможно, близость Географического общества хорошо влияла на круг друзей и знакомых семьи Крепсов. Частыми гостями здесь были ученые, литераторы, путешественники, вернувшиеся из дальних странствий. Пристроившись на кожаном диване в дальнем углу залы, Герман с братьями Львом и Евгением жадно всматривались в мужественные, обветренные годами странствий лица. Каждый услышанный рассказ казался им необыкновенным и захватывающим. В конце вечера кто-нибудь садился за фортепьяно. Мать Германа обладала красивым голосом и часто на вечерах пела. Мальчиков отправляли спать, а уходить так не хотелось! Судьба еще уготовит им немало встреч на жизненных дорогах с замечательными людьми своего времени. Среди них будут Нансен и Амундсен, Пав-

ко с самого начала Октябрьской революции весьма отрицательно отнесся к саботажу некоторой части интеллигенции и ни на один день не прекращал работы в клинике, борясь с тифом и другими инфекционными напастями, захватившими революционный город.

лов и Н.И. Вавилов, Горький и Пришвин, Ферсман и Соколов-Микитов...

Летом вся семья Крепсов обитала на даче, и тогда товарищами ребят запросто становились деревенские мальчишки. У старших братьев – Германа и Евгения – рано проявилась тяга к многообразной природе Карельского перешейка, прямо-таки зовущей к путешествиям. К тому же мечта каждого мальчишки – иметь свое ружье – осуществилась у них очень рано. Десятилетнему Герману подарил мелкокалиберную винтовку Буффало-Лебель заглянувший однажды на дачу дядя, живший в Манчжурии. А Евгений уже в 9 лет выпросил себе на день рождения легкий винчестер, вроде теперешней ТОЗ-овки. И не было для братьев лучшего подарка, чем коробочка «боскеток» – пулек для мелкокалиберки, которые стоили тогда 50–60 копеек за сотню.



Они быстро «навострились» с первого выстрела с 50–60 шагов попадать в спичечную коробку. Когда по воскресеньям собиралась на даче разная родня – студенты, офицеры – и все стреляли в цель, то куда им было до Евгения и Германа. И скоро их уже не в шутку называли заправскими охотниками и следопытами, по типу североамериканских трапперов.

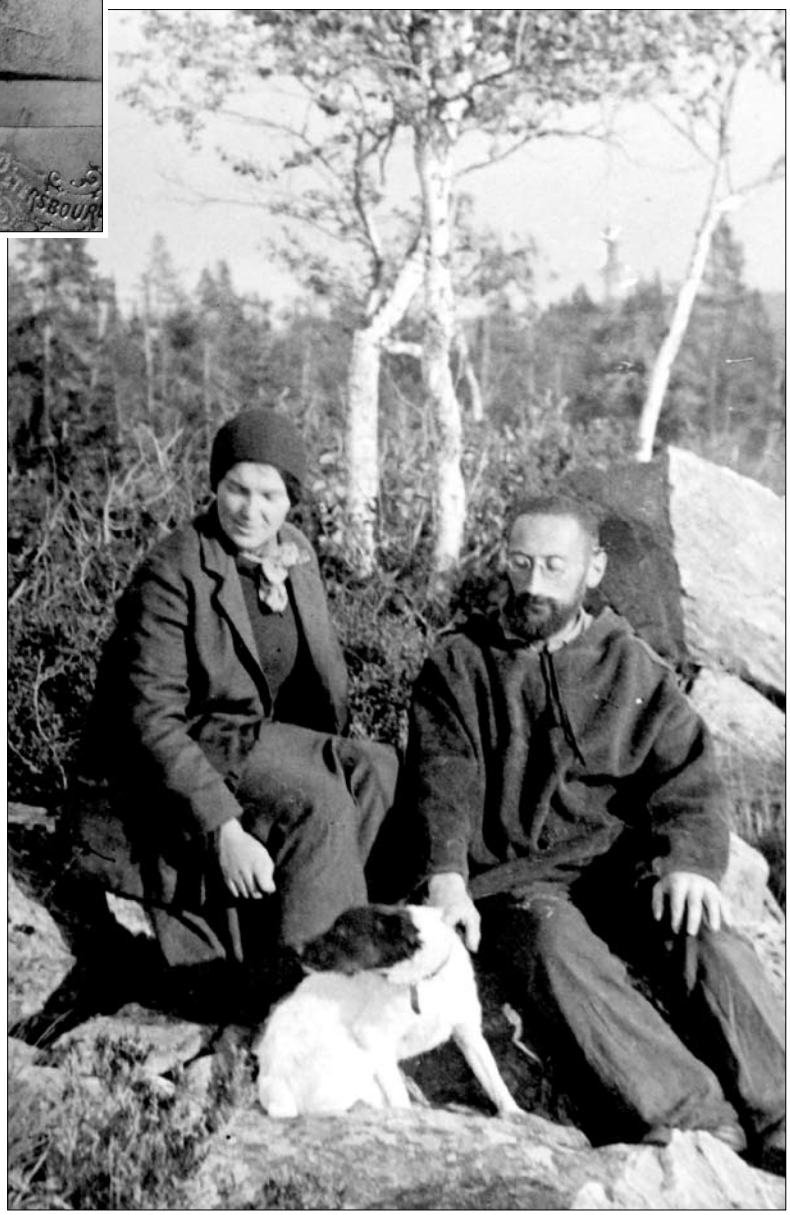
После подготовительных классов братьев (сперва Германа, а потом и Евгения) отдали в Тенишевское училище в Петербурге. Об этом учебном заведении стоит рассказать особо.

Жил в Петербурге князь В.Н. Тенишев, богатый и знатный человек либеральных убеждений. У него было два сына. Тенишев не хотел отдавать их в привилегированные, но реакционные учебные заведения, такие как лицей или Училище правоведения, не хотел отдавать их и в казенную гимназию или реальное училище с закоснелыми отжившими порядками и программами. Он решил дать им домашнее воспитание и пригласил известного педагога А.Я. Острогорского. Острогорский, филолог и знаток

литературы, взял на себя руководство воспитанием и образованием своих подопечных. Он пригласил опытных преподавателей по разным специальностям, и юноши были прекрасно подготовлены к поступлению в университет.

Князь, желая отблагодарить замечательного педагога, спросил у него, что бы ему хотелось получить в знак признательности за свой труд. И тогда Острогорский предложил Тенишеву организовать среднее учебное заведение нового типа, где не было бы казенной муштры, где на современном уровне преподавали естественные науки – физику, химию, биологию, где хорошо было бы поставлено преподавание математики и иностранных языков, где развивали бы и эстетические наклонности детей.

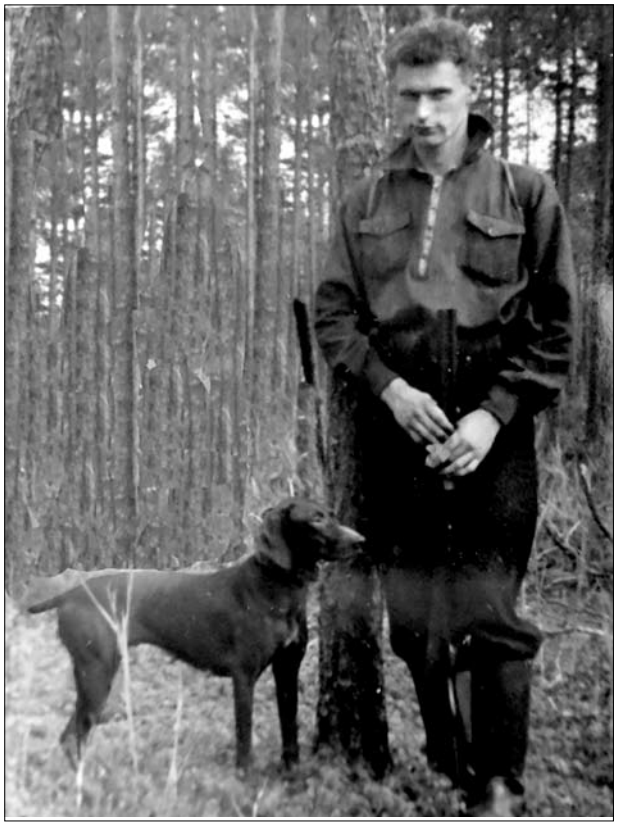
Тенишеву эта идея понравилась, и Острогорский разработал соответствующие программы. Но тогдашнее реакционное министерство народного просвещения, во главе которого стояли известные черносотенцы, сперва министр Шварц, затем Кассо, отвергло проект Тенишева. Более либеральное министерство торговли и промышленности, которое возглавлял министр Тимашев, дало согласие, но при условии, что училище будет коммерческим, но 8-классным (обычные коммерческие училища были 6-классными, реальные училища – 7-классными, а 8-классными были классические гимназии). Все основные предметы соответствовали первоначальному проекту Острогорского, но в восьмом классе добавлялись счетоводство, коммерческая арифметика, товароведение и экономическая география. Тенишев от-

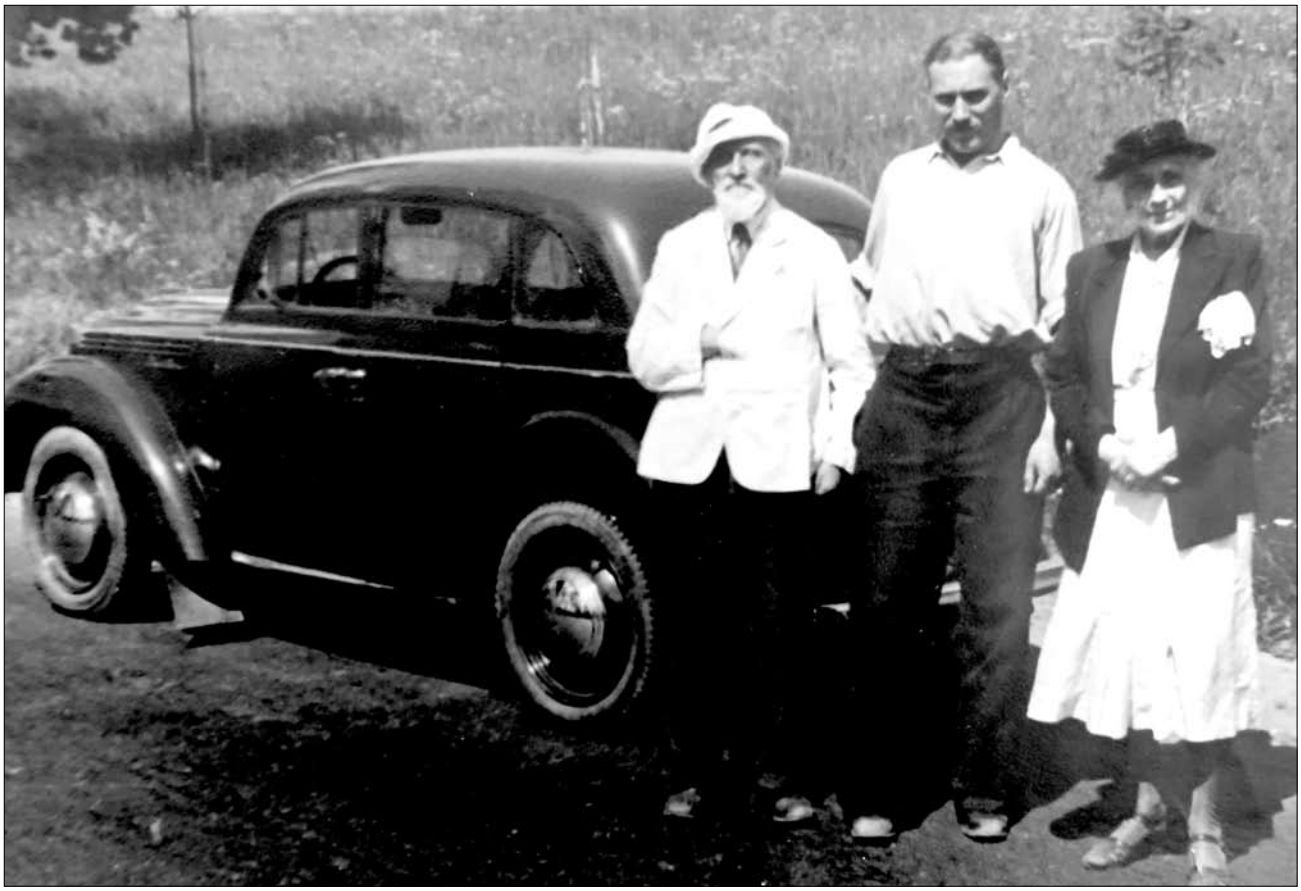


пустил средства на строительство, и здание школы было выстроено великолепно. Острогорский подобрал учителей.

Школа была действительно отличная; и Герман, и Евгений, как и огромная часть учеников, любили ее и сохранили о ней самые лучшие воспоминания. Классы – просторные, светлые, в каждом не более 30 человек; специальные кабинеты для занятий по химии, по физике, оборудованные для проведения практических занятий; хорошая школьная оранжерея, гимнастический зал, а также просторный чистый двор для большой перемены.

Но главное здесь – подбор педагогов и разумно построенный учебный процесс. Все учителя были хорошие, уроки были живыми и интересными. Конечно, школа слыла либеральной и, можно даже сказать, вольнодумной. Уже на уроках естественной истории в средних классах, где проходили физиологию, учащиеся узнавали об удивительных опытах И.П. Павлова по пищеварению. Преподавание языков (немецкого – с первого класса и французского – с третьего) велось не так, как везде. Многие ученики еще до поступления в школу изучали дома тот или иной язык, поэтому класс делился





на две группы: в сильной группе занимались те, кто уже понимал язык. Герман был в сильной группе и по немецкому, и по французскому языкам. Дома у Крепсов жила фрейлина (она оставалась в семье до самой своей смерти в блокадные годы), еще приходила учительница французского языка, которая проводила с ребятами и все лето.

Русскую литературу в старших классах преподавал Владимир Васильевич Гиппиус – великолепный педагог, влюбленный в Пушкина, прививший слушателям любовь к великому поэту. Химию преподавал В.Н. Верховский, автор известного учебника, физику – П.А. Знаменский, впоследствии – оба профессора. Великолепно читал историю В.Р. Зоммер, ученик профессора Р.Ю. Виппера. Много внимания уделялось рисованию, которое в старших классах преподавал художник К.К. Врублевский; среди его учеников были талантливые, некоторые из них стали известными художниками.

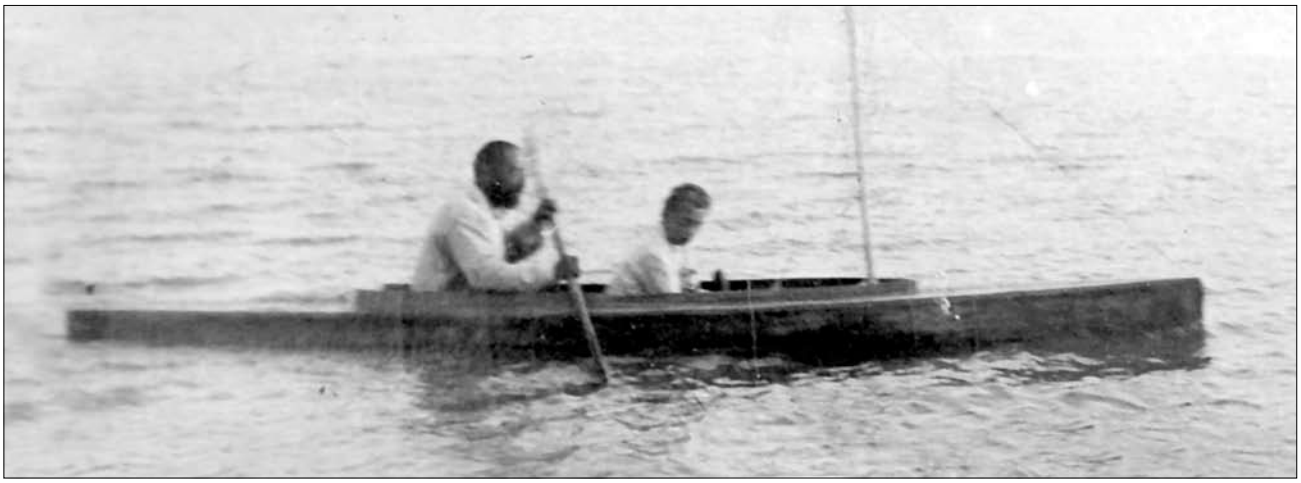
В субботу последним уроком в училище был ручной труд – столярное дело, которое вел Егор Константинович Соломин, сам большой мастер. Преподавал он мастерски. Не было никакого принуждения. Ты устал, тебя не интересует столярное дело – сиди и не мешай другим. Но большинство учеников, в том числе и Герман, любили ручной

труд. Под руководством учителя можно было смастерить полочку, табуретку, ларец или какую-то иную полезную для жизни штуку!

И еще один любопытный момент. Наказаний у тенишевцев не было никаких, да не было и нужды в них. В старших классах разрешалось курить (в специально отведенном месте), но так как это было разрешено, то почти никто не курил. В 12 часов все получали горячий завтрак, раздачу которого производили дежурные ученики. После завтрака – большая перемена, также обязательная для всех, во дворе (для старших и младших классов перемены по времени не совпадали). Кто играл в футбол, кто в лапту.

Кроме прекрасно оборудованных научных лабораторий и механических мастерских училище располагало и концертной аудиторией, главным съемщиком которой был Литературный фонд. Здесь устраивались юбилейные вечера и концерты, на которых можно было увидеть почти всю литературную элиту России конца XIX – начала XX в. В концертной аудитории тенишевцы первыми увидели «желтую блузу» Маяковского и царственную осанку юной Ахматовой. Здесь надменный Игорь Северянин швырял в публику свои ослепительные «поэзы». Не раз над амфитеатром разливалась волшебная музыка Рахманинова и Скрябина, в фойе устраивались многочисленные выставки. Такая литературно-художественная атмосфера, во многом воскрешавшая традиции времен пушкинского лицея, благотворно сказывалась на питомцах училища. Позже многие из них приобрели широкую известность не только в России, но и за ее пределами, в их числе и замечательный русский поэт Осип Мандельштам.

Братья «водили знакомство» с Осипом Эмильевичем, последние дни трагической судьбы которого будут потом запечатлены в воспоминаниях академика Е.М. Крепса. Несмотря на некоторую разницу в возрасте (Осип был старше Евгения и Германа пару классов), они вместе ходили на поэтические семинары. С теплотой вспоминая о своих товарищах-семинаристах в автобиографической повести «Шум времени», Мандельштам писал: это «были хорошие мальчики. Из того же мяса, из той же кости, что и дети на портретах Серова. Маленькие аскеты, монахи в детском своем монастыре, где в тетрадках, приборах, стеклянных колбочках и немецких книжках больше духовности, чем в жизни взрослых».



Сосланному в 1937-м на Колыму Е.М. Крепсу зимой 1938 года в лагере «Вторая речка» доведется вновь встретится с тенишевцем Осипом Мандельштамом. От него мы впоследствии узнаем и о последних днях великого русского Поэта.

После окончания Тенишевского училища дороги братьев на время разошлись, чтобы снова сойтись уже на Кольском полуострове. Евгений пошел по стопам отца, поступив в Военно-медицинскую академию. Это о нем в 1923 г. академик

И.П. Павлов писал в комиссию по улучшению быта ученых: «Имею честь ходатайствовать за молодого врача Е.М. Крепса, оставленного при Военно-медицинской академии для усовершенствования. Еще во время студенчества он успел сделать несколько интересных исследований по физиологии больших полушарий. В истекшее каникулярное время на Мурманской биологической станции он начал опыты на асцидиях (в области сравнительной физиологии). Все это дает основание видеть в Е.М. Крепсе при его способностях, работоспособности и научном интересе будущего значительного работника в избранной им специальности». Время подтвердило прогноз Павлова: Е.М. Крепс стал крупным ученым с мировым именем, академиком, Героем Социалистического Труда.

В отличие от брата, Герман Крепс, нарушив семейные традиции, поступает в Новоалександрийский сельскохозяйственный институт, организованный в конце 1880-х годов великим русским естествоиспытателем В.В. Докучаевым. Во время Первой мировой войны институт был эвакуирован в Харьков, где находится и поныне.

Производственную практику Герман Крепс проходил в одном из лесничеств Бузулукского бора. Дремучий лес площадью в несколько тысяч квадратных километров лежал у северной границы тогдашних Оренбургской и Самарской губерний и являлся реликтом когда-то огромных лесных массивов на границе лесостепи. Обширные посадки сосны, проводимые для восполнения лесов, вырубавшихся населением степных районов, очень страдали от вредителей – личинок жуков, майского и июльского хрущей, которые четыре года живут в почве, объедая нежные корешки молодых посадок, поэтому целые делянки таких посадок засыхали.

Для изучения способов борьбы с этими вредителями и были присланы в Бузулукский бор три студента-практиканта. Вскоре к ним присоединился четвертый – брат Германа, Евгений, решивший здесь провести свои каникулы. В лесничестве Евгений поселился в домике, где уже жили брат и его товарищи – студенты Петроградского лесного института.

Каждый понедельник в лесничество приходили 10–12 девушек из степного села Елшанки, верст за 12 от лесничества. В лесу на делянках они рыли ямки, а студенты разбирали выкопанный грунт, собирали личинки жуков, вели учет, определяли вид, возраст. Девушки были задорные, пели песни, было много смеха и веселья. Столовались практиканты у лесника. Кормили

их сытно, а после обеда Евгения, как самого младшего, посылали еще на хозяйскую бахчу за арбузом.

Это было лето 1915 г. Шла война, однако недостатка еще почти ни в чем не ощущалось. Не хватало лишь серебряной разменной монеты для покупки продуктов на базаре. По-видимому, население припрятывало ее, не доверяя бумажным деньгам.

В лесу было порядочно зайцев, тетеревов, на водоемах держались утки, и у братьев почти всегда была интересная охота. Прослышав об удачливых охотниках, директор лесничества предложил однажды Герману и Евгению поехать в степь на охоту на стрепетов, а если повезет, то и на дроф.

Стрепет – очень красивая степная птица, рыжевато-желтая с темными пятнами (Otis tetrax), одного рода с дрофой (Otis tarda), но значительно меньшей величины, приблизительно с хорошего тетерева. Братья охотно согласились. Рано утром они выехали на двух подводах. Проехали бор, пересекли железную дорогу у станции Колтубанка и углубились в степь. Пересекли по мосту реку Самару, приток Волги, и доехали до села Елшанка. Остановились у знакомого директору крестьянина, закусили, а потом хозяин запряг пару коней в длинную бричку, на которой возят снопы, и велел приехавшим сменить одежду, чтобы больше походить на крестьян: дрофы, а также стрепеты меньше боятся крестьян, работающих в степи, чем других людей.

Долго они углублялись в степь, где хлеба были большей частью уже скошены, пока зоркий глаз хозяина не приметил стрепетов, пасущихся на стерне, и велел держать ружья наготове. Но когда охотники были уже на расстоянии 60–70 шагов, птицы поднялись и быстро полетели. Все стрелки, а их было пять человек, сделали по дуплету, и два стрепета упали, остальные улетели и сели где-то очень далеко. Ехать за ними уже порядком притомившиеся охотники не стали. Что касается дроф, то их они и вовсе видели лишь издали – пролетающими над степью. Но Герману и Евгению поездка все равно очень понравилась: впервые они видели вблизи стрепетов и откровенно любовались их роскошной окраской.

Свою последнюю производственную практику летом 1916 года Герман Крепс проходил на базе сельскохозяйственного техникума в селе Дергачи, недалеко от Харькова. С товарищем по институту он ходил охотиться на болота, окружавшие село, ездил в Харьков за газетами, совсем не радовавшими положением русской армии на фронте. На несколько дней Герман заезжает к своему дяде Григорию, младшему брату матери. Дядя жил в ту пору недалеко от Харькова в городе Сумы, где руководил заводом (и его постройкой), выполнявшим военные заказы. Сумы были тогда небольшим чистеньким городком, где все или почти все принадлежало богатому помещику Терещенко: и театр, и женская гимназия, и клуб, и, конечно, огромный сахарный завод, и столь же огромные плантации сахарной свеклы вокруг города, куда дядя непременно сводил на экскурсию своего любопытного племянника.

Список иллюстраций к главе "Начало пути"

Стр. 10 – дом семьи Крепсов в Петербурге по Демидову переулку (слева). Справа здание Российского географического общества

Стр. 11 – дед и бабушка Германа Крепса (фото со старинного дагерротипа середины XIX в.)

Стр. 12 – мама Германа Крепса – Анна Германовна

Стр. 13 – отец Германа Крепса – Михаил Львович

Стр. 13 – Герману Крепсу 3 года

Стр. 14 – Герману Крепсу 7 лет

Стр. 14 – Г.М. Крепс с супругой Е.Н. Боковой-Крепс в Лапландском заповеднике, 1935 г.

Стр. 15 – Евгений Михайлович Крепс с собакой после охоты

Стр. 15 – Роальд Крепс (сын Г.М. Крепса) на охоте

Стр. 16 – надпись на фотографии: «Три профессора» – М.Л. Крепс с женой Анной Германовной и сыном Евгением около своего автомобиля

Стр. 16 – родители Г.М. Крепса на берегу Финского залива

Стр. 17 – Г.М. Крепс с сыном Роальдом в байдарке на Финском заливе

Стр. 18 – первый домик Лапландского заповедника, в котором Г.М. Крепс прожил 6 лет (в конце 1950-х перевезен на Чунозерскую усадьбу, ныне в нём – музей)

Стр. 19 – мемориальная доска на Доме-музее Г.М. Крепса

В ЦАРСТВЕ БЕРЕНДЕЯ

В ЦАРСТВЕ БЕРЕНДЕЯ

За время учебы в сельскохозяйственном институте Герман Крепс близко сошелся с географом А.А. Григорьевым (1883–1968), находившимся в те годы под влиянием новых направлений в естествознании.

Один из организаторов Географического института в Ленинграде, академик Андрей Александрович Григорьев, вырастил славную плеяду советских географов. Среди них и известный исследователь Крайнего Севера Г.Д. Рихтер, с которым Г.М. Крепса свяжет потом многолетняя дружба. Как выдающийся географ-теоретик, А.А. Григорьев стал одним из основоположников современной географии. Именно ему принадлежит учение о физико-географической оболочке, о типах географической среды, во многом определившее развитие целого ряда важнейших направлений современной науки. «...Успех целого ряда отраслей народнохозяйственного строительства, – писал А.А. Григорьев, – теснейшим образом связан с точными знаниями географической среды.

К сожалению, история русского народного хозяйства изобилует примерами того, к каким печальным результатам ведет отсутствие таких знаний».

Широкая научно-практическая деятельность А.А. Григорьева позволяла ему руководить полевой практикой студентов и аспирантов целого ряда учебных заведений. Так, незадолго до Октябрьской революции А.А. Григорьев предлагает молодому выпускнику сельскохозяйственного института Г.М. Крепсу, наряду с текущей деятельностью агронома, провести обследование торфяных болот во Владимирской губернии.

Глухая железнодорожная станция Берендеи. Германа Крепса уже ожидает запряженная двумя лошадьми подвода. Разместив небольшой скарб молодого агронома (походный рюкзак и несколько связок книг), возница трогает поводья...

В семье у Крепсов была прекрасная библиотека, и Герман, рано научившись читать, многие часы проводил в ее уютных стенах. Круг его чтения был необъятен. Этому способствовали и советы отца, обладавшего поистине энциклопедическими знаниями, и наставничество матери, страстно любившей музыку и поэзию.

Известный этнограф Н.И. Гаген-Торн рассказывает, как, познакомившись с Г.М. Крепсом в 1923 г. на Кольском полуострове, она однажды спросила его, любит ли он стихи.

– Кои люблю, а без других не могу и дня обойтись, – ответил с лукавой усмешкой Герман.

– А без каких не можете?

– Без «Песни о Гайавате» не могу, – твердо сказал Герман. – Я считаю, «Гайавата», так же как и «Книга Джунглей» Киплинга, – на все возрасты, от шести до шестидесяти лет, для настоящих людей.

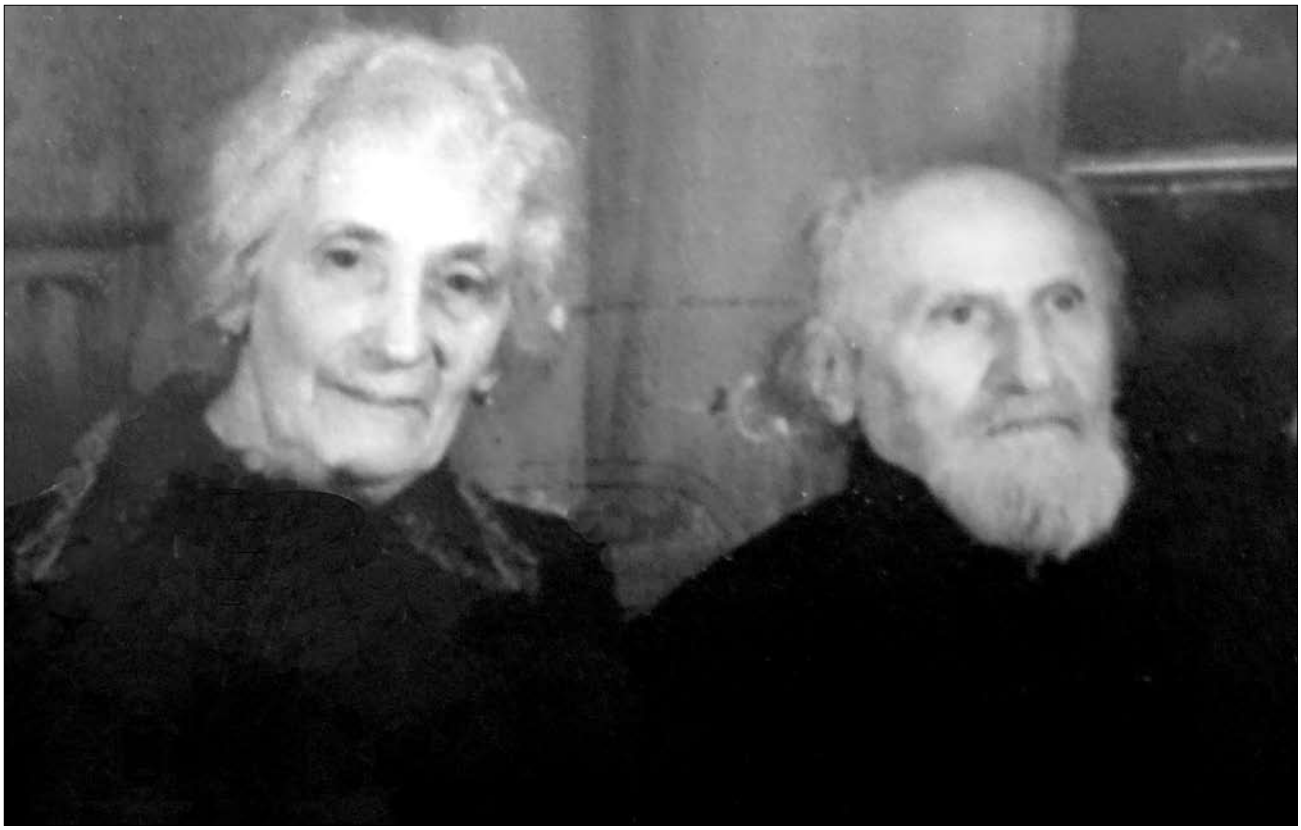
– Настоящие – это какие?

– В которых бродячая жилка. По «Джунглям» я человека определяю: помнит «Джунгли», значит, понимает вкус в редьке, а не упомнил – дырявая балалайка у него душа.

– А если вовсе не читал?

– Тогда это не позор, а просто несчастье, – и Герман развел руками, – я же говорил о тех, кто прочли, да не упомнили.

Тем временем путники выехали из леса и глазам Крепса открылась бескрайняя котловина. Когда-то на этом месте лежало огромное озеро. Не одно тысячелетие его заболоченные берега наступали на водную гладь. Постепенно, слой за слоем на дне болота образовывался торф – уплотненная масса бурого цвета, состоящая из огромного скопления мертвых остатков растений, не подвергшихся полному разложению. На многие километры раскинулись торфяники Берендеева болота. Таинственные, безлюдные,



загадочные ландшафты все дальше и дальше открываются глазам Крепса. Существовало мнение, что Берендеево болото получило свое название по имени кочевого народа, некогда воевавшего с Киевской Русью. Это они привели в наши сказки милую Снегурочку и солнечного бога Ярилу. Но те берендеи жили значительно южнее. И город, который они основали, называется Бердичев. Как же попало это название сюда, к берегам Плещеева озера?

А может быть, вовсе и не берендеи? Славяне пришли в наши земли из лесостепи, а здесь они увидели не лес, не луг, не пашню, не озеро. Одно слово – болото! А болота всегда «бередят» душу человека. По ночам над болотами туманы ходят, огоньки плавают. Кто ходит? Кто плавает? Какие тайны зеленая ряска скрывает? Молчат болота, неохотно раскрывают свои тайны людям.

В 1920-е годы в этих местах не раз побывал Пришвин. Болота вдохновили его на создание замечательных произведений, среди которых и «Кладовая солнца», и «Родники Берендея». А в середине XX столетия болота преподнесли настоящие сенсации археологам...

На плане Берендеево болото представилось Крепсу огромной амебой, распустившей в разные стороны рукава-заливы. То там, то здесь, разбросаны песчаные острова, похожие на сухие долины – суходолы. На юге между подобными суходолами петляла речка, до сих пор питающаяся водой древнего озера. Кислая болотистая почва делает растительность здесь скудной и неприхотливой. Листья у большей части растений широкие, не приспособленные к уменьшению испарения. Корневая система у них слабая, поверхностная. На влажных болотных почвах вначале развивались зеленые болотные мхи. Со временем их заменили сфагновые. Именно в сфагновых верховых болотах образуется самый ценный для добычи торф.

Изучение строения и жизни болот может многое рассказать об их истории. Все дело в том, что поверхность сфагнового болота ежегодно повышается. Быстро растущая дернина может захоронить в себе цветковые растения, и все они так или иначе приспособились, чтобы не отстать от роста сфагнума. Так, у росянки, например, ежегодно образуется розетка листьев, лежащая на поверхности мохового ковра. Раскапывая дернину сфагнума, можно

обнаружить розетки росянки за 10–15 лет и, измерив длину междурозеточных расстояний, определить скорость нарастания сфагнового болота. Примерно таким же образом определяется и быстрота нарастания торфа. Все предметы, попавшие в торф и захороненные в его толще, сохраняются без изменений многие века. Распознав под микроскопом, обнаруженную в торфе пыльцу трав, деревьев и кустарников, споры мхов и папоротников, можно определить, какая растительность окружала болото в различные периоды и какая пришла ей на смену. Получив данные о растительных комплексах в различные времена, можно судить и об изменениях климата в этом районе. Этим же способом датируют свои находки в торфяниках археологи (найденные на Берендеевом болоте свайные поселения имели полуторатысячелетний возраст).

Да, необычайно богатым оказалось это болото, и Крепс был одним из первых, кто начал страницу за страницей читать эту книгу природы. Чем глубже уходил его бур в почву, тем тверже, смолистее становился торф, что говорило о его высоком качестве. Попадались и довольно толстые пласты, однако в среднем их толщина составляла 2–3 м. Вместе с тем, как отмечал Крепс в своих записях, разработка этих торфяников до самых нижних горизонтов может быть затруднена присутствием довольно мощных грунтовых вод, поэтому, прежде чем добывать на болотах торф, их следует мелиорировать – осушить.

Все это Крепс отметил в первой своей научной статье «О строении и жизни болот Владимировской губернии». Работа получила высокую оценку у его учителя – А.А. Григорьева. Несомненно также, что плодотворные идеи Григорьева о комплексном изучении природной среды имели решающее значение для дальнейшего формирования Германа Крепса как вдумчивого и разностороннего исследователя. Профессор Н.И. Прохоров предлагает ему возглавить агрономическую службу Почвенно-ботанического отряда Мурманской железной дороги. И вот в 1920 году начинается «северная одиссея» Германа Крепса.

Список иллюстраций к главе "В царстве Берендея"

Стр. 22 – станция Хибины (начало 1920-х. В верхнем ряду слева – Г.М. Крепс, справа – профессор Н.И. Прохоров с супругой О.И. Кузенёвой (в 1929 г. Прохоров был обвинен в утере географических карт и расстрелян; потом оказалось, что этими картами хозяйка дома, где жил профессор, обклеила свой сундук)

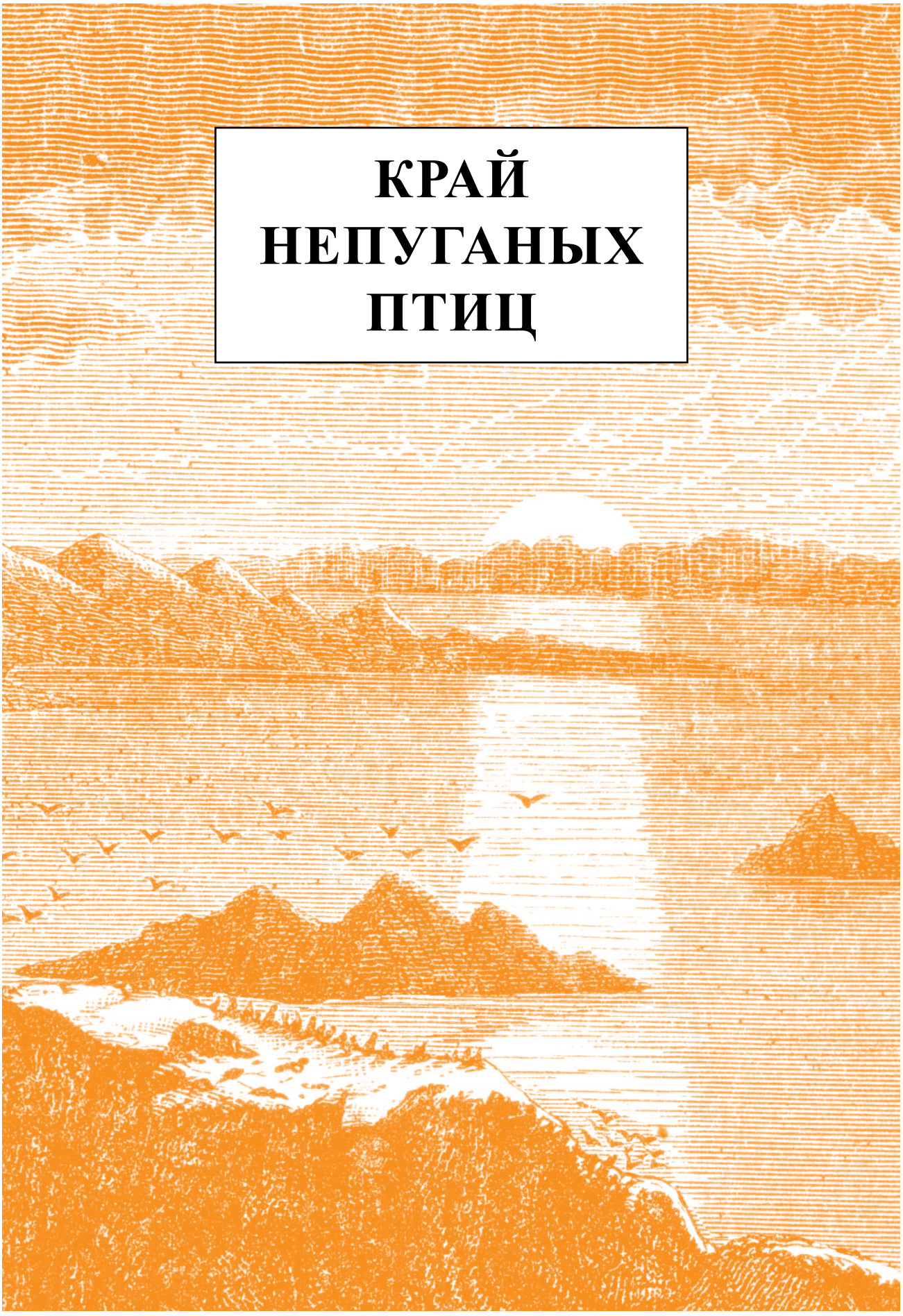
Стр. 23 – обложка книги воспоминаний академика Е.М. Крепса

Стр. 23 – Е.М. Крепс на практике в лаборатории Кембриджского университета, начало 1920-х гг.

Стр.24 – родители Германа Крепса Михаил Львович и Анна Германовна

Стр.25 – Герман Крепс на полевой работе в Лапландском заповеднике

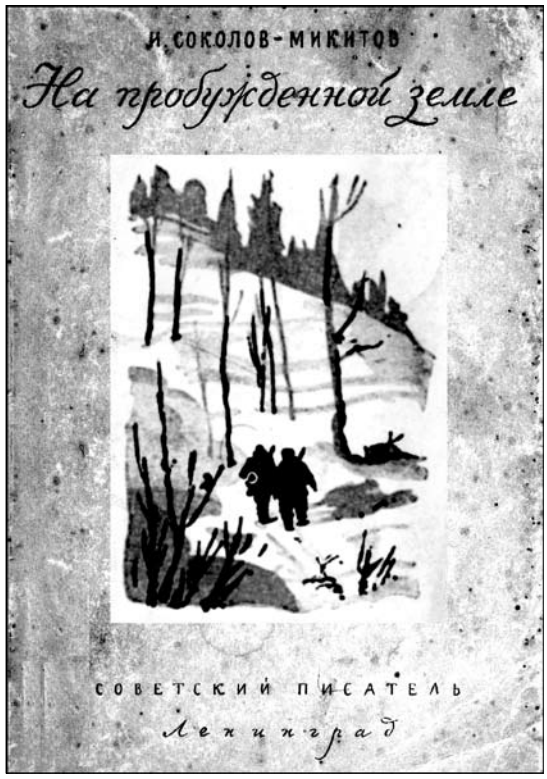
КРАЙ НЕПУГАНЫХ ПТИЦ



КРАЙ НЕПУГАНЫХ ПТИЦ

Трудно назвать случайным приезд Германа Крепса в Заполярье. Еще во время учебы в Тенишевском училище в руки ему попалась книга Михаила Пришвина «Очерки Выговского края», в последующих изданиях известная под названием «В краю непуганых птиц». Прочитав эту необыкновенную книгу о волшебном Севере и его обитателях, Герман тогда буквально «заболел» им.

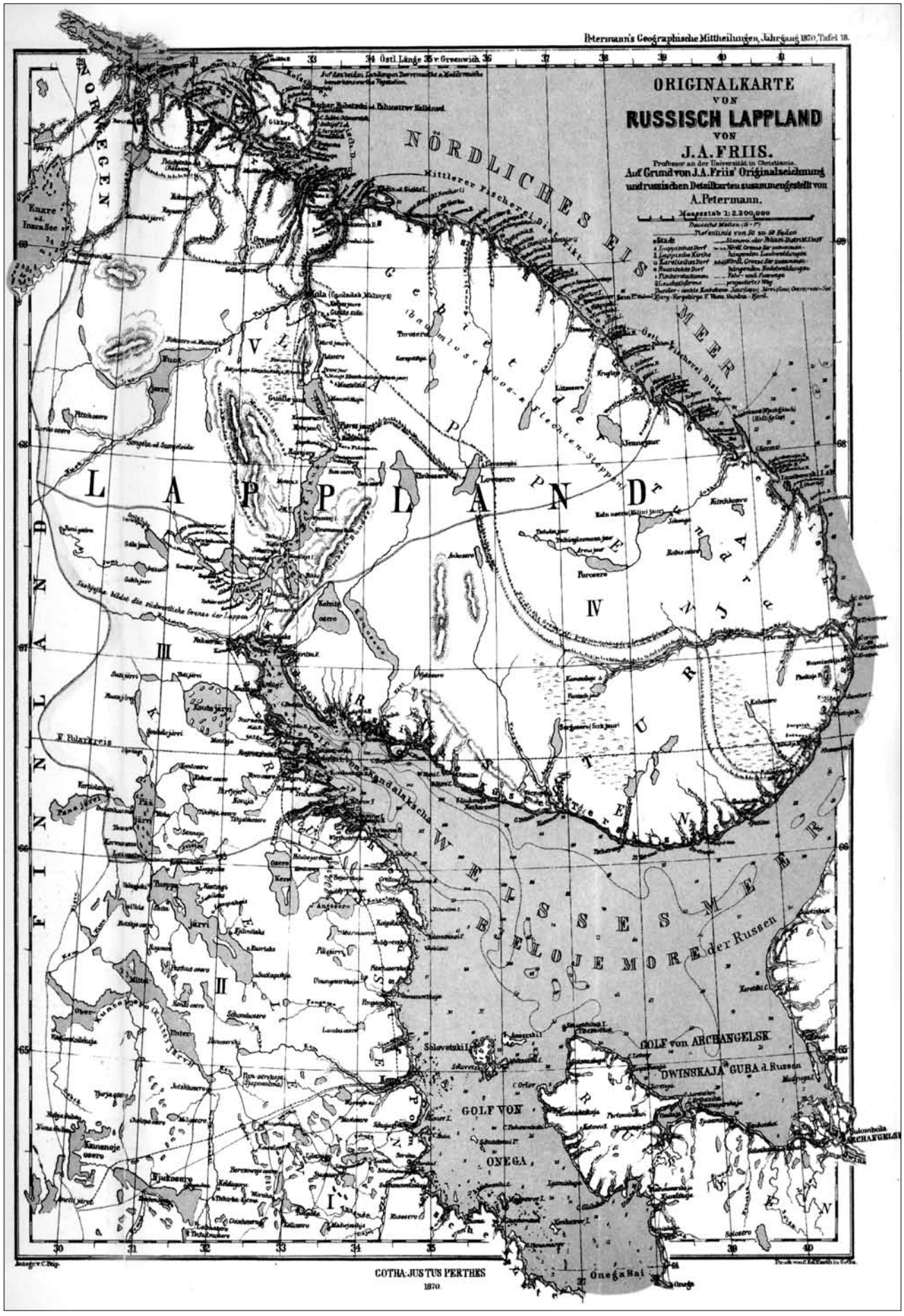
Что же касается самого Пришвина, то о нем было известно немного: агроном с философским образованием, некоторое время работал в Вегетационной лаборатории профессора Д.Н. Прянишникова, был корреспондентом газеты «Русские ведомости». И вдруг он внезапно оставляет службу и уходит пешком с охотничьим ружьем и котомкой за плечами на Север, – уходит, повинуясь голосу сердца. Так определилась его судьба. «Я схватил свое счастье, как птицу на лету, одним метким выстрелом», – писал Пришвин в дневнике в 1926 году.



Край непуганых птиц стал судьбой и для Германа Крепса. И выбор профессии агронома вряд ли можно назвать случайным. Влияние Пришвина здесь очевидно. В 1930-е годы произошло их личное знакомство в Хибинах (об этой встрече Пришвин написал небольшой рассказ «Кривая березка»). Бывал Пришвин и на его московской квартире, где, по словам супруги Крепса Е.Н. Боковой, «вели длинные беседы о взаимоотношениях человека и природы».

Еще в студенческие годы Г.М. Крепс научился видеть в растениях друзей. Ведь это те же живые существа: они рождаются и умирают, они дышат, пьют воду и страдают от голода. Поэтому главная задача агронома – познать душу Растения, стать его другом в общем доме Природы. Особенно остро Крепс ощутил эту связь на Кольском Севере, куда он и отправился в начале лета 1920 года.

Единственной ниточкой, связывающей Кольский полуостров с материком, была тогда Мурманская железная дорога. Она была спешно построена еще в годы Первой мировой войны в связи с закрытием выхода из Черного и Балтийского морей – важнейших транспортных путей России. Но что это была тогда за дорога! В наследство молодой Республике Советов досталась на семьдесят процентов недостроенная «времянка». Так ее в те годы и называли – «великая времянка Мурманка».


Petermann's Geographische Mittheilungen, Jahrgang 1870, Tafel 18.
ORIGINALKARTE
VON
RUSSISCH LAPPLAND
VON
J.A.FRIIS.
Professor an den Universität in Christiania.
Auf Grund von J.A.Friis' Originalzeichnung
und russischen Detailkarten zusammengestellt von
A.Petermann.
Maassstab 1:2.200.000
NÖRDLICHES EIS MEER
LAPPLAND
FINNLAND
WEISS. SES MEER
BJELOJE MORE der Russen
GOLF von ARCHANGELSK
DWINSKAJA GUBA d. Russen
GOLF VON ONEGA
Onega Sai
Kandalaksch
Kola
Kemenoje
Ejkozero
Ruoi
Kitsch
Purosero
Jenisejgur
Kirchozero
Kuusjärvi
Pyhäjärvi
Thuppa
Sholovetskij
Onega
COTHA: JUSTUS PERTHES
1870.

Слабенькие паровозы «трехпарки» ходили редко, а пассажиры часто превращались в ремонтных рабочих, чтобы восстановить размытые пути и разрушенные переправы. Вот почему решение вопроса о будущем Мурманской железной дороги оказалось фактическим решением вопроса о будущем всего северного края. В распоряжение руководителей дороги отводился огромный массив – более трех миллионов гектаров нетронутой земли, лесов, вод и гор с сокровищами их недр. Причем дорога должна была стать не только хозяйственной, но и исследовательской организацией.

Богатства природных кладовых Севера издавна привлекали людей. Первыми подобрали ключи к этим кладовым монахи монастырей. Летописи XVI века рассказывают об отдельных годах, когда монастырское хозяйство на Соловецких островах вываривало до четырехсот тысяч пудов соли. С берегов Белого моря в Москву привозили прозрачный слюдяной камень под названием «мусковит». Пластинки слюды вставляли в оконные рамы вместо стекол. Интерес к Русской Лапландии еще более возрастает в связи с открытием самородного серебра на Медвежьем острове в Кандалакшской губе. Михайло Ломоносов, мечтавший о всестороннем освоении Севера, в своем знаменитом сочинении «О слоях земных» писал: «По многим доказательствам заключаю, что и в северных земных недрах пространно и богато царствует натура».

В конце XIX века земляк Ломоносова, известный исследователь Севера, помор М.К. Сидоров, пытался заинтересовать будущего царя Александра III продвижением границы земледелия на Крайний Север. И вот ответ, полученный им из царской канцелярии: «Так как на Севере постоянные льды и хлебопашество невозможно и никакие другие промыслы немыслимы, то, по нашему мнению, необходимо народ удалить с Севера, а вы хлопочете наоборот и объясняете о каком-то Гольфштреме, которого на Севере быть не может. Такие идеи могут проводить только помешанные».

Мало что изменилось на северной окраине России и после Октябрьской революции. Особенно туго приходилось в те годы станционным рабочим «Мурманки». И чтобы как-то закрепиться на земле, некоторые заводили коров и коз. Однако стихийно налаживая молочное животноводство, никто из переселенцев не догадался завести общественного быка и козла.

– Что будем делать? – плакали в голос хозяйки. – Не оставаться же теперь нашим коровам яловыми...

Видя создавшееся положение, управление Мурманской дороги приобрело племенного быка и козла, выделило теплушку для их содержания. А сопровождать рогатых пассажиров поручили ученому-агроному, который в случае необходимости мог бы выполнить и обязанности ветеринара и лектора.

«О прибытии чернобородого человека первой узнала железнодорожная сторожиха-заика.

– Там, там, там... – запинаясь от волнения, торопилась она сообщить новость.

– Да что там-то, оглашенная? – заражаясь волнением, нетерпеливо допрашивали соседки.

– Там, там, там...

28 ВЕСТНИК КАРЕЛО-МУРМАНСКОГО КРАЯ. № 13.

РЫБОЛОВНЫЙ СПОРТ И ОХОТА

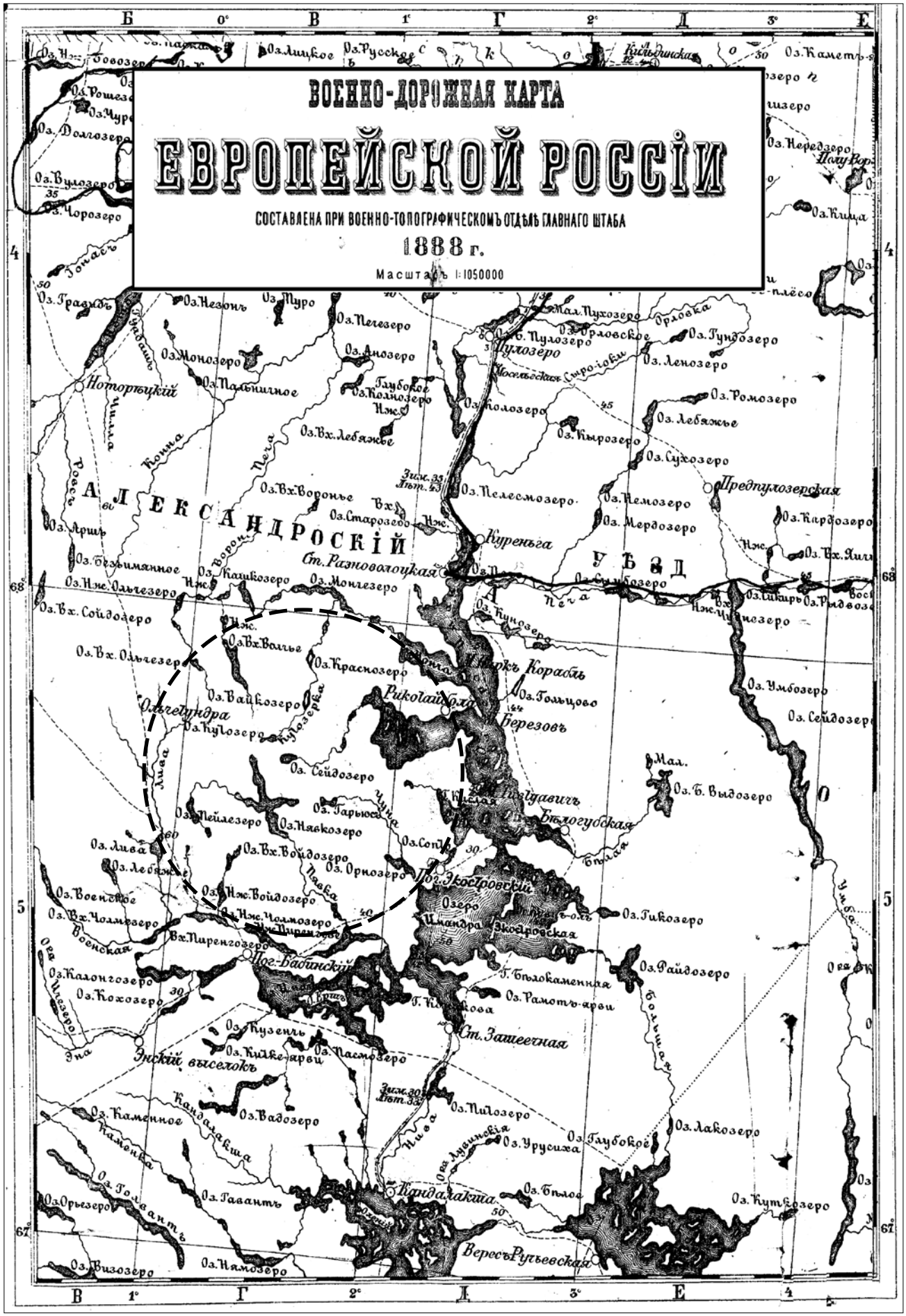
ГЕРМАН КРЕПС

ОХОТА в ЛАПЛАНДИИ

В губах гаги они иногда скрываются в плотные густые стаи, как колоба плавающие с одной кормежки надругую. При известном терпении и навыке можно или скрасть такую стаю или зайти вперед подстеречь ее изгаеды и парой выстрелов взять порядочное количество этой осторожной и очень крепкой на рану птицы. Летняя охота на гагу производится с лодки. Выводки ее менее осторожные чем старая птица, преследуются под парусом или на веслах, птица частью поднимается на воздух, частью ныряет и, если птицы много, то и случайно пролетающие часто попадают под выстрелы.

Вообще же охота на гагу, как летняя так и зимняя—охота довольно трудная и тяжелая и, если бы не своеобразная прелесть вообще морской охоты, требующей от охотника и выносливости и силы и знания местности и умения владеть веслом и парусом—эта охота мало нашла бы сторонников. Гагары, большой и длинношеий крехаль (Mevgus mevganstev) (гурман) (Oidemia fusca) и в особенности чисти и алейка (nareida glacialis) часто попадаются при охоте на гаг. Морские свиньи (дельфины) и тюлени нередко соблазняют пустать по ним заряд артечи или пулю и изредка, правда платится за свое любопытство или неосторожность. Иногда охота, или поездка на охоту разнообразится встречей с китом, который, годами бывает передок в районе напр. Кольского или Мотовского заливов. Мощный кодох, слышный в тихую погоду на 1½ версты и больше заставляет оборачиваться и порою видишь громадное, как опрокинутое судно, черное тело, вздымающееся над водой.

Чтобы закончить морскую охоту, нужно упомянуть еще об весенней охоте на лебедей и гусей на Кольском заливе. Весною, и все реки впадающие в Кольский залив—Кола и


ВОЕННО-ДОРОЖНАЯ КАРТА
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ
СОСТАВЛЕНА ПРИ ВОЕННО-ТОПОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ ГЛАВНАГО ШТАБА
1888 г.
Масштабъ 1:1050000
АЛЕКСАНДРОСКІЙ УѢЗД
Ст. Разноволоцкая
Куренга
Предпулозерская
Корабль
Березовъ
Белогубская
Островскій
Островская
Ст. Зашеечная
Энскій выселокъ
Кандалакша
Вересъ Ручьевская
Нотортъцкій
Оз. Онежское
Оз. Ладожское
Оз. Ковозеро
Оз. Каметъ
Оз. Нередзеро
Оз. Чорозеро
Оз. Вулозеро
Оз. Долгозеро
Оз. Грязнъ
Оз. Незонъ
Оз. Туро
Оз. Пелгозеро
Оз. Анозеро
Оз. Монозеро
Оз. Пальничное
Оз. Колозеро
Оз. Ромозеро
Оз. Лебяжье
Оз. Кырозеро
Оз. Сухозеро
Оз. Пелесмозеро
Оз. Немозеро
Оз. Мердозеро
Оз. Кардозеро
Оз. Вх. Лебяжье
Оз. Вх. Воронье
Оз. Старозеро
Оз. Кашкозеро
Оз. Монгозеро
Оз. Вх. Ольгезеро
Оз. Вх. Сойдозеро
Оз. Вх. Волчье
Оз. Красноозеро
Оз. Вайкозеро
Оз. Куйозеро
Оз. Гольцово
Оз. Сейдозеро
Оз. Гарьюсъ
Оз. Пейлезеро
Оз. Нявкозеро
Оз. Вх. Войдозеро
Оз. Орнозеро
Оз. Нж. Войдозеро
Оз. Нж. Чолмозеро
Оз. Вх. Чолмозеро
Оз. Военское
Оз. Лебяжье
Оз. Лива
Оз. Калонгозеро
Оз. Кохозеро
Оз. Пузенъ
Оз. Пасмозеро
Оз. Вадозеро
Оз. Каменное
Оз. Гаванъ
Оз. Орьезеро
Оз. Визозеро
Оз. Нямозеро
Оз. Умбозеро
Оз. Сейдозеро
Оз. Б. Выдозеро
Оз. Гикозеро
Оз. Райдозеро
Оз. Рамотъ-ярви
Оз. Пилозеро
Оз. Урусиха
Оз. Глубокое
Оз. Лакозеро
Оз. Кутозеро
Оз. Бѣлое
Оз. Ладинеія
Оз. Нижнее
Оз. Большое
Оз. Мал. Пухозеро
Оз. Орловское
Оз. Гундозеро
Оз. Ленозеро
Оз. Тикарь
Оз. Рыдвозеро
Оз. Вх. Яглозеро
Оз. Нж. Ольгезеро
Оз. Вх. Ольгезеро
Оз. Вх. Воронье
Оз. Безымянное
Оз. Аршъ
Оз. Ладожское
Оз. Онежское
Оз. Ладожское
Оз. Онежское
Оз. Ладожское
Оз. Онежское

– Пожар, что ли?

– Б-б-б-быка привезли! – выпалила наконец, счастливо улыбаясь, заика.

Весть, принесенная сторожихой, произвела потрясающее впечатление на обитателей маленького полустанка. Забыв о топящихся печках, побросав горшки и ухваты, кинулись станционные бабы к платформе, уже заросшей мхом и травой.

Там, на запасном пути, стояла в тупике теплушка. Из распахнутой двери высовывалась лобастая голова быка, спокойно жевавшего жвачку. Оттуда же, из теплушки, путаясь в ногах быка, рогами грозил людям огромный козел... Глядя на быка, кричали и ссорились окружавшие вагон женщины, спорили между собой и уговаривали ссорившихся жен прибежавшие на шум железнодорожники.

Пока племенной бык и козел выполняли свою «повинность», агроном Крепс брал ружье и уплывал на лодке исследовать неизвестные ему районы. Он отмечал на карте сенокосные угодья, наблюдал за жизнью животных, собирал гербарий».

Эти строки из книги Ивана Сергеевича Соколова-Микитова «На пробужденной земле» были посвящены молодому агроному Герману Крепсу. И скоро «чернобородого» – так прозвали ученого-агронома – знали уже по всей дороге от Кандалакши до Колы. Прибывая на очередную стоянку, агроном Крепс ставил вагон с животными на запасной путь и первым делом проводил с населением краткую агрономическую беседу. Недоверчиво глядели жители станционных поселков на землю, покрытую мхами и лишайниками.

– В этих местах все непременно померзнет, и капуста, и картошка, – упрямо говорили они, – а кормиться здесь человеку можно только козой и коровой. И никакие доводы молодого агронома, что еще в конце XVIII века в Коле не только возделывали репу и капусту, но даже вывозили их на экспорт, на переселенцев не действовали…

Из воспоминаний брата Германа Крепса – Евгения:

«Весной 1921 года я кончал третий курс Военно-медицинской академии. Подходили летние каникулы, и я думал, как их использовать. Мой старший брат Герман, в ту пору агроном Полярного района Мурманской железной дороги, жил в Хибинах, в не-

большом станционном поселке на Кольском полуострове, и предложил мне принять участие в работах одного из отрядов академика А.Е. Ферсмана. Требовались здоровые парни, носильщики добываемых геологами образцов горных пород.

Я с радостью согласился и приехал на станцию Хибины, откуда начинались маршруты в Хибинские горы, тогда еще мало исследованные. Мой отряд состоял из трех геологов, двух носильщиков и меня. К нам присоединились еще два москвича – профессор С.С. Четвериков, известный зоолог и генетик, и его спутник, сотрудник Мосгороно; их задача состояла в заготовке экспонатов для школьных коллекций московских школ. По совету Германа я взял с собой ружье, надеясь пополнять дичью скромное меню. Однако с охотой нам не везло: живности в Хибинах в ту пору почти не было, то же касалось и птиц. И тогда Четверикову пришла в голову гениальная мысль – послать меня в Александровск-на-Мурмане (ныне – Полярный), на биостанцию, с тем, чтобы там, на побережье, я настрелял для них разных птиц.

Я дошагал до станции Хибины, зашел к брату, и мы вместе поехали в Мурманск. Герман уже давно хотел поближе познакомиться с сотрудниками биостанции. По удачному стечению обстоятельств, в этом же поезде на Мурманскую биологическую станцию ехал профессор Петербургского университета зоолог К.М. Дерюгин с группой студентов, с которыми мы быстро подружились».

На станции Имандра к общей компании присоединился еще один любопытный пассажир – саам Федор Архипов (он ехал в Мурманск пополнить свои запасы пороха и пуль). Герман и раньше слышал об этом знаменитом охотнике, который в одиночку мог «положить» до двух десятков оленей, и теперь все его внимание переключилось на него: как теперь живут лопарские погосты, чем они промышляют, не притесняет ли саамов новая власть и какой сегодня они веры придерживаются? На Мурмане тогда прошел слух, что саамы поголовно крестятся.

Немного смутившись от обилия вопросов, Федор отвечал, что главный предмет их веры – это всего лишь духи, живущие в водах, камнях и скалах. К примеру, у саамов имеется множество сказок и легенд (ловт) об олене золотыми рогами – Мяндыше-пыре, о добром медвежонке – Талашке, о каменных лабиринтах и сейдах, помогающих саамам в охоте и быту, а также в схватках с пришлым неприятелем. И, немного осмелев, Федор рассказал спутникам одну из таких сказок-ловт. И выходило, что вера у саамов – такая светлая и незамысловатая, несмотря на жестокие нравы новых заводчиков, колонистов и перекочевавших из Мезени ижемцев, особенно сильно подорвавших их неторопливый и размеренный быт. А что касается новой веры, заметил уже разговорившийся Федор, то и вправду некоторые саамы стали захаживать в русские храмы и даже, поговаривают, молятся неведомому ранее христианскому богу. Тему подхватил и Евгений Крепс. Он пересказал спутникам свой недавний разговор академиком Павловым (у которого он проходил практику в лаборатории). С прямолинейностью, присущей молодости, он спросил у него, как это в таком большом ученом уживаются и научный

материализм, и вера в Бога с хождением в церковь и т. п.

Иван Петрович, усмехнувшись, ответил ему примерно так: «Послушайте, господин хороший, что касается моей религиозности и посещения церкви, то это сплошные выдумки. Как большинство семинаристов, уже со школьной скамьи я стал безбожником, атеистом. Но человек не может жить без веры. Большевик верит, что коммунизм даст счастье человечеству, и если не ему самому, то его детям, внукам. Эта вера дает ему силу переносить голод и холод, драться на фронтах, сражаться за победу мировой революции, умирать за идею.

Человеку религиозному, верующему в Бога, силу придает вера, что есть высший судия, справедливый и милостивый, который за страдания, за праведные дела даст ему Царство Божие на том свете. Эта вера помогает ему жить, терпеть горести, лишения.

Моя вера – это вера в то, что счастье человечеству даст прогресс науки. Я верю, что человеческий разум и его высшее воплощение – наука – избавят род людской от болезней, от голода, от вражды, уменьшат горе в жизни людей. Эта вера давала и дает мне силы, и помогает вести работу.

Почему многие думают, что я верующий человек, верующий в смысле религиозном? Потому что я выступаю против гонения на церковь, на религию. Я считаю, что нельзя отнимать веру в Бога, не заменив ее другой верой. Веру приносит людям просвещение, образование. Вера в Бога становится ненуж-

ной. Многие ли образованные люди верят в Бога? (Хотя есть еще немало верующих и среди них.) Надо раньше просветить народ, дать ему грамотность, образование, и вера сама ослабнет. А разрушать веру в Бога, не заменив ее ничем, нельзя.

А что значит лишить человека веры? Вы знаете мою книгу «Лекции о работе главных пищеварительных желез»? Помните посвящение: «Памяти друга, талантливого врача Николая Петровича Богоявленского»? Богоявленский был моим товарищем по семинарии. Вместе учились и дружили. Он всегда очень уважал меня, говорил, что я служу ему примером. Богоявленский тоже, как и я, не стал священником, сделался врачом, и притом отличным врачом.

Как-то не очень давно, уже будучи много лет врачом, он приехал в Петербург, пришел ко мне: «Ты, Иван Петрович, достиг вершин науки, ты постиг работу мозга, вместилища души. Скажи мне, есть ли что-нибудь «по ту сторону»? Что ждет нас после смерти? Тебе одному я поверю».

Я посмеялся над ним, сказал: «Как ты, врач, естествоиспытатель, можешь говорить такие глупости! Умрем, и прах наш подвергнется разложению, распадется на элементы, из которых мы возникли. Какую тебе еще загробную жизнь надо?» – Он ничего не сказал, ушел, а на другой день я узнал, что он покончил с собой... Я отнял у него ту веру, что была у него. А другой веры у него не было. Я был его убийцей.

Вот так-то, молодой человек. А в церковь я не хожу и в Бога не верю. Сарра Васильевна (так Иван Петрович называл свою жену Серафиму Васильевну), та и в Бога верует, и в церковь ходит. До свидания». И Павлов зашагал от своего любимого ученика, прихрамывая и опираясь на палку, к дверям лаборатории.

За разговорами быстро подъехали к Мурманску, тогда состоявшему из беспорядочного скопления деревянных домишек и оставшихся после интервенции английских бараков, покрытых гофрированным железом.

Сдружившиеся в вагоне спутники перетащили весь груз дерюгинской партии на пристань и, распрощавшись с охотником-саамом, стали ожидать оказии в Александровск.

Пароходное сообщение было еще очень редким и нерегулярным. Наконец, на рыболовном боте они спустились по Кольскому заливу и завернули в Екатерининскую гавань, где расположился Александровск и Мурманская биологическая станция. Директор станции Герман Августович Клюге принял всю компанию очень дружелюбно, и все они удобно разместились на станции.

Океан, бухты, прозрачная вода, дно, усеянное морскими животными, богатство птиц на воде и по берегам – все это буквально сводило с ума братьев Крепсов. И у каждого из них возникла мысль: вот место, где нужно жить и работать!

Арктическое лето, живописные фьорды окрестностей станции, увлеченность работой, юная веселая компания (подъехали еще молодые зоологи-студенты из Москвы со своими руководителями Б.С. Матвеевым, А.Н. Северцовым, В.В. Васнецовым) – все создавало непередаваемую радужную атмосферу, которая надолго сохранилась в душе всех, проводивших лето 1921 года на Мурманской биологической станции.

Профессор К.М. Дерюгин предложил братьям на время стать лодочными гребцами для работы в Кольском заливе. Помогая зоологам в тралении, в драгировках, Евгений и Герман также стреляли птиц, а вечерами снимали и консервировали шкурки.

Перед возвращением в Хибины Герман рассказал своему брату, что Клюге предложил ему работать на биостанции научным сотрудником, но его текущие планы по организации Хибинского агропункта, не позволяют ему сегодня воспользоваться этим заманчивым предложением. Набрав целый мешок подготовленных шкурок птиц, главным образом морских, братья вернулись в Хибины и передали свои трофеи С.С. Четверикову (тот удивился столь обильной «жатве» и сказал, что

расходы на его командировку будут полностью оправданы).

Перед отъездом из Хибин Евгений рассказал старшему брату о своем твердом намерении работать на биостанции, и Герман его поддержал. Правда, в 1922 году Евгению не пришлось работать в самом Александровске. Но для прохождения врачебной практики он, конечно же, выбрал полюбившийся ему Мурман.

«Приехав в Мурманск, – вспоминает Е.М. Крепс, – я пошел в Окрздравотдел с предложением своих услуг. Врачи, даже не окончившие курса, были очень нужны. Но я отказался от всех мест в больницах Мурманска и согласился на должность, от которой все отказывались, – быть врачом всего Мурманского берега, от поселка Поной, в горле Белого моря, до государственной границы.

Базой моей должна была быть больница в Териберке, самом крупном становище восточного Мурмана. На протяжении всего берега было пять фельдшерских пунктов – в Западной Лице (западный Мурман), Териберке, Гаврилове, Харловке, Поное».

Иногда пути братьев пересекались, иногда они получали через знакомых весточки. Евгений Михайлович вспоминал, что осенью 1921 года он получил письмо от Германа, где он рассказывал о краткой поездке вместе с профессором Н.И. Прохоровым и его супругой, ботаником О.И. Кузенёвой в бассейн реки Чуны.

Забегая вперед, скажем, что более подробное знакомство Германа Крепса с этим районом Чуна-тундры (впоследствии ставшим частью Лапландского заповедника) произошло в августе 1924 года, когда он с партией работников леса – хибинским лесничим Я.Н. Роминым, инженером по лесозаготовкам Н. Неведомским и агрономом И.Г. Эйхфельдом участвовал в экспедиции по выяснению возможности организации заготовок леса в бассейне реки Чуны, еще не тронутом лесными пожарами. В центральной части полуострова во время строительства железной дороги леса большею частью выгорели. В лесной полосе между озером Имандра и Хибинским горным массивом местами огонь прошел повторно. Выгорел не только лес, но все, что могло гореть, даже верхний горизонт почвы. Вот почему, увидев эти участки нетронутой природы, Эйхфельд и Крепс как могли «охлаждали» лесников в их намерениях. Так или иначе, но лесозаготовки на Чуне тогда не были намечены. Возможно, что это решение было принято в связи с трудностью вывозки и сплава леса по маловодной и извилистой реке.

Список иллюстраций к главе "Край непуганых птиц"

Стр. 28 – обложка книги И.С. Соколова-Микитова «На пробужденной земле»

Стр. 29 – карта Русской Лапландии Йенса Фрииса, 1870 г.

Стр. 30 – статья Германа Крепса в журнале «Вестник Карело-Мурманского края», 1925 г.

Стр. 31 – военно-дорожная карта Европейской России за 1888 год. Пунктиром выделена область под предполагаемый заповедник

Стр. 32 – русский писатель И.С. Соколов-Микитов в Лапландском заповеднике, 1932 г.

Стр. 33 – молодой этнограф Нина Гаген-Торн во время пребывания на Мурмане в 1922 г. Фото Г.М. Крепса.

Стр. 34 – лопарский сейд в виде головы оленя. Рис. В.В. Чарнолуского. Подпись под рисунком гласит: «Сейд-камень в виде головы оленя расположен на месте жертвоприношения божеству дикого северного оленя – Мяндашу". В легенде о Мяндаше (Человеке-олене с золотыми рогами) отразились древнейшие представления саамов и, в частности, культ дикого северного оленя. Эта легенда ведет свое происхождение с давних времен, когда охота была основным источником существования предков лопарей (саамов)

Стр. 34 – вид на Монче-тундру, Ен-лаг и Кыдым-корч, 1929 г. Фото Г.М. Крепса

Стр. 35 – лагерь в устье реки Верхняя Чуна, 1934 г. У костра Герман Крепс и Андрей Васильев

Стр. 36 – Кандалакшский лабиринт (I–II тыс. до н. э.). Фото Г. Александрова

Стр. 37 – Канозерские петроглифы (I тыс. до н. э.), обнаруженные на Кольском полуострове в 1997 году на островах Канозера. Фото Г. Александрова

РОЖДЕНИЕ ПОСВИРА

РОЖДЕНИЕ ПОСВИРА

Это место на берегу озера Имандры Герман Крепс уже давно для себя приметил. Отсюда открывался прекрасный вид на бесконечную акваторию озера с причудливой береговой линией, с множеством бухт, заливов и островков, с голубеющими вдали отрогами Чуна- и Монче-тундры. Почти пологие берега, хотя местами и заболоченные, вполне годились для сельскохозяйственных посадок. Всё это создавало неповторимый, властно зовущий к себе ландшафт.

Весной 1922 года Г.М. Крепс вместе с метеорологом К.Д. Доброхотовым начинают работы по организации Хибинского агроклиматического пункта. Отсюда, со станции Хибины, начинались и многочисленные экспедиции Ферсмана, Григорьева, Прохорова, многим из них Герман Крепс уже оказывал посильную помощь.

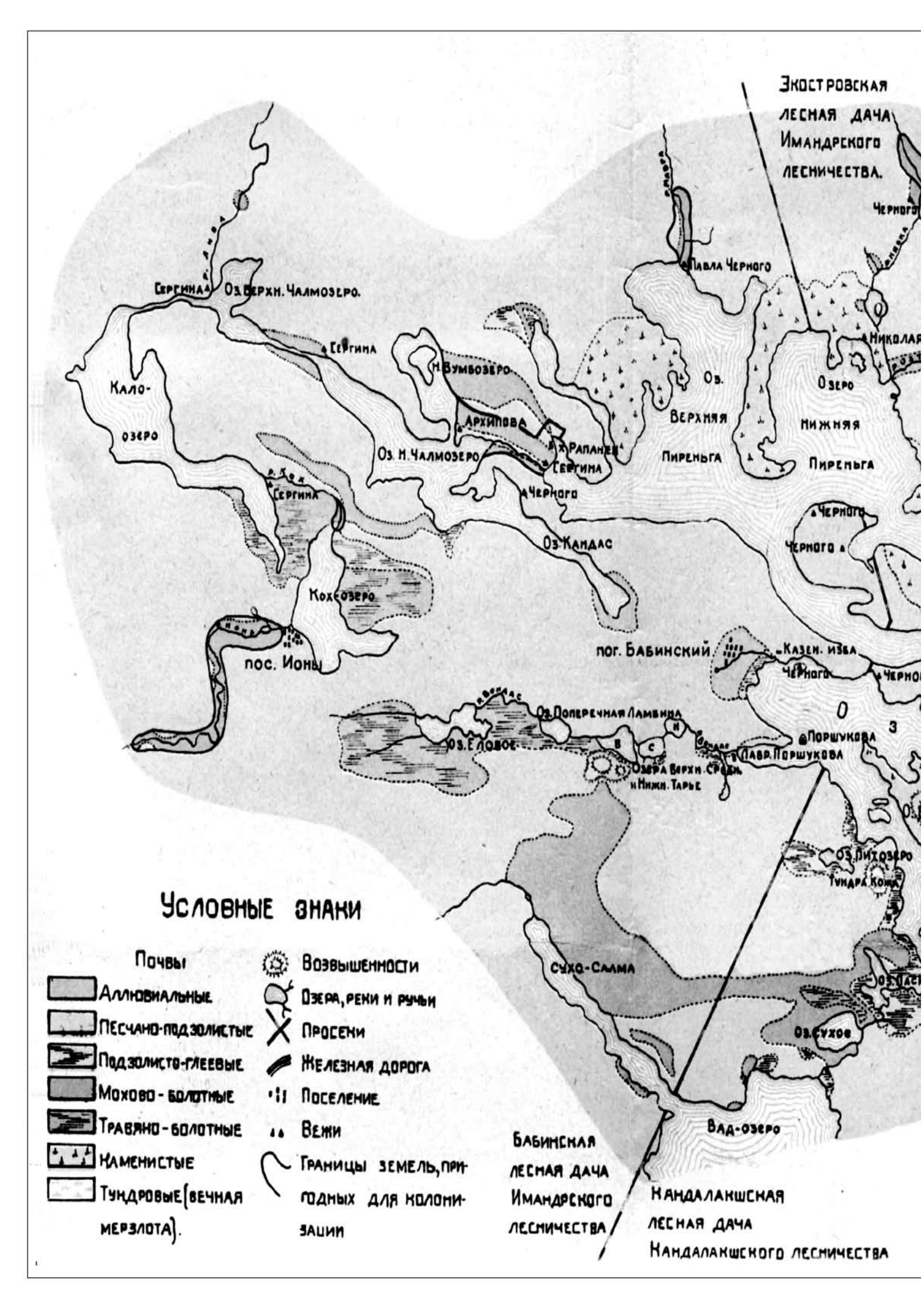
«Оприходовав» на время добротную избушку лесорубов, Крепс и Доброхотов раскорчевывают, распахивают и делают посадки на первом гектаре болотистой северной земли.

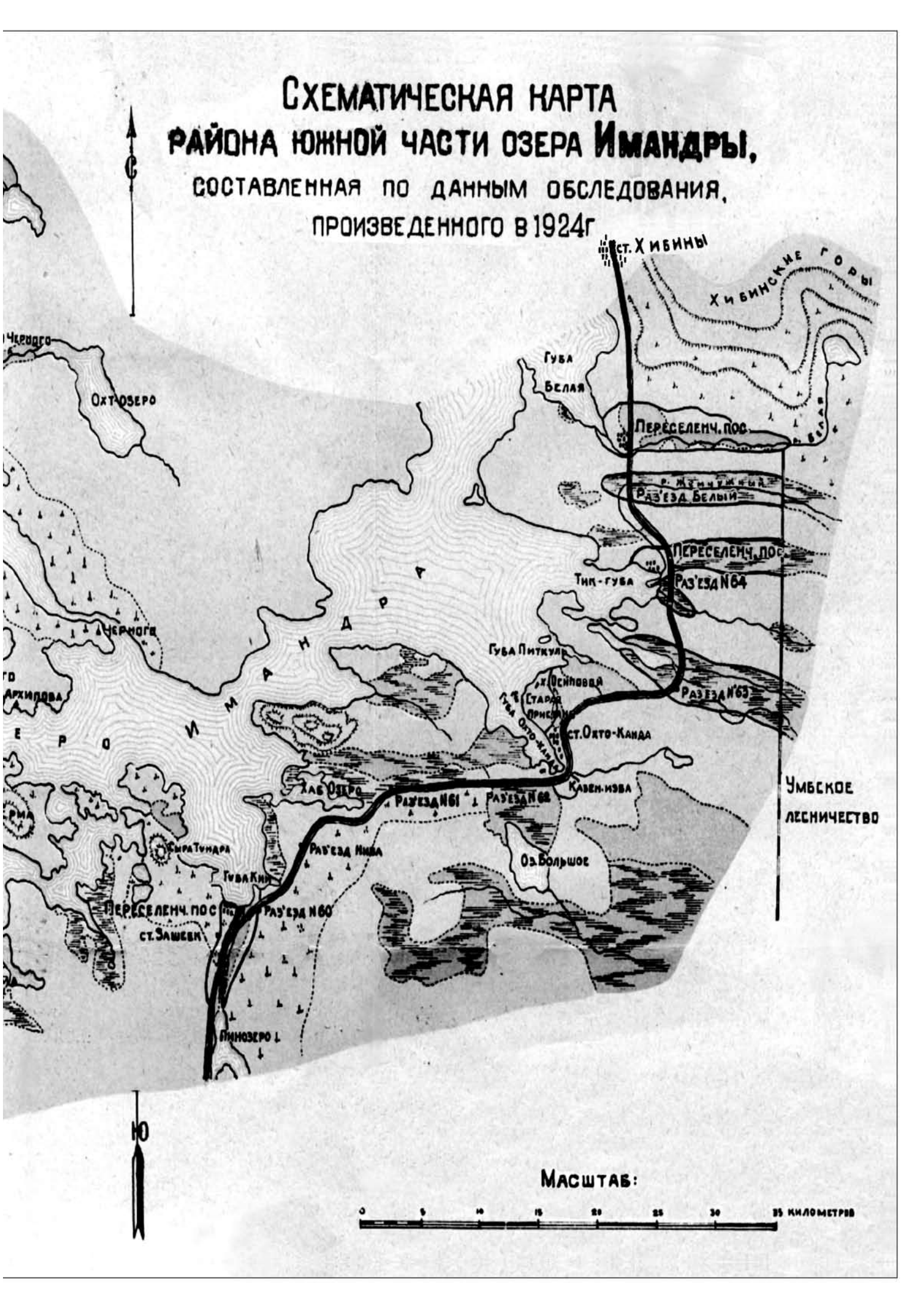
Железная дорога помогает финансами: в хозяйстве появляются лошадь, плуг, борона. Под окнами избушки Крепс сажает цветы – настурцию, резеду, левкои, прекрасно разросшиеся уже в первое лето.

Безусловно, Север – далеко не эльдорадо для земледелия. К тому же – короткое и прохладное лето, слабое плодородие северных почв, заморозки в июне и августе. Заметим, что основной агрометеорологический показатель – сумма положительных температур летнего вегетационного периода даже для наиболее скороспелых и хладостойких овощей-корнеплодов – составляет не менее 1500 °С, на Кольском полуострове она едва превышает тысячу. Правда, помогает растениям за полярным кругом выживать совершенно необычный световой режим, когда закатное солнце, лишь слегка коснувшись горизонта, снова начинает свой заоблачный бег. Прямо как в одной из туристских песен:

Тундры усталые плечи
И негасимый закат.
Утро – а все-таки вечер!
Камни – а все-таки сад!

И все было бы неплохо, но вот, ещё одна удивительная особенность местного климата – сильные засухи в первой половине июня, такие засухи, что желтеют и вянут травы даже под пологом леса. Так было и летом 1922-го. В результате первый урожай хибинского поля оказался более чем скромным (были посеяны репа, капуста, картофель и овес). Было от чего приуныть. Но Крепс не унывал, он твердо верил в несостоятельность сложившихся представлений о северном земледелии.


Экостровская лесная дача Имандрского лесничества.
Павла Черного
Сергина
Оз. Верхн. Чалмозеро.
Сергина
Н. Вумбозеро
Кало-
озеро
Архипова
Оз. Н. Чалмозеро
Рапанец
Сергина
Черного
Оз. Верхняя Пиреньга
Оз. Нижняя Пиреньга
Николая
Черного
Сергина
Оз. Кандас
Черного
Черного
Кохеозеро
пос. Ионы
пог. Бабинский
Казен. изба
Черного
Оз. Поперечная Ламбина
Оз. Еловое
Поршукова
Лавр. Поршукова
Озера Верхн. Средн. и Нижн. Тарье
Оз. Пихозеро
Тундра Кожа
Условные знаки
Почвы
Аллювиальные
Песчано-подзолистые
Подзолисто-глеевые
Мохово-болотные
Травяно-болотные
Каменистые
Тундровые (вечная мерзлота).
Возвышенности
Озера, реки и ручьи
Просеки
Железная дорога
Поселение
Вежи
Границы земель, пригодных для колонизации
Сухо-Салма
Оз. Сухое
Вад-озеро
Бабинская лесная дача Имандрского лесничества
Кандалакшская лесная дача Кандалакшского лесничества


Схематическая карта
района южной части озера Имандры,
составленная по данным обследования,
произведенного в 1924г
С
ЮО
ст. Хибины
Хибинские горы
Губа Белая
Переселенч. пос.
р. Жемчужный
Раз'езд Белый
Переселенч. пос.
Тик-губа
Раз'езд №64
Имандра
Губа Питкуль
Осиновая
Старая Приманка
Раз'езд №63
ст. Охто-Канда
Кавен-изба
Умбское лесничество
Хаб Озеро
Раз'езд №61
Раз'езд №62
Сыра Тундра
Раз'езд Нива
Губа Кий
Оз. Большое
Переселенч. пос.
Раз'езд №60
ст. Зашеек
Пинозеро
Черного
Охт-Озеро
Черного
Архипова
Масштаб:
0 5 10 15 20 25 30 35 километров

Но как их преодолеть? Нужны были не только значительные материальные средства, нужен был и постоянный штат рабочих и специалистов. С этой целью он в конце 1922 года едет в Петроград искать специалистов, агитировать добровольцев.

С его приездом всегда оживлялся гостеприимный родительский дом. Крепс называл эти шумные встречи с друзьями «фестивалями». Теперь он уже сам мог поведать собравшимся о собственных путешествиях в Лапландии, о своих новых друзьях – поморах и саамах. Герман был замечательным рассказчиком. В его лексиконе появилось много поморских и саамских слов, поговорок и прибауток, что придавало его речи особый колорит.

На одном из таких «фестивалей» произошла встреча, ставшая впоследствии знаменательной во многих отношениях. Вспоминает академик Иоган Гансович Эйхфельд:

«В марте 1923 года я начал готовиться к поездке в Мурманск. Целью поездки было выяснение возможности организации на Кольском полуострове исследований по сельскому хозяйству. Имелось в виду поставить систематические опыты по освоению земель, возделыванию овощей, картофеля и кормовых культур, а также некоторые исследования общего биологического характера. Профессор Н.И. Вавилов, директор отдела прикладной ботаники и новых культур Института опытной агрономии, имел в виду организовать в Хибинах самую северную точку так называемых географических посевов, целью которых было изучение географической изменчивости признаков у культурных растений.

После консультации во вновь созданном Колонизационном отделе Мурманской железной дороги было решено выяснить возможность организовать работу в районе станции Хибины этой дороги. Эта точка была выбрана с учетом географического положения, а также потому, что там еще в 1922 году один из отрядов Северной научно-промысловой экспедиции начал подготовительные работы по созданию сельскохозяйственного опытного пункта.

Поехать в Мурманск советовали в Колонизационном отделе сельского хозяйства. По информации работников Промысловой

экспедиции, в Хибинах должны быть дома, лошади и сельскохозяйственный инвентарь, подготовлены также земельные участки, а что имелось в действительности, они не знали.

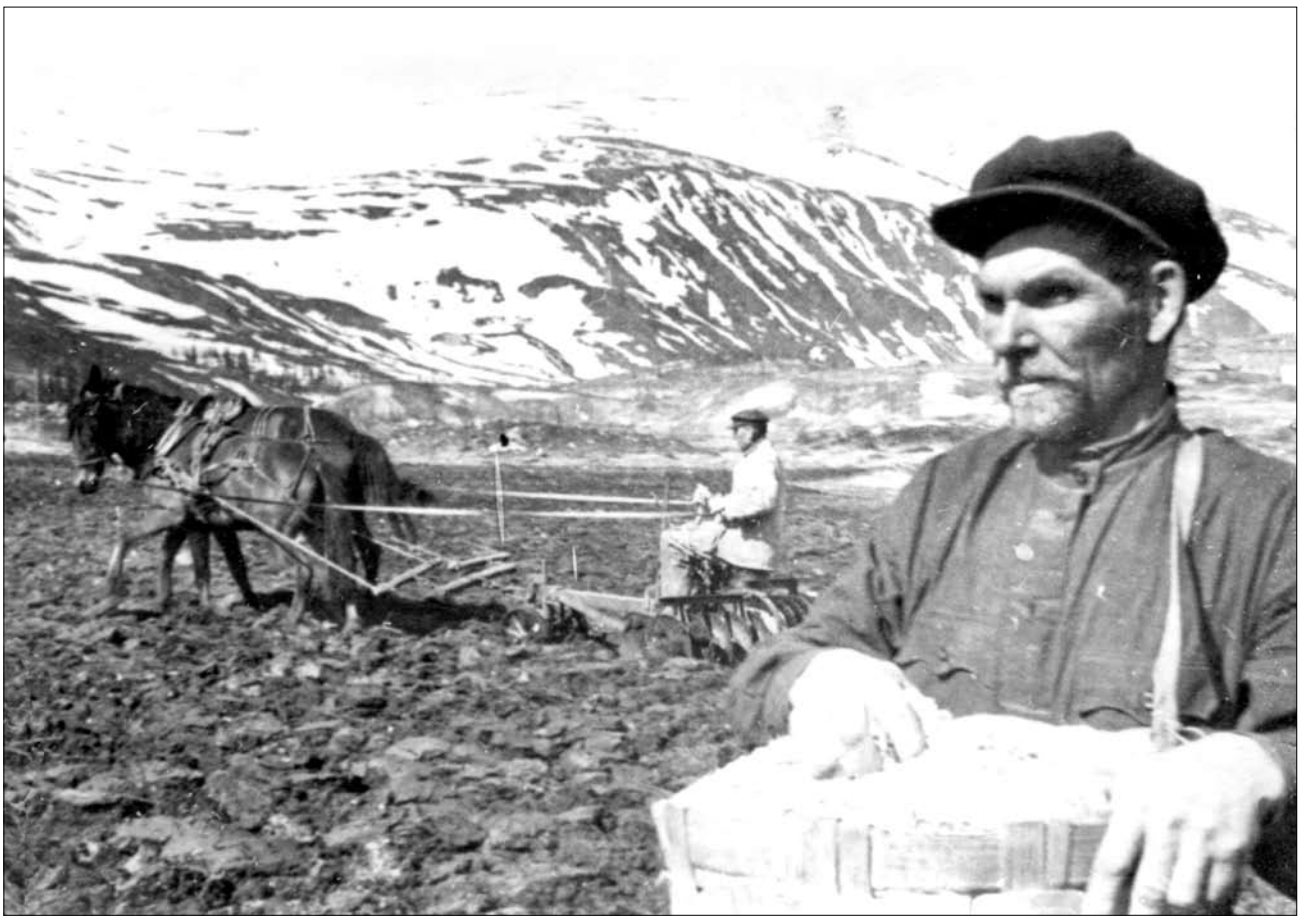
До отъезда мне советовали встретиться с Г.М. Крепсом, начальником северного участка агрономической службы Мурманской железной дороги. По имевшимся сведениям, Крепс должен был быть в Ленинграде или вскоре приехать туда.

Получив домашний адрес Германа Михайловича, я отправился в Демидов переулок, где жили его родители. В полутемном коридоре большой квартиры, но, видимо, уже «уплотненной», меня встретила мать Германа Михайловича – очень красивая женщина. Прекрасный ее портрет висел на стене в столовой, куда меня ввели. Столовая служила также приемной для всей семьи, а семья была большая. Тогда я был несколько удивлен, что Герман Михайлович, коренной ленинградец из сугубо городской семьи, выбрал профессию агронома и, вдобавок, поехал работать на Север.

Когда позже я встретился с ним, уже не удивлялся – облик его был далеко не городским. Его можно было принять за охотника, рыбака или даже за агронома. Он был среднего роста, с крупными чертами обветренного лица, с небольшой черной бородкой; одет был в черную суконную толстовку, на ногах русские сапоги.

Я подумал – ему только на Севере и жить! Приветливостью и откровенным разговором он сразу расположил к себе. Я поинтересовался – в чем заключаются его обязанности агронома на Севере – и был огорошен ответом: «Вожу в товарном вагоне быка по всем станциям, от ст. Мурманск до ст. Полярный круг, случать коров железнодорожников».

Это, конечно, было не единственным его занятием, но он, по-видимому, считал его очень важным: железнодорожники держали коров, дети без молока не выжили бы. Снабжение в те годы было плохим, а молока и позже не доставляли на Север. А какое может быть молочное животноводство, если нет



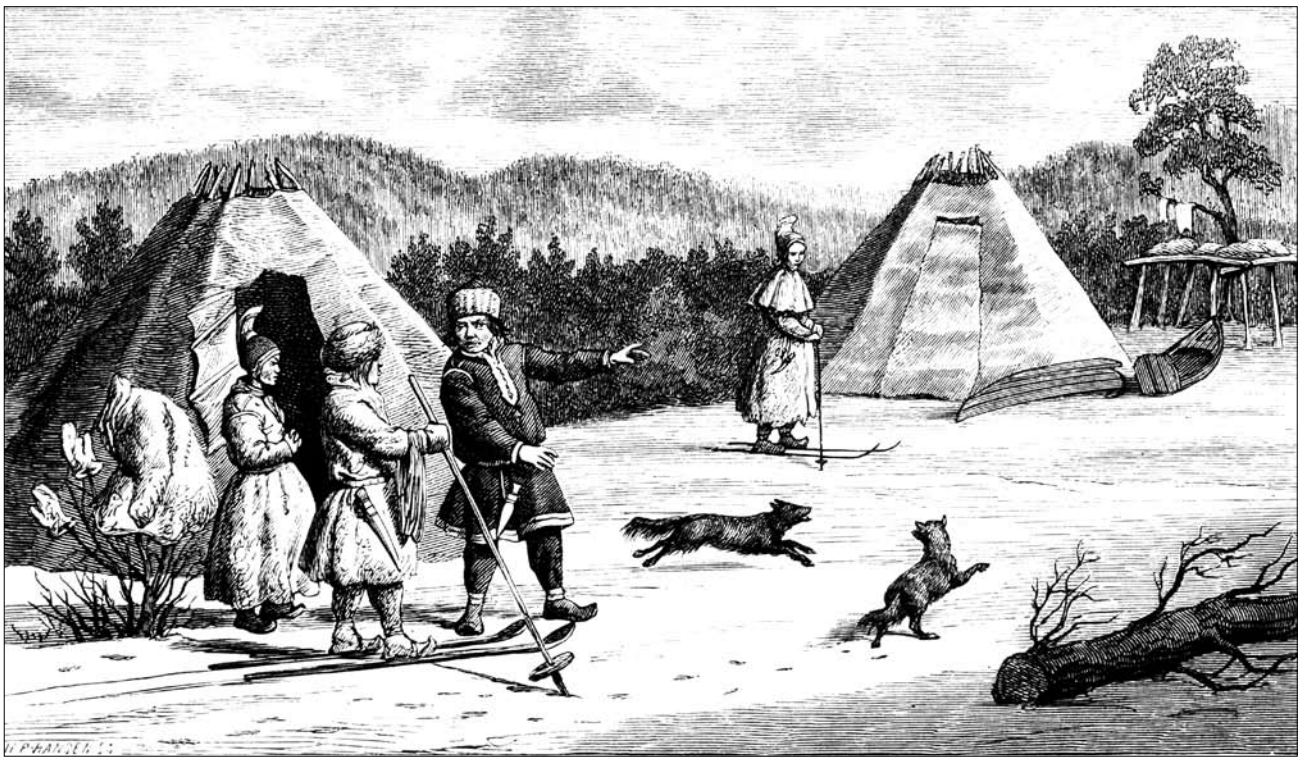
быка! Вот железная дорога и решила взять эту заботу на себя.

Так началось наше знакомство, а затем и крепкая дружба.

Здесь же у Крепсов можно было встретить друзей Германа Михайловича по работе на Севере – географа Г.Д. Рихтера, почвоведов С.М. Егорова и Н.Н. Соколова, агронома М.М. Хренникову, которая позже долго работала научным сотрудником в Хибинах и в Коле, где организовала опорный пункт по сельскому хозяйству.

конный плуг, борона «Зигзаг», несколько лопат и «тяпок». Лошади были отправлены на лесозаготовки за озеро и едва ли будут возвращены к полевым работам. А раскорчевано было в Хибинах около гектара земли, но засеяно было лишь на площади около 200 квадратных метров. Эти сведения не очень меня обрадовали. Видя мою растерянность, Герман Михайлович вдруг задал вопрос: «А кой черт Вас туда гонит?»

Я стал ему рассказывать о своем желании доказать возможность продвижения границы



Средний брат Германа Михайловича – Евгений Михайлович – уже в то время был известен как физиолог. Теперь он – академик Академии наук СССР, директор одного из интереснейших ее биологических институтов.

Вернусь к нашей первой встрече. Г.М. Крепс своей честной откровенностью в начале беседы привел меня в уныние. Оказалось, в Хибинах нет готового жилья, имеется только избушка лесорубов, в одной ее половине могут жить люди, а в другой помещаться лошади. Еще имеется наспех собранный на вкопанных столбах сруб без окон и дверей для хранения провизии. Из инвентаря в описи у Крепса значились: одно-

земледелия на сотни верст севернее современной, в этом, мол, вскоре появится потребность (начитался Ломоносова и уверился, что Север скоро оживет!), о географических посевах и т. д. «Ну, что же, – как будто уже с некоторым одобрением отозвался он. – Вы будете выращивать овощи, а я возить быка, вот и сельское хозяйство!» – И тут же добавил: «Черта с два, я долго буду возить быка!»

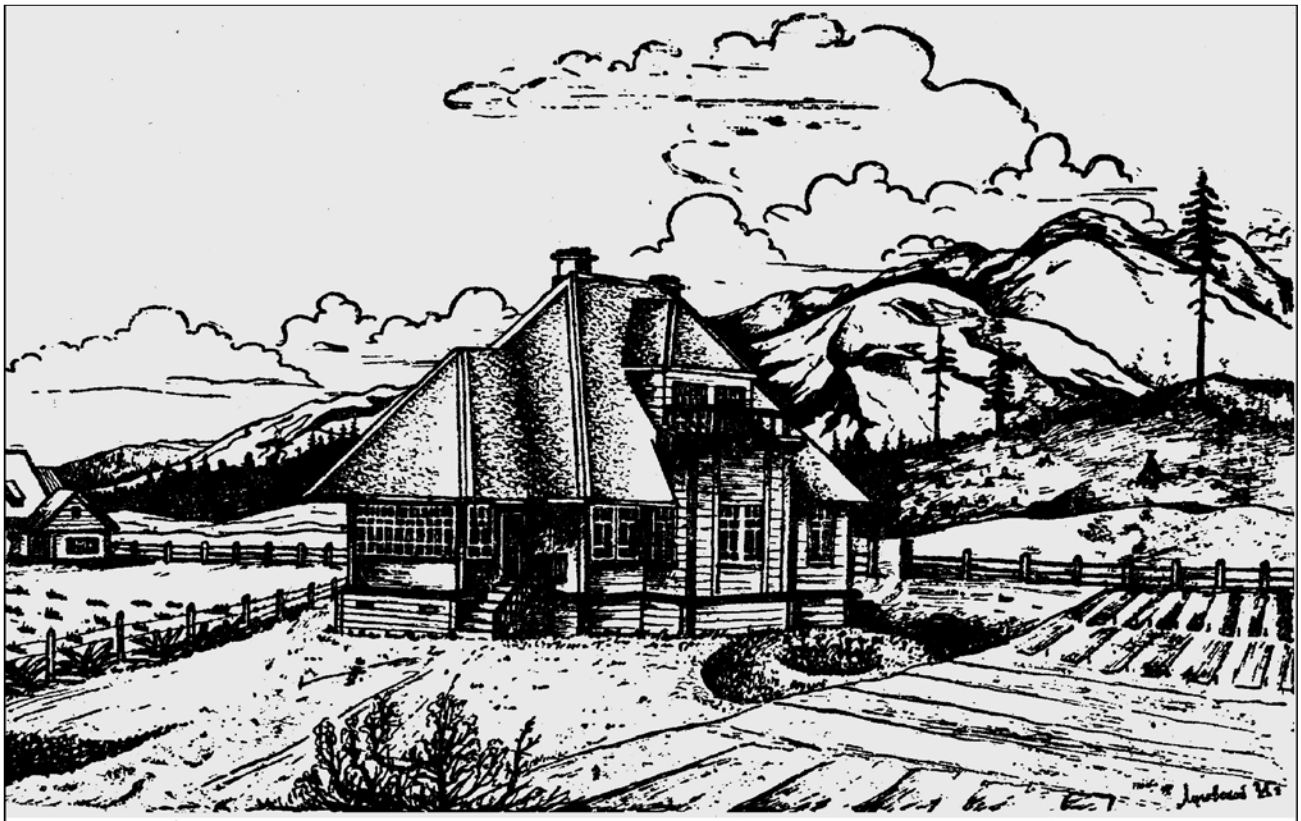
Разговор был коротким, образным, я его несколько раз ранее пересказывал, и мне сейчас верится, что передал его здесь дословно.

Уже летом 1923 года Герман Михайлович участвовал в экспедиции Губернского

статистического бюро по изучению восточных районов Кольского полуострова. Он был приглашен в экспедицию уже как знаток местной природы. Об этой экспедиции им написана обстоятельная статья общегеографического характера, она напечатана в первом номере сборника «Работы Мурманской биологической станции» (Л., 1925).

Полагаю, что он перешел работать на станцию еще до экспедиции.

При последующих встречах Герман Михайлович с увлечением рассказывал о жизни



Станция Хибины. Музей полярного отделения ВИР'а. Здесь же помещается генетико-цитологическая лаборатория, где работают студенты Лен· Гос. университета по введению новых сортов растений в условиях Заполярья

Зарисовка Луговского А. П.

и работе на Биологической станции, об интересных людях, о молодежи, приезжающей на практику. Он мог долго рассказывать об их приключениях, особенно о Леве Белопольском (известном орнитологе, немало поработавшем на Севере) и его друзьях. В конце беседы он всегда рассказывал о поморах, особенно о старике-поморе, который служил на станции, о его поговорках и прибаутках. Студентки-практикантки, не зная значения многих слов и поговорок, охотно повторяли их, чем приводили в смущение даже самого автора – слова были не для девичьего лексикона.

Мне все же казалось, что материк тянул его больше, чем море. Он увлекался охотой. О своей агрономической деятельности, как мне помнится, он никогда не вспоминал. Нашими исследованиями интересовался, с работниками Хибинского опытного пункта у него всегда были самые дружеские отношения. Мы всегда радовались его приезду – он вносил разнообразие в нашу жизнь. И я всегда чувствовал себя его должником. Понимая, что если бы в Хибинах в 1922 году по инициативе Германа Михайловича не были проведены корчевка и обработка земли, весною 1923 года мне не за что было бы зацепиться, в том же году произвести посевы не удалось бы».

А вот еще один экскурс в историю. В самом начале 1920-х годов на Кольском полуострове начинает работу (уже упомянутая раньше) молодая студентка Петроградского Географического института Нина Ивановна Гаген-Торн. Ее первая поездка на Кольский Север, посещение Мурманска, Колы, встреча с Германом Крепсом (а потом и крепкая дружба) надолго останутся у нее в памяти.

– И куда же такая молодая все едет? Куда путь её? – спрашивал Нину в вагоне седобородый старик.

– Видите ли, дедушка, я хочу изучать, как люди живут на севере, какие у них обычаи, порядки, житье. Где худо живут, а где хорошо.

– Хорошо там, где нас нет, это уж всем давно известно, – сказал старик, отрезая тем временем на разложенной холстинке ломти

семги. Угощайся-ка, лучше, девонька. Я, вот, с Колы буду. Про Колу-то слыхивала? Еще и Москвы-то не было, а крепость-Кола уже стояла!

– А вы, дедушка, откуда это знаете?

– Помним. Все помним. И земля наша помнит. От дедов-прадедов и еще далее, знаем, как от Господина Великого Новгорода сюда люди набегали. Потом христиане-староверы. Сначала по Белу, а потом и по Студёну морю шли корабелы ушкуйники. С норвежанами здесь торги вели. В церкви у нас хранилась грамота жалованная от самого царя Иван Васильевича Грозного... Да ты гости к нам в Колу прижжай, там те все обскажут.

– А песни у вас старинные поют?

– Как же не петь, где люди, там и песни живут. А лучше всех песни моя старуха знат. Как заведет по вечор были-небывальщины – не переслушашь! С Зимнего берега она, с Золотницы; там место певчее, поют постатейно и старину хранят. Я как на Новую Землю ходил, все с золотничанами, с жениной родней зимовал. У них один дед был – ну, старик! Его с собой для утехи зимовать брали. Зверовать он стар, не неволят, а долю дают: старины сказывай, песни выпевай. Без этого на зимовке нельзя. Заскучат какой парень – тут цинга и привалится. Как она заманиват, знаете? Девушкой прикинется, в губы целовать начнет – лежи не вставай! А рот в крови. Сон нападат. Поддался парень – и сгинул. Тут надо: распотешил бы кто! Про то и держат сказителей! Человек без песни – что птица без крыльев... или уха без соли, – усмехнулся старик. – Где люди, там и песни. Гости к нам в Колу, сама все увидишь.

– Я обязательно приеду к вам! А как вас зовут, дедушка?

– Морей Иванович, а прозвище у меня Шаньгин.

Старик сошел на станции Кола, а Нина доехала до Мурманска, в те годы еще двухэтажного и бревенчатого, с немощеными улицами, по большей части еще и без названий. Но город кипел, как живорыбный садок, заезжими людьми. На стенах домов пестрели сделанные от руки вывески: «Облстрой», «Облисполком», «Обллес», «Облжелдор»… С трудом молодой этнограф разыскала администрацию города, зарегистрировалась и пошла в отдел культуры. Отметила командировку, рассказала о своих планах…

А вот и Кола, и как будто в другое время – в стародавние годы она попала. Застыли на берегу

светлого залива большие бревенчатые дома-хоромы из кондового леса. У одних – окна в два ряда, один над другим, у других – в один ряд, высоко над землей. Распахнуты узорные ставни. Сбоку крыльцо, широкий бревенчатый въезд. Двор – под одну крышу с жильем. Торчат над крышами деревянные конские или птичьи головы.

Не тесня друг друга, просторно стоят усадьбы. Вокруг – ряды кольев; шипит ветер, покачивая на них сети.

Как вожак среди стада, на пригорке – колоколенка. Церквушка невелика. Темные бревна в многоугольных перекрещениях; в куполах – многошатровая крыша. Резная галерейка ведет на высокую звонницу. За церквушкой – вода. Церквушка улыбается воде и небу, словно родилась от них, выросла и стоит радуется тишине... Черные карбасы и высокие с резными носами йолы стояли на воде. Вода была так тиха, что отражались в ней и карбасы, и церквушка, и хоромы, и дальние горы, и розовые предвечерние облака.

Поправив наплечные ремни рюкзака, девушка посмотрела на ближайший дом: в нем отодвинулось боковое окошечко. Высунулась старушка в темном повойнике:

– Кого тебе, умница? – спросила, прищуривая светлые глаза.

– А где Морей Иванович живет? Скажите, пожалуйста.

– К нему и попала, голубка, – улыбнулась старушка, – проходи в хоромы-то: дверь не заперта.

Нина поднялась на высокое крыльцо и шагнула в сени. А на пороге уже хозяйка улыбается:

– Ты, что ли, песни-то собираешь? – Старик сказывал. Ну, проходи, проходи. Просим милости.

Нина шагнула через порог и хлебным духом дохнула на нее печь, а из красного угла глянули на нее золотистые лики икон.

– Морей Иванович, значит, про меня сказывал? – Она самая я, жена его. А зовут меня Марфа, величают Олсуфьевна, – а твое как имячко?

Список

на выдачу Судной Муки Стоерзкого Общества

Имя, отчество и фамилия	Количество		по цене		Расписка в получении
	Пуд	Фунт	р.	к.	
Гусевъ Алексей Григор.	1 п.	64 к	2	—	Алексей Гусевъ
Архиповъ Михаилъ Фили.	1 п.	80 к	2	50 к	М. А.
Архиповъ Георгій Калин.	1 п.	64 к	2	—	Архиповъ
Шютинъ Захаръ	—	64 к	2	—	Шютинъ.
Архиповъ Гавриилъ Фил.	3 п.	160 к	5	—	Архиповъ
Архиповъ Федоръ. Калин.	2 п.	144 к	4 р.	50 к.	Архиповъ
Архипова Екатерина	1 п.	82 к	2	50	почер. рас. Архиповъ
Архиповъ Василій Мар.	1 п.	96 к	3	—	АРХИПОВ
Архиповъ Игнатій	1 п.	64 к.	2	—	[illegible]
Яковъ Воиковъ	—	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Мирофановъ Тихонъ	—	48 к	1	50 к.	Мирофановъ
Архиповъ Кондратій	—	48	1	50	Шютинъ
Семиковъ Александръ		48	1	50	Шютинъ
Архиповъ Александръ	1	64	2	—	Шютинъ
Архиповъ Калина Иванъ	—	64 к.	2	—	К. И. А.
Цветковъ Калина Иванъ	1	66			умеръ
Павелъ Черныхъ	—	66 к.	2	—	Павелъ
Сергунъ Яковъ	1	[illegible]	[illegible]	—	Сергунъ
Сергунъ Петръ	—	[illegible]	2	—	[illegible]
Сергунъ Александръ		[illegible]	2	—	—
[illegible] Изосимъ	1	66 к	2	50 к.	[illegible]
[illegible] Григорій Кон.	1	66 к	2	—	

– Нина. Студентка я, этнограф.

– Ну, разболокайся, Нинушка, разболокайся, садись, моя дочушка. Мудреная у тебя больно профессия. Марфа Олсуфьевна поправила сухими, тонкими руками темный платок на повойнике, сняла с толбчика возле печи большой белый самовар, неторопливо надела трубу и стала собирать на стол… Нина допивала уже третью чашку, когда решилась спросить:

– Марфа Олсуфьевна! Я ваши песни страсть как послушать хочу. Морей Иванович говорил, какая вы песельница.

– Хвастат! Смолоду певала, а теперь уж што.

– А старины знаете?

– Знамо знаю; у нас в роду старины все сказывают. Старуха протянула руку, взяла начатую вязать сеть, сделала несколько быстрых движений челночком с нитками, потом подняла голову, поглядела на окно и запела.

Пела она негромко – журчала как ручеек, но слова были слышны отчетливо и ясно:

Жила-была чесна вдова
Мамельфа Тимофеевна...

В песне говорилось о том, как стал собираться сын ее на богатырские подвиги, стал на колени, просил материнского благословения. Не благословила сына ехать Мамельфа Тимофеевна. И опять стал на колени сын, в землю поклонился… Олсуфьевна сидела, прислонясь к наличнику окна. Прямой, сухощавый очерк ее лица темнел в закатном огне, а она все пела, пела…

В избе уже встали синие сумерки, когда дверь неспешно и без скрипа отворилась, вошел Морей Иванович, а за ним с виду бывалый и крепкий, чернобородый мужчина.

Хозяйка прервала пение:

– Здравствуй, здравствуй, мил человек, Герман Михайлович!

– Здравствуйте, Марфа Олсуфьевна, – отвечал чернобородый, – да ты пой, пой, не обрывай песню-то.

– Да, я, почитай, уже и кончила. Надо ужин собирать. Гостей баснями не кормят...

При отблесках огня из печи Нина рассмотрела чернобородого Германа. Он был кряжист, невысок, одет в серую куртку, темные брюки. Крутой тонкий нос его был оседлан очками-«велосипед». Чер-

ная борода прятала нижнюю часть лица и делала его старше, но глаза из-за стекол очков смотрели по-детски: серьезно и доверчиво. Говорить он начал, как помор, но в гибких интонациях голоса чувствовалась возможность и другой речи. – Давайте же знакомиться, заезжая гостенька, – сказал он, протягивая девушке руку и рассматривая ее с веселым интересом. – Крепс, Герман Крепс. А вы из Петрограда к нам пожаловали?

– Да, – отвечала Нина, называя себя и охотно поддаваясь дружескому расположению Крепса. – Из Петрограда я, на практику из Географического института.

– Так, так! Еще одна экспедиция? Скоро здесь на каждого лопаря по исследователю будет, но это и хорошо! А на каком факультете?

– Этнограф. А вы что делаете? Чем занимаетесь?

– Да, вот, быка с козлом по Мурману вожу.

– То есть, как это возите?

– А очень даже просто: в красном, таком, вагоне, чтобы издали было видно. Три четверти теплушки – под быка и козла, а четверть – для меня. Мои подопечные знамениты уже на всю Мурманскую дорогу. А несколько лет назад по всему Мурману еще ни одной коровы не было...

По мере того как Герман говорил, отпадал поморский акцент, зазвучала привычная петербургская речь.

– Так вы, верно, из Петрограда? – спросила уже заинтригованная словами Крепса девушка.

– Был когда-то. Теперь олопарился напрочь, то бишь, лопарем стал, саамом, как сегодня говорят ученые-этнографы. Хорошо здесь, Нина: места нетронутые, птицы непуганые, звери неловленые, люди непорченые. «Край непуганых птиц» – читали у Пришвина?

– Ишь, Герман Михайлович места наши нахваливат... Садитесь-ка лучше к столу-то! – сказала хозяйка.

– Свои места хвалить нечего, – усмехнулся Герман Крепс, пропуская Нину на лавку поближе к печке. Но жить в каменном мешке долго уже не могу: ни неба над головой, ни земли под ногами, ни мыслей в голове... А Север тянет. Говорят, этим заболевают, любовью к Северу…

Список иллюстраций к главе "Рождение ПОСВИРа"

Стр. 40–41 – станция Хибины, переселенческий поселок, 1924 г.

Стр. 41 – начало работы Г.М. Крепса по организации агропункта в Хибинах, 1922 г.

Стр. 42–43 – карта района южной части озера Имандра, 1924 г.

Стр. 44 – домик Хибинского агропункта Г.М. Крепса

Стр. 45 – посевные работы на Хибинском агропункте

Стр. 46 – лопарская деревня в Хибинах (с древней гравюры)

Стр. 47 – посевные работы и уборка картофеля в ПОСВИРе

Стр. 48 – вырезка из газеты «Кировский рабочий» за 1934 год. Рис. А.П. Луговского

Стр. 49 – «Разговор в вагоне» Рис. Дм. Малышева

Стр. 49 – «На станции Хибины» Рис. Дм. Малышева

Стр. 50 – «В Коле» Рис. Дм. Малышева

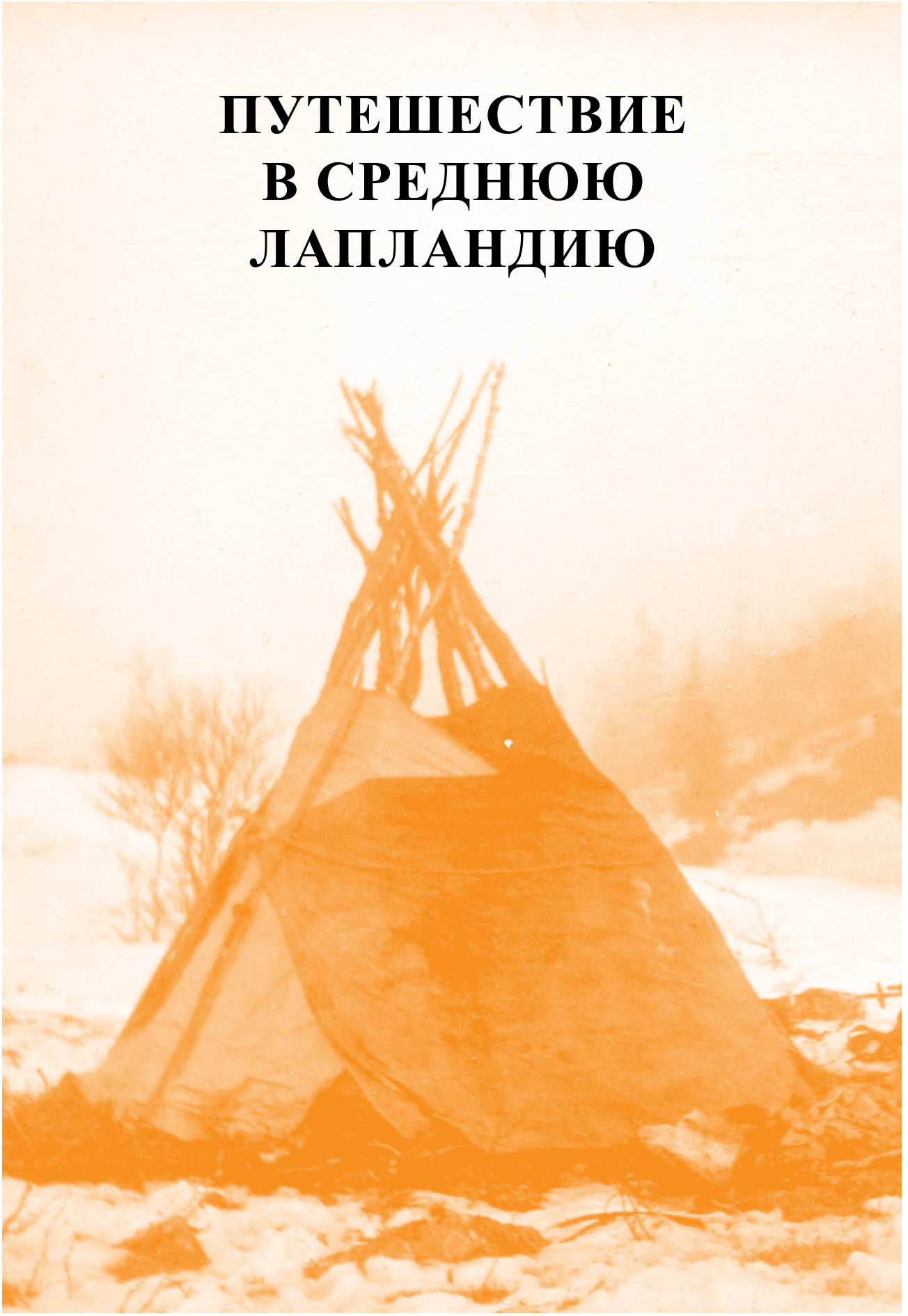
Стр. 50 – разгрузка ссудной муки на ст. Хибины, 1925 г.

Стр. 51 – ведомость выдачи ссудной муки жителям Йокостровского погоста за 1925 год. Среди получателей будущие работники Лапландского заповедника – Архиповы, Сергины и др.

Стр. 52 – Г.М. Крепс и Н.И. Гаген-Торн в московской квартире Германа Михайловича, 1944 г. (Нина Ивановна Гаген-Торн (1990–1986) как и многие русские интеллигенты в тридцатые и сороковые годы прошла тюрьмы, этапы и лагеря. А перед этими трагическими испытаниями защитила диссертацию кандидата географических наук, окончила Институт народов Севера)

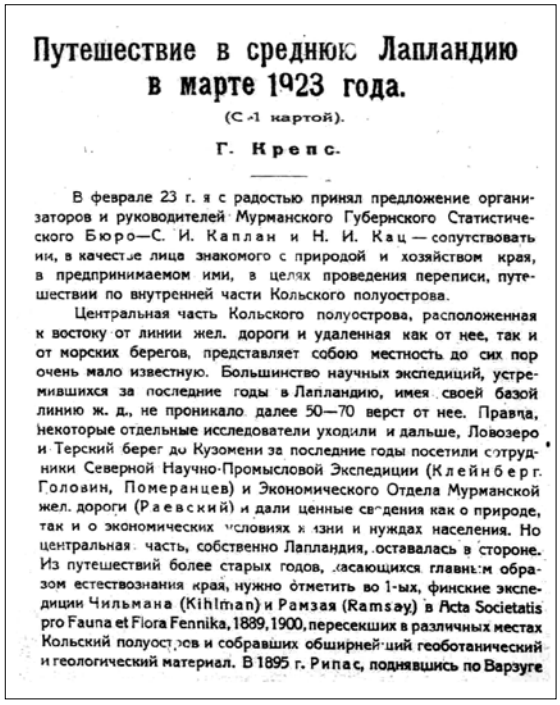
Стр. 53 – Герман Крепс и Федор Архипов в Лапландском заповеднике, 1933 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СРЕДНЮЮ ЛАПЛАНДИЮ



ПУТЕШЕСТВИЕ В СРЕДНЮЮ ЛАПЛАНДИЮ

В начале 1923 года руководители Мурманского губстатбюро – С.И. Каплан и Н.И. Кац решили организовать экспедицию в восточные малоизученные районы Кольского полуострова. Экономическое освоение глубинных районов Кольского полуострова становилось невозможным без всестороннего изучения численности и быта коренного населения – саамов. В феврале 1923 года Г.М. Крепс с готовностью принимает предложение участвовать в проведении первой переписи населения в районах кольской глубинки. Как знатоку края, Крепсу поручалось также собирать этнографический материал и вести фотографическую съемку на протяжении всего маршрута экспедиции.



Путешествие в среднюю Лапландию в марте 1923 года.

(С 1 картой).

Г. Крепс.

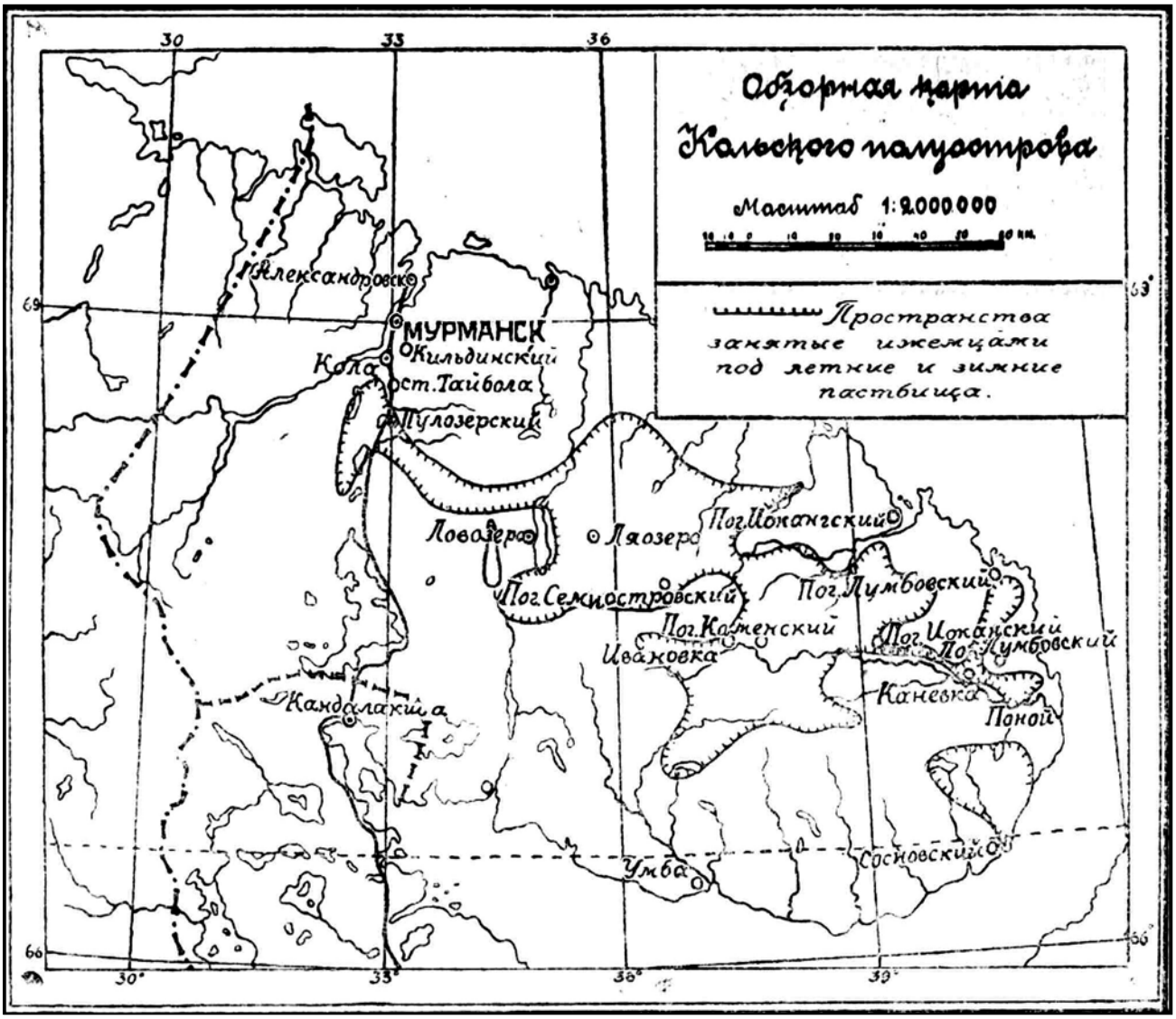
В феврале 23 г. я с радостью принял предложение организаторов и руководителей Мурманского Губернского Статистического Бюро—С. И. Каплан и Н. И. Кац — сопутствовать им, в качестве лица знакомого с природой и хозяйством края, в предпринимаемом ими, в целях проведения переписи, путешествии по внутренней части Кольского полуострова.

Центральная часть Кольского полуострова, расположенная к востоку от линии жел. дороги и удаленная как от нее, так и от морских берегов, представляет собою местность до сих пор очень мало известную. Большинство научных экспедиций, устремившихся за последние годы в Лапландию, имея своей базой линию ж. д., не проникало далее 50—70 верст от нее. Правда, некоторые отдельные исследователи уходили и дальше, Ловозеро и Терский берег до Кузомени за последние годы посетили сотрудники Северной Научно-Промысловой Экспедиции (Клейнберг, Головин, Померанцев) и Экономического Отдела Мурманской жел. дороги (Раевский) и дали ценные сведения как о природе, так и о экономических условиях жизни и нуждах населения. Но центральная часть, собственно Лапландия, оставалась в стороне. Из путешествий более старых годов, касающихся главным образом естествознания края, нужно отметить во 1-ых, финские экспедиции Чильмана (Kihlman) и Рамзая (Ramsay) в Acta Societatis pro Fauna et Flora Fennika, 1889, 1900, пересекших в различных местах Кольский полуостров и собравших обширнейший геоботанический и геологический материал. В 1895 г. Рипас, поднявшись по Варзуге

Саамы (лопари) Кольского полуострова – одна из самых малочисленных северных народностей нашей страны. По мнению некоторых исследователей, слово «саам» толкуется как «человек, живущий на самом краю земли». В одной из рукописей Соловецкого монастыря говорится: «Сии родове (лопари), яко звери дикие, живут в пустынях непроходимых, в расселинах каменных; не имеют ни храма, ни иного, потребного к жительству человеческому; но только животными питаются, зверьми и птицами и морскими рыбами, одежда же – кожа оленей...».

В 1539 году на карте, изданной в Венеции архиепископом из Упсалы Олаем Магнусом, указан на севере Европы полуостров, омываемый с севера Скифским океаном, а с юга Кандалакшским заливом Белого моря – «Белым озером». Территория полуострова названа «Биармией». Возможно, несколько ранее, новгородские ушкуйники в поисках вольных мест, ценной пушнины, торгуя, проникли через Карелию до современного Кандалакшского залива и распространились по берегу на восток, основав поселения Умбу, Варзугу, Варзину, Кузомень и др. Направление пути к Кольскому заливу, к побережью облегчался цепью рек и озер, где в основании залива, в междуречьи Колы и Туломы, и возник торговая крепость – поселение «волость Коло».

Первые систематизированные сведения о Кольском крае содержались в «Книге Кольского острога и Кольского уезда», составленной царским писцом Алаем Михалковым и дьяком Василием Мартемьяновым в 1608–1611 годах. В ней, в частности, говорилось, что «всего в Терской лопи 5 погостов»,



в которых числилось около 200 человек мужского населения. В книге довольно точно указано местоположение каждого погоста, его название, и среди упоминаемых географических наименований нетрудно узнать имеющиеся на современных картах озера – Ловозеро, Ингозеро, реки – Поной, Воронья, Йокостровский пролив и др.

В 1804 году академик Н. Озерецковский в книге «Описание Колы» писал: «В Коле нет никакого хлебопашества: не сеют там ни озимого, ни ярового хлеба, которого, во-первых, и сеять там негде, потому что вся страна наполнена каменистыми горами, болотами, озерами и лесами; во-вторых, что суровый и непостоянный тамошний климат к произращению хлеба совсем неспособен, ибо хотя летом близ трех месяцев солнце там нимало не закатывается, так что в то время беспрерывный бывает день; при всем том посеянный хлеб вырасти и порядочно созреть не успевает, потому что весною снег сходит очень поздно, а под осень весьма рано настают породы, которые хлеб побивают; что неоднократно испытано над ячменем, который из любопытства в малом количестве сеяли в огородах и выросший собирали почти с пустыми колосьями. Напротив того огородные овощи, самые обыкновенные, родятся изрядно, а особливо капуста и репа; последнюю сеют позади города на вышесказанной площади. На нее всегда бывает урожай, и случаются репы весом по десяти фунтов. С нею ездят иногда Коляне на лодках в Дацкие приморские селения и там ее продают. Капуста родится также хорошо; но то примечания достойно, что никогда в вилки не завивается, как бы долго осенью на грядах ни стояла, и какие бы морозы ее ни корчили и ни сжимали.

CARTA MARINA ET DESCRIPTIO SEPTEMTRIONALIVM TERRARVM·AC·MIRABILIVM·RER
GRVTLADIE PARS
ISLANDIA
MARE GLACIALE
PISTR SIVE PHISETE
FARE
ZIPHIVS
TILE
INSVLE HEBRIDES SIVE MVANIDES DICTE VERSVS HIBERNIAM NVMERO XL
MARE DEVCALEDONICVM
SCOTIE PARS
ANGLIE PARS
OCEANVS BRITANICVS
MARE GERMANICVM
HELGALA
NORMORIA
NORVEGIA REGNVM
TILEMARCHIA
SOLOGIA
DANIA
HOLSATHIA
FRISIA
SCALA MILLIARIVM
PRETEREA XX MILLIA RIA GOTHICA SIVE VTICA FACIVNT XV MIL·THEVTONICA

VM·IN·EIS·CONTENTARVM·DILIGENTISSIME ELABORATA
SEPTENTRIO
POLVS ARTICVS
OCEANVS
FINMARCHIA
SCRICFINIA
BIARMIA
LAPPIA OCCIDENTALIS
LAPPIA ORIENTALIS
MARE BOTNICVM
BOTNIA OCCIDENTALIS
BOTNIA ORIENTALIS
CARELIA
ANGERMANNIA
MIDDELPADIA
CANDIA
SVECIA
MARE SVETICVM
TAVASTIA VEL TAVESTHIA
FINLANDIA VEL FINNINGIA
MARE FINONICVM SIVE SINVS VENEDICVS
MOSCOVIE PARS
LIVONIA AQVILONARIS
RVSSIA ALBA
MARE LIVONICVM
LIVONIA AVSTRALIS
RVSSIA REGALIS NIGRA
GOTHIA
MARE GOTHICVM
SAMOGETHIA
LITVANIE PARS
ESTHIA
OSILIA
GESTRICIA
HELSINGIA
RODEN
NOGARDIA
OLAVS GOTI BENIGNO LECTORI
OLAVSMAG

Вместо того листы ее поднимаются вверх, всегда расходятся в стороны и бывают широки и длинны. В таком виде снятую с гряд капусту Коляне сачками не рубят, как обыкновенно во всей России то делается; а целыми листами варят ее в воде, и потом укладывают в кадки, подливая самою тою водою, в которой варили, но несколько просоленною. Когда же надобно варить, то ее рубят. Кольские щи отменно бывают вкусны».

Еще в XIX веке ходили по России рассказы о «чудесных людях, покрытых звериною шкурой, с собачьими головами, с лицом на груди». А в начале двадцатого столетия некоторые ученые-дилетанты еще спорили, какого цвета лопари – черного или белого, а среди русских поселенцев бытовали разные небылицы о крае, и недобрая слава о Мурмане докатилась до наших дней. Например, в 1923 году можно было увидеть в газете заметку с названием «В стране колдунов», а некий «исследователь» Барченко даже увидел в Хибинах некие «пирамиды», о чем неоднократно докладывал в обществе мироведения, в частности, о культуре предков саамов, которая, по его версии, куда древнее египетской.

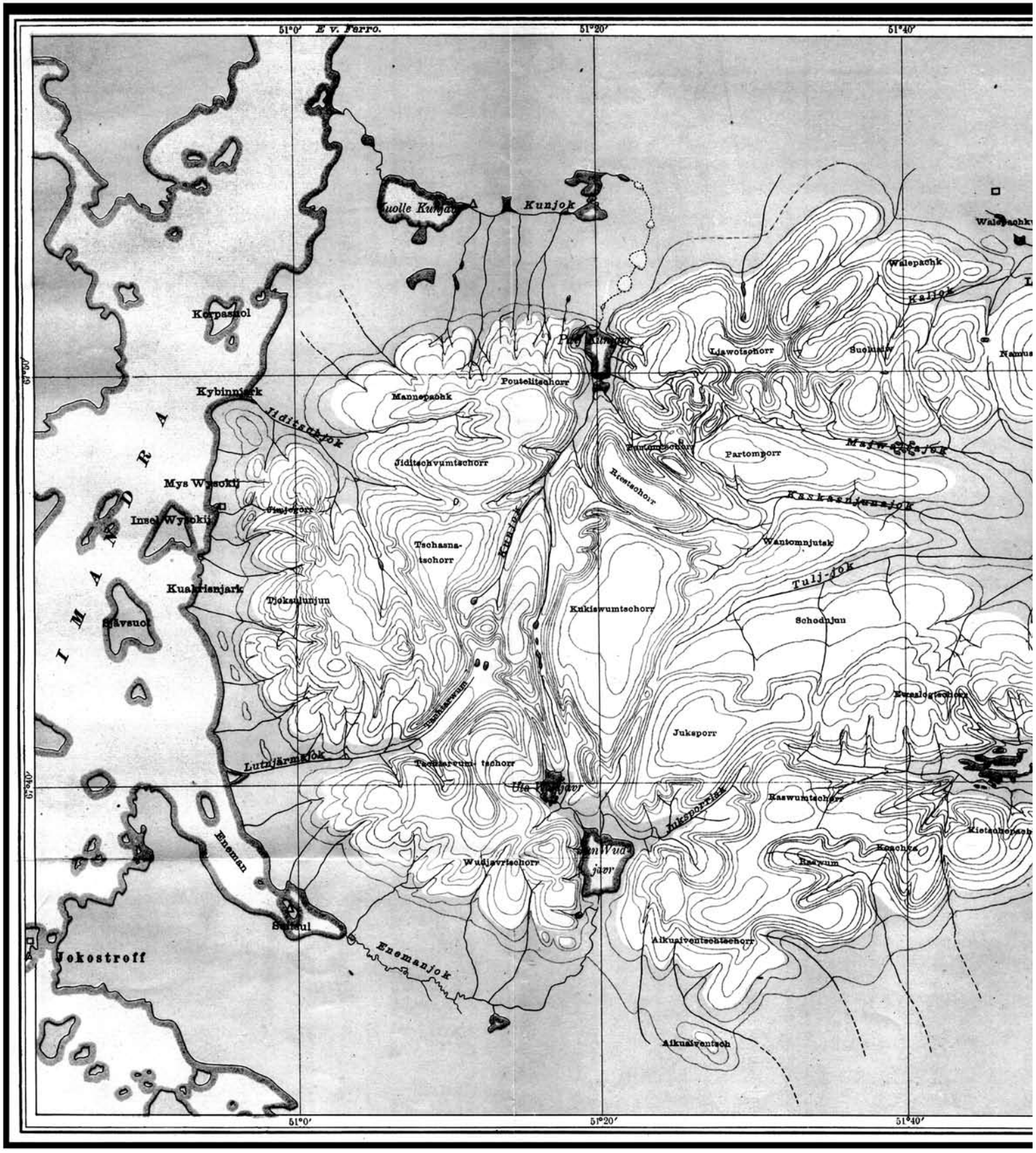
Три века прошло со времени написания «писцовой» книги Алая Михалкова (1608–1611), но объективных научных сведений о Русской Лапландии было немногим больше, чем в те далекие годы. И можно по пальцам пересчитать те немногочисленные экспедиции, посетившие Кольский полуостров.

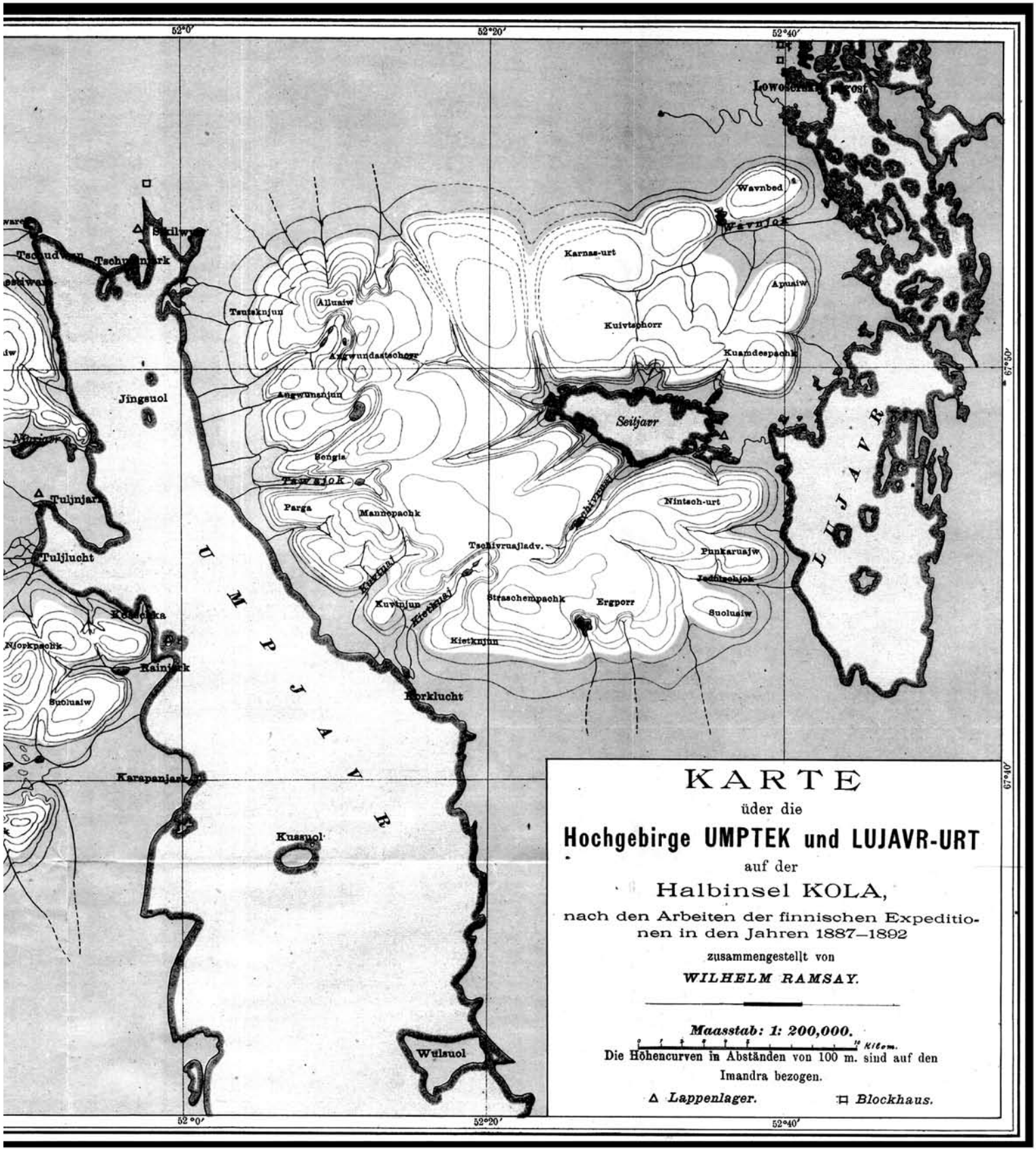
Из путешествий конца XIX – начала XX веков, касающихся главным образом есте-

ствознания края, нужно отметить, во-первых, финские экспедиции Чильмана и Рамзая в 1889-м и 1900-м, пересекшие в различных местах Кольский полуостров и собравшие обширнейший геоботанический и геологический материал. В 1895 году Рипас, поднялся по Варзуге и дошел до реки Поной, вплоть до верховья, а в 1913 году Поле, тем же путем попав на Поной, спустился до его устья.

Экспедиции 1923 года, в которой принял участие Г.М. Крепс, суждено было положить начало планомерному исследованию центральной части Кольского полуострова, расположенной к востоку от линии железной дороги и удаленной как от нее, так и от морских берегов. Большинство научных экспедиций, устремившихся с начала 1920-х годов в Лапландию, имея своей базой линию железной дороги, не проникали далее 60–70 километров от нее.

Ввиду статистико-экономических заданий, путешествие было решено предпринять зимой, когда все население можно застать на своих зимних местах – в погостах и когда передвижение экспедиции могло быстро и беспрепятственно совершаться на оленях. В ночь на 2 марта путешественники на четырех оленьих упряжках покинули станционный поселок Пулозеро и двинулись на юго-восток, к Ловозеру. Им предстояло преодолеть более тысячи километров бездорожья по заснеженным тундрам и болотам, посетить семь погостов: Ловозерский, Ляозерский, Семиостровский, Каменский, Куроптевский, Зимний Иоканьгский и Лумбовский (всего около 900 км).


51°0′
E v. Ferro.
51°20′
51°40′
67°50′
67°40′
Kunjok
Kaljok
Walepachk
Kopassuol
Kybinnjark
Iliditsnjok
Mannepachk
Poutelitschorr
Ljawotschorr
Suchkjor
Partomporr
Mais
Kaxkasnjenajok
Jiditschvumtschorr
Mys Wysokij
Insel Wysokij
Tschasna-
tschorr
Kunjok
Wantomnjutak
Tulj-jok
Kuakrisnjark
Tjokaljunjun
Kukiswumtschorr
Schodnjau
Juksporr
Lutnjärmjok
Tasmarum-tschorr
Juksporrjok
Kaswumtschorr
Enoman
Wudjavrtschorr
Kaswum
Koschka
Sokkul
Jokostroff
Enomanjok
Alkualventschtschorr
Alkualventsch



KARTE

über die

Hochgebirge UMPTEK und LUJAVR-URT

auf der

Halbinsel KOLA,

nach den Arbeiten der finnischen Expeditionen in den Jahren 1887–1892

zusammengestellt von

WILHELM RAMSAY.

Maasstab: 1: 200,000.

0 1 2 3 4 5 10 Kilom.

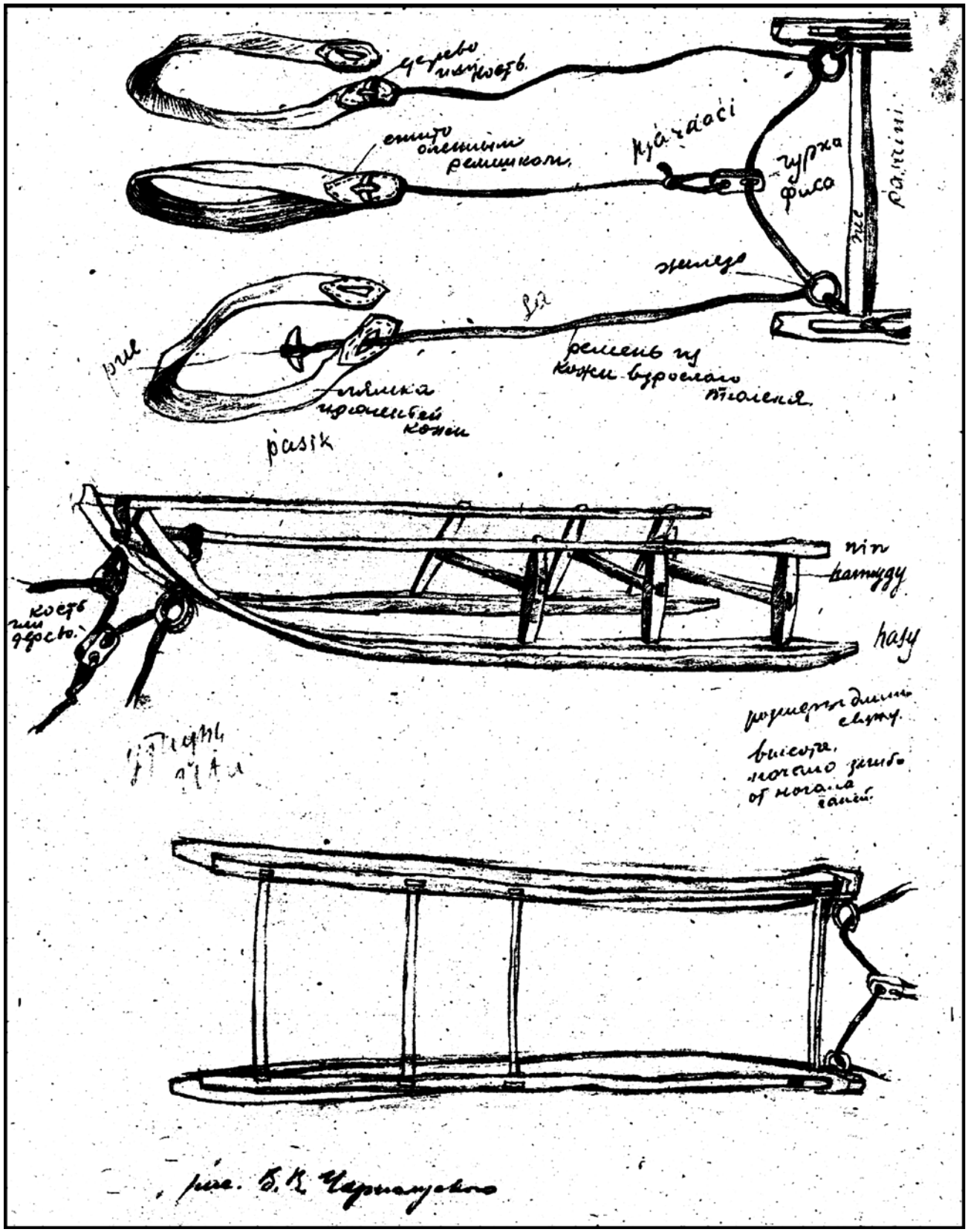
Die Höhencurven in Abständen von 100 m. sind auf den Imandra bezogen.

△ *Lappenlager.* ⊡ *Blockhaus.*

Путевые заметки Г.М. Крепса, которые впоследствии легли в основу его научной работы «Путешествие в среднюю Лапландию», позволяют нам не только получить сведения общегеографического характера, но и увидеть картины прекрасной северной природы.

Вот как описывает Герман Крепс начало путешествия: «Как зачарованный стоит обряженный снегом безмолвный лес; светло как днем; лесистые увалы сменяют открытые болота, окруженные черной зубчатой стеной стройных, как свечи, полярных елей. Целина снега изредка нарушается четкими убегающими вдаль следами куропаток. Мороз все крепчает, луна обходит свой круг по небу, теперь она сзади и справа, а с южной стороны начинают показываться белые вершины гор – это северные отроги Хибин, которые дальше к востоку переходят в горы Ловозерской тундры. Отдельные грани гор, покрытые обледенелым и отшлифованным ветрами снегом, светятся тихим холодным блеском... Через каждые 10–15 верст делаем остановку – дать отдохнуть оленям – потом дальше и дальше...»

Достигнув в конце марта конечной цели путешествия – Лумбовского погоста, экспедиция двинулась обратно. Но в Каменском погосте Герман Крепс предложил спутникам разделиться. Он решил добираться до Ловозера иным путем – тем, что обычно пользуются жители поселка Ивановка, расположенного недалеко от Каменского погоста. Предварительно побывав в оленьих стадах ивановских ижемцев, Крепс узнал, что в ловозерский кооператив отправлялись две райды с мясом и шкурами. Сопровождать их должны были ненец и два ижемца. Еще раньше Крепс неоднократно слышал от саамов неодобрительные отзывы о «пришлых людях» – ижемцах, поэтому его привлекла возможность познакомиться поближе с их нравами и бытом.



Путь от Ивановки к Ловозеру вначале идет по руслу Поноя, затем, поворачивая на север, тянется по обширным болотам. Из-за позднего отъезда в первый день путники проехали километров тридцать и остановились на ночлег. Распряженные и отпущенные на волю, олени разыскивают ягель, разрывая копытами снег. Ставится куокса – небольшая брезентовая палатка с отверстием наверху. В ее середине из

камней складывается очаг. Вот уже совсем тепло, можно снять малицы, согреть чай. Долго, за полночь тянется беседа... Утром вновь разводится огонь, варится пища, затем разбирается куокса, увязываются и ставятся в полукруг санки, образующие райду. Теперь надо пригнать и переловить оленей. К крайним саням привязываются длинные веревки. Г.М. Крепс и оленевод (ижемец) берутся за концы веревок и расходятся, остальные, подвязав лыжи, гонят на них оленей. Олени почти окружены, но один чрезмерно ретивый бык перепрыгивает через веревку. За ним бросается все стадо. Нужно все начинать сначала.

Очень своеобразна оленья упряжка. Она сильно отличается от конской упряжи. Каждый наездник запрягает по три-четыре оленя, не считая одного «тормозного», привязываемого сзади саней. Сами санки напоминают те, на которых дети катаются с гор. Через передние концы полозьев саней пропускаются ремни, к которым прикрепляется ременная шлея или деревянный хомут,

надеваемый на оленя. На сани садятся боком с левой стороны. Ноги ставят на полозы саней. Необычна система управления упряжкой. К ременной узде, надеваемой на голову оленя, привязывается костяная палочка из оленьего рога, которая закрепляется над левым глазом оленя. Это самое чувствительное место оленя, воздействуя на него, можно повернуть оленя, но только в одну сторону – налево. Чтобы повернуть в противоположную сторону, необходимо коротко и очень сильно дернуть игну (ременную вожжу). Но это теоретически, на деле передовых оленей долго обучают искусству слушаться игну. Ездок держит игну в правой руке. Хорей – шест длиной в 3–4 м, которым погоняют оленей, берут в левую, опирая его на локоть. Наконец олени запряжены в нехитрую шлею, и караван трогается. Во время следующей ночевки к отпущенным на волю оленям пытался подобраться волк. Собаки подняли неистовый лай, и он, немного покрутившись возле стада, ушел по своим следам на север.

Еще день пути, и становятся видны горы Ловозерской тундры. Их восточные склоны образуют огромный, почти замкнутый цирк, в котловине которого лежит одно из красивейших озер Кольского полуострова – Сейдозеро. Хвойный лес исчезает, сменяясь березняками. Путники пересекают Ловозеро и по руслу впадающей в него реки Вирмы въезжают в Ловозерский погост.

Первое, что бросается в глаза – равнинный рельеф местности, на которой расположился погост.

Жилища саамов почти незаметны: струи дыма исходят прямо из земли, настолько саамские тупы вросли в землю. Простейшие срубы из тесаных бревен покрыты односкатной крышей, а поверх – дерном или мхом. Внутри жилища небольшой камелек. Окна снаружи кое-где имеют ставни.

Совершенно другую картину представляет ижемская часть Ловозерского погоста, расположенная на другом берегу реки Вирмы. Большие постройки, иногда двухэтажные, в несколько горниц дома. Крашеные полы, основательные службы и бани – все указывает на зажиточность и домовитость обитателей.

Нужда заставила этих людей поселиться на Кольском полуострове. На Печоре в 1880-х годах свирепствовала сибирская язва. Вся тундра была заражена трупами павших оленей. И вот четыре предприимчивых хозяина-оленевода родом с реки Ижмы (отсюда и название жителей – ижемцы), прослышав, что на другом берегу Белого моря люди тоже держат оленей, решили с оставшимися стадами искать там счастья.

Подкупив подарками и посулами саамов, ижемцы скоро взяли верх над коренными обитателями. В этой связи Г.М. Крепс подчеркивал, что «недобросовестность народов более высокой культуры к народам, стоящим ниже их, есть правило, не имеющее на земле исключений, не избежали его и ижемцы».

Выгодное отличие ижемского оленеводства от саамского в том, что местный олень, попадая в ижемское стадо, навсегда становит-

ся потерянным для хозяина. И днем и ночью ижемцы и их батраки объезжают стада, оберегая их от волков, наблюдая за отелом важенок, выбраковывая заболевших. Ижемец и летом по тундре, так же как и зимой по снегу, ездит на своих высоких санях-чунках, запрягая в них пять и даже шесть быков.

Вместе с тем, ижемские стада, проходя плотной массой по местам зимних выпасов саамских оленей, сильно вытаптывают ягель и саамы вынуждены осенью уходить все дальше и дальше от своих погостов. Подобные же «набеги» наблюдались и в отношении рыбных промыслов саамов. К началу Первой мировой войны численность ижемских стад на Кольском полуострове достигла 40 тысяч голов. Продукцию своего оленьего хозяйства: мясо, шкуры, изделия из них (пимы, малицы, шапки) – ижемцы сбывали в основном в Финляндию и Норвегию, многие имели вклады в банках Архангельска.

Конечно, конкурировать с такими предприимчивыми колонистами саамам с их натуральным рыбо-оленьим хозяйством было не под силу. Из года в год росло глухое недовольство на пришлых людей. Дело могло дойти и до открытых столкновений. Обращаясь в адрес Понойского волостного съезда, который должен был состояться в январе 1924 года, Г.М. Крепс с горечью писал, что в настоящее время приходится наблюдать постепенную гибель саамского оленьего хозяйства. Нанося вред и ущерб местному населению, оленеводы-ижемцы в то же время не несли никаких натуральных и денежных повинностей наравне с саамами, а проживали как прежние помещики со своими тысячными стадами. Однако всецело и прямо обвинить ижемцев в сокращении саамского оленеводства было бы чересчур односторонне.

Необходимость правового регулирования различных хозяйственных взаимоотношений, более внимательного проведения налоговой политики с учетом особенностей лапландского хозяйства и, конечно, открытие школ – так виделись Крепсу отправные пункты для подъема местного хозяйства.

И нужно отметить, что Понойский волостной съезд принял в этом отношении достаточно действенные меры, защитив интересы коренного населения.

Список иллюстраций к главе "Путешествие в Среднюю Лапландию"

Стр. 56 – статья Г.М. Крепса в сборнике «Работы Мурманской биологической станции»

Стр. 57 – обзорная карта Кольского полуострова с обозначением саамских и ижемских поселений

Стр. 58–59 – морская карта шведского историка и географа Олауса Магнуса (Венеция, 1539 г.). На ней впервые изображен Кольский полуостров под названием «Биармия» (в верхнем правом углу)

Стр. 60 – лопарь в национальной зимней одежде. Рисунок из этнографической коллекции Московского политехнического музея выполнен в 1877 году А.И. Кельсиевым (1833–1855) во время путешествия по Русской Лапландии

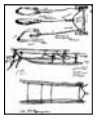
Стр. 60 – лопарка с ребенком в керёжке. Фото В.В. Чарнолуского. Кережки – основной вид оленьего транспорта саамов Кольского полуострова до конца XIX – начала XX века. Керёжка представляет собой цельнодолбленный или составленный из нескольких кусков дерева, скрепленных между собой кожаными ремнями, остов.

Стр. 61 – лопарская женщина.
Рис. А. Кельсиева, 1877

Стр. 61 – малыш-саам на оленьем пастбище. Фото Г.М. Крепса

Стр. 62–63 – карта В. Рамзая (первая подробная карта Хибинского горного массива)

Стр. 64 – егерь Лапландского заповедника Федор Архипов



Стр. 65 – оленья упряжь ижемских оленеводов, впоследствии ставшая обычной и у саамов. Рис. В.В. Чарнолуского

Стр. 66 – саамская тупа – один из видов саамского жилища: срубные постройки на местах постоянных зимних и летних поселений. Фото В.В. Чарнолуского

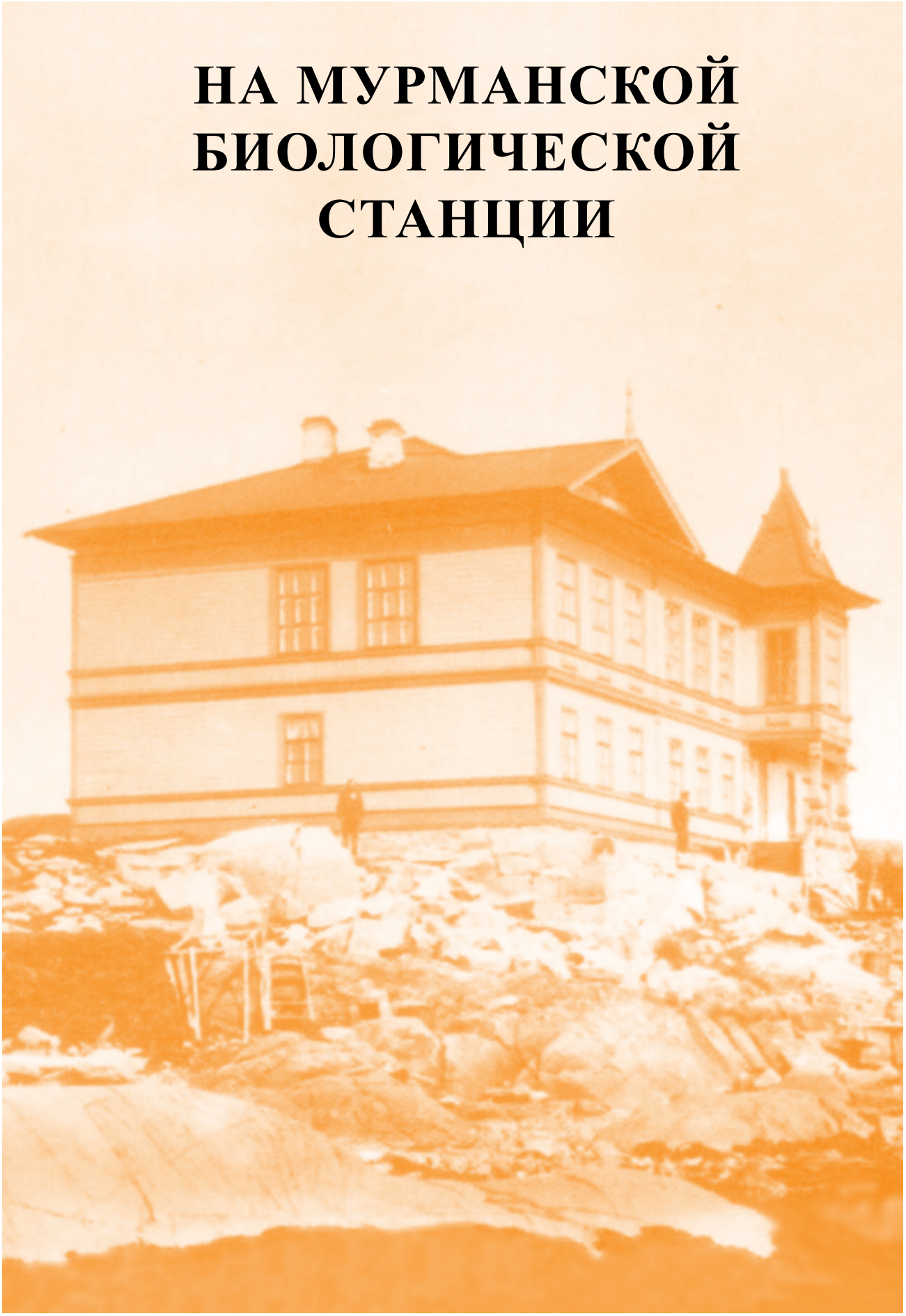
Стр. 67 – лопари возле своего жилища – тупы. Фото В.В. Чарнолуского

Стр. 66-67 – ижемцы возле своих оленей. Фото Г.М. Крепса

Стр. 68 – наполовину разобранная куокса (кувакса) – походное жилище саамов. Собиралась на месте стоянки из жердей, которые покрывались оленьими шкурами, берестой, ягелем, а в настоящее время – брезентом. Фото В.В. Чарнолуского

Стр. 69 – лопарская семья внутри куоксы (с древней гравюры)

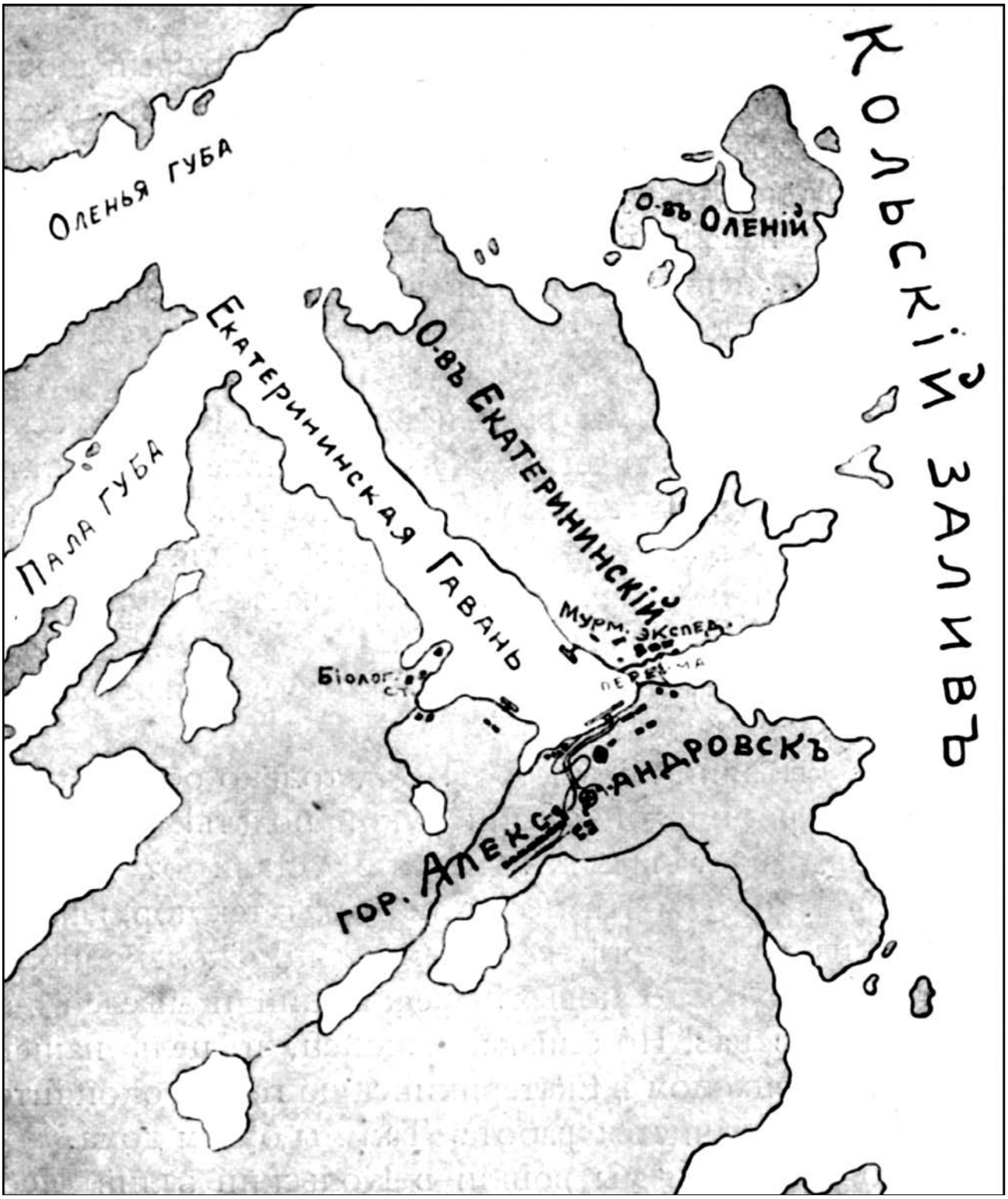
НА МУРМАНСКОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ



НА МУРМАНСКОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ

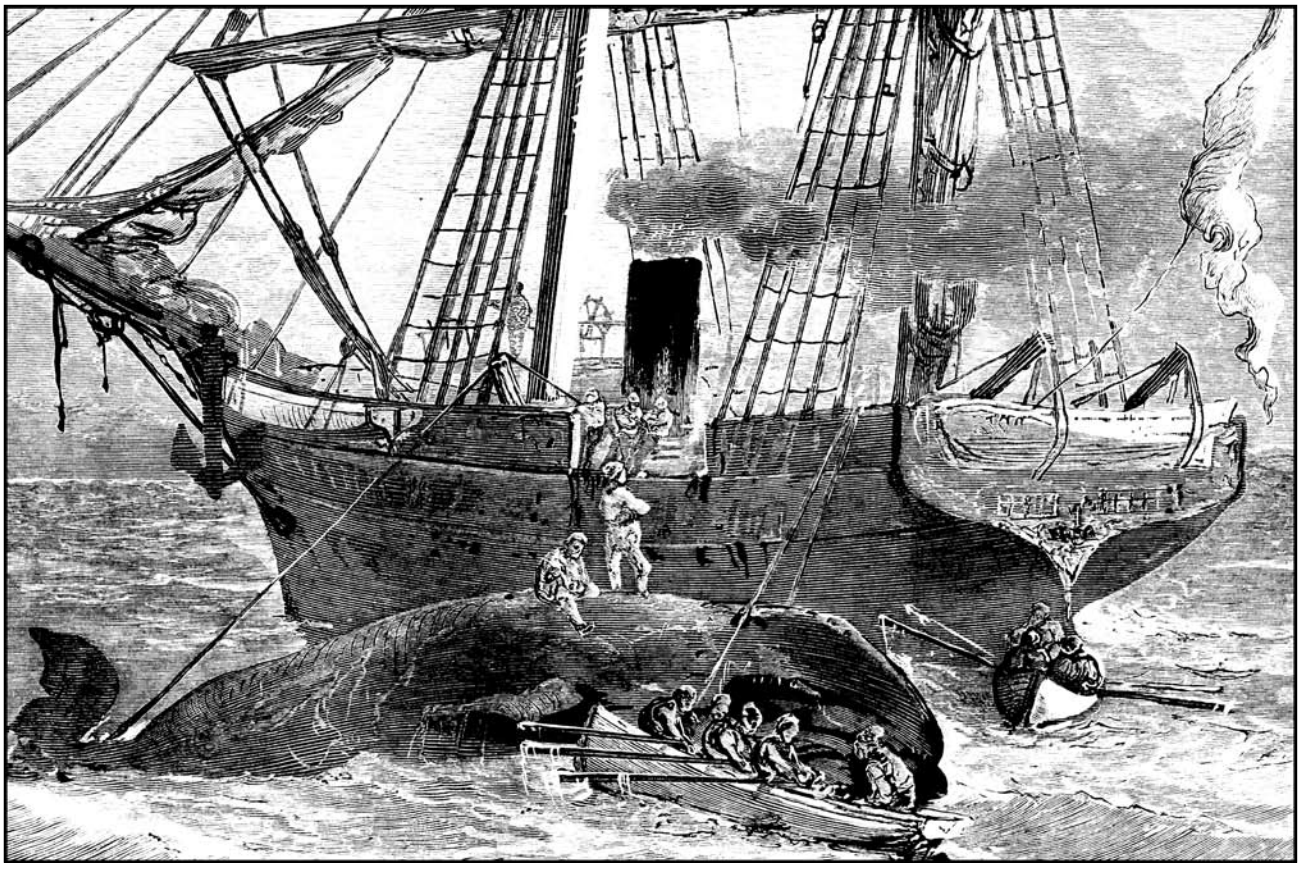
«Ни дня без дороги» – стало уже девизом Германа Крепса. Величественная симфония северного леса задала весь тон его кочевой жизни. Там возле горящих углей костра, на краю лесного одиночества, научился он понимать высочайшие звуки Природы, постигать их первозданность и смысл. Все время Крепс ищет нового приложения своим знаниям. В конце 1923 года Герман Михайлович становится научным сотрудником Мурманской биостанции.

В 1981 году Мурманская биологическая станция отмечала свой 100-летний юбилей. Идея организации первой в России северной биологической станции принадлежала профессору зоологии Петербургского университета Н.П. Вагнеру, пожалуй, больше известному в те годы под литературным псевдонимом Кот Мурлыка. Вначале станция размещалась в стенах Соловецкого монастыря, но в 1898 году, по настоянию монахов, была переведена в Екатерининскую гавань Кольского залива, где в то время строился город Александровск. В разные годы здесь работали выдающиеся ученые нашей страны: академики В.И. Вернадский, А.П. Виноградов, Л.А. Зенкевич,

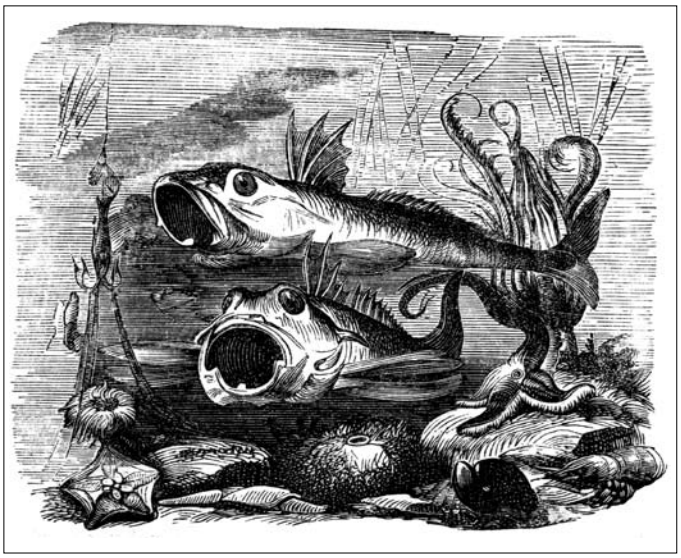


В.М. Шишкевич, А.А. Ухтомский, члены-корреспонденты АН СССР В.А. Догель, Ю.И. Полянский и др. Важную роль в развитии исследований Баренцева моря сыграли многолетние научно-промысловые экспедиции, активное участие в которых принимал будущий академик Н.М. Книпович (один из основателей ПИНРО).

В 1930-е годы станция переселилась в Дальние Зеленцы. Поле деятельности станции все время расширялось. Благодаря поддержке академика И.П. Павлова здесь была открыта лаборатория сравнительной физиологии, которую долгие годы (вплоть до ареста) успешно возглавлял брат Г.М. Крепса – Евгений Михайлович.



А теперь несколько слов о печальном конце Мурманской биологической станции. Летней ночью 1933 года к пристани биостанции подошел военный катер, на котором были Сталин, Ворошилов и Киров. Они вызвали директора Клюге и через несколько минут уехали. А некоторое время спустя (8 августа 1933 г.) были арестованы и увезены в Ленинград все руководящие сотрудники (включая и Е.М. Крепса; его брат, Герман, в то время уже работал в Лапландском заповеднике). Ученым инкриминировалась организация вредительской группы, сорвавшей выполнение плана промысла трески. Но главная причина разгрома заключалась прежде всего в том, что станцию нужно было убрать из Кольского залива, где намечалось создание военной морской базы. И Мурманская станция, успешно работавшая в течение 34 лет на Баренцевом море, была ликвидирована...



Возвращаясь к началу 1924 года, директор станции, зная, что Герман Крепс как болотовед в свое время успешно обследовал торфяники Владимирской губернии, поручает ему провести геоботаническое обследование и определить запасы торфа Большого Оленьего острова в Кольском заливе.

Если посмотреть на карту с высоты птичьего полета, возвышенности на острове чередуются с заболоченными участками с живописными озерками. На берегу одного из них в маленькой, наспех сколоченной заезжими охотниками избушке, и поселился Герман Крепс. Время от времени к его работе присоединялись

орнитолог Спасский и почвоведы Вебликова и Егоров. Совместными усилиями была составлена подробная геоботаническая карта острова, проведены геоморфологические и другие исследования, а их результаты опубликованы в «Работах Мурманской биологической станции». Качество торфа указывало на целесообразность разработки местных торфяников для добычи крайне дефицитного на Мурмане топлива. Однако здесь оптимизм исследователей и заканчивался…

Все дело в том, что этот небольшой остров площадью около ста гектаров, со всхолмленной поверхностью, издавна облюбовали для своих «базаров» обширные колонии морских птиц, в основном гаги, крачки и различных видов чайки. Издавна во множестве обитали здесь разные кулики, на озерах утки, а кустарники березы и ивы ежегодно оживлялись различными северными воробьиными (дрозды, коньки, чечетки и др.). Положение острова в Кольском заливе, находящегося недалеко от выхода в открытое море и на пути пролета птиц, удобные и разнообразные места остановок, кормежки и гнездовья превращали его как бы в естественный зоологический сад, где на небольшой площади были сконцентрированы почти все представители местной орнитофауны.

Исследуя биоценозы побережья Кольского залива, Крепс приходит к печальному выводу: вследствие хищнической охоты на птичьих базарах численность морских птиц, прежде всего гаги, резко сократилась. Он принимает активное участие в кампании, в результате которой Мурманский окрисполком передает Мурманской биологической станции в свое ведение Большой Олений остров для организации на нем заказника. Охрана острова в первый же год дала свои результаты: здесь загнездились и спокойно вывели птенцов многочисленные колонии птиц.

И еще один любопытный момент, связанный с деятельностью Крепса. Несмотря на частые посещения, никто не догадывался о том, что Большой Олений остров таит в себе еще и археологические ценности. Однажды Герман обратил внимание на продолговатые камни необычайной конфигурации на поверхности земли. Приглядевшись, он увидел, что сквозь тонкий слой торфа явно проглядывают очертания, очень похожие на человеческий скелет. Раскапывать дальше Герман не стал, так как здесь нужна была работа специалистов (летом 1928 года археолог Академии наук А.В. Шмидт обнаружит на острове целое кладбище древних погребений с многочисленными орудиями из камня и кости).

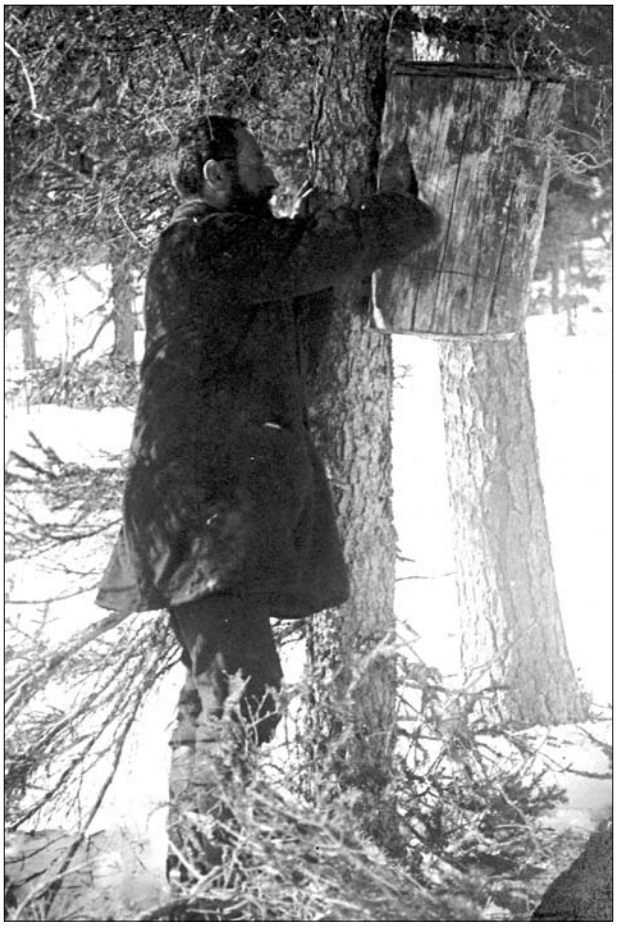
О своей находке Крепс также напишет в первом томе «Работ Мурманской биологической станции» и, по сути, станет участником одного из интереснейших археологических открытий на Кольском полуострове. Сегодня это самый древний могильник (эпохи неолита) на территории Мурманской области.

И все же судьба этого острова (столь богатого на интересные объекты) оказалась весьма незавидной. Пожелания Крепса так и остались пожеланиями. В «Кольской энциклопедии» о природном заповеднике и памятнике археологии на острове есть лишь небольшая заметка:

«Оленеостровский могильник. Объект культурного наследия федерального значения... Погребальный комплекс относится к эпохе раннего металла середины I тыс. до н. э., принадлежит к археологической культуре асбестовой керамики и не имеет аналогов на всей территории Северной Европы. В 1930-х–1940-х был частично утрачен в результате разработки песчаного карьера». Комментарии, как говорится, излишни...

С первых же дней появления на Мурманской биологической станции Герман Крепс стал, что называется, ее душой. Этому способствовало не только прекрасное знание своего дела, но и, что значительно важнее для коллектива, его открытый и добрый характер. Приветливостью и откровенным разговором он каждого располагал к себе. Его самобытная речь, проникнутая добрым юмором, изобиловала местными поговорками и прибаутками.

Вместе с тем, в характере Крепса было достаточно решительности и бескомпромиссности, чтобы в трудный момент прийти на выручку товарищу. Профессор Г.Д. Рихтер рассказывал, как во время одной из экспедиций он тяжело заболел цингой. Необходимых лекарств под рукой не было, и Крепс решает лечить его способом, которым испокон веков пользуются местные жители – саамы. Выследив и убив дикого оленя, он заставил своего товарища пить кровь «дикаря». После чего болезнь довольно скоро отступила. (Впоследствии вываренный скелет «дикаря» был передан в Зоологический музей Академии наук СССР и до сих пор находится в его экспозиции.)



Однажды, возвращаясь с охоты, Крепс подобрал выпавшего из гнезда вороненка. У него было сломано крыло, и дни его, казалось, были сочтены. Охотник бережно принес раненую птицу на станцию и выходил. Под высоким крыльцом лабораторного корпуса Крепс устроил вороненку жилище. Ворон быстро привязался к людям, но больше всех признавал, конечно, своего спасителя, садился к нему на плечо, брал из рук пищу.

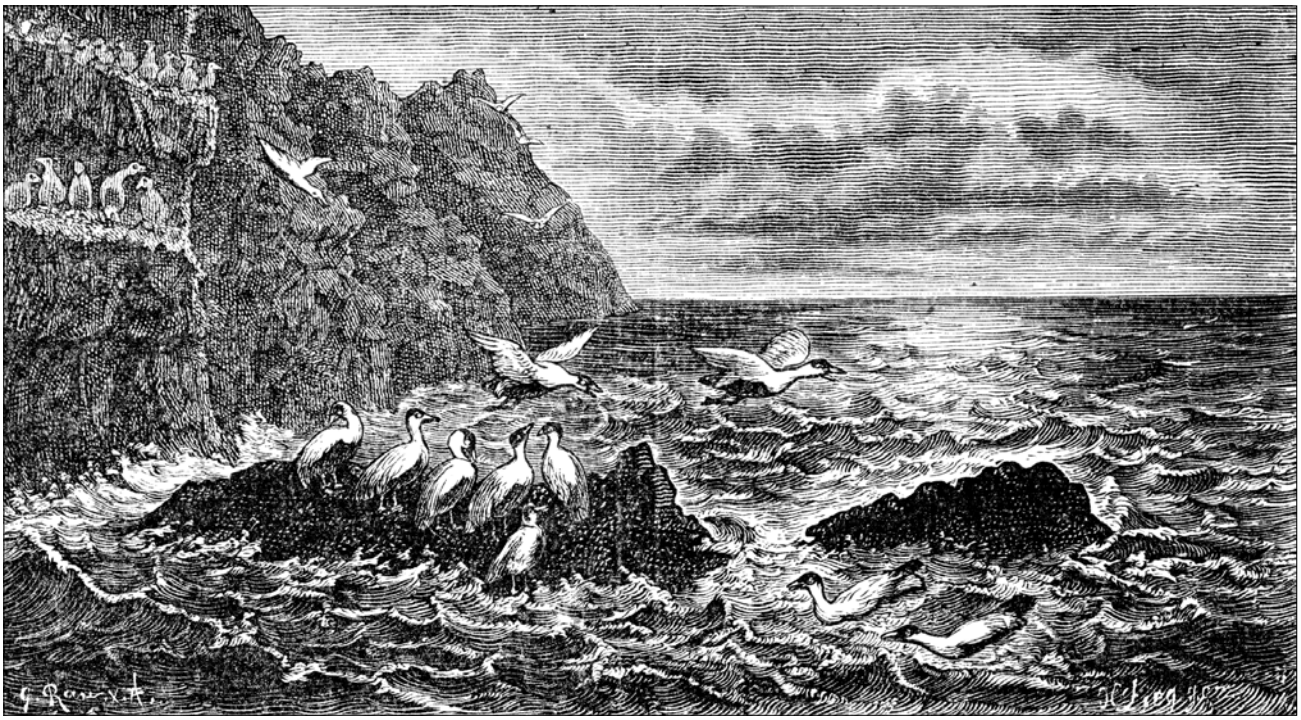
Благодаря своей доверчивости ворон часто попадал в смешные истории. Об одной из них рассказал в своей книге «Повести северных морей» Всеволод Аполлинарьевич Васнецов – старейший советский океанограф, один из первых сотрудников Плавучего морского научного института (Плавморнин), созданного в первые годы советской власти.

А история была следующей. Возвращаясь из плавания в водах Восточного Шпицбергена, экспедиционное судно «Персей» на несколько дней зашло в Екатерининскую гавань. Внимание команды привлек ворон, летавший над бухтой. В один из погожих дней группа сотрудников биологической станции вместе с прибывшими на «Персее» отправилась на противоположный берег бухты в единственный в тех местах магазинчик (Г.М. Крепс был

КАРТА МУРМАНСКОГО БЕРЕГА
(нач. XVII в.)

в это время в отъезде). За ними, перелетая со скалы на скалу, увязался и ворон. Сделав необходимые покупки, все вышли из магазина. Ушла и продавщица. Никто не заметил, что ворон остался взаперти. Вернувшаяся после обеденного перерыва в магазин продавщица пришла в ужас: все пачки, пакеты, коробки, аккуратно расставленные по полкам, были разбросаны по полу и растерзаны, а ворон, проскочив мимо растерянной продавщицы, прямо через бухту полетел домой, оглашая воздух громкими криками. Птица никак не могла ожидать такого вероломства от людей. Несмотря на покладистый характер, ворон еще долгое время не подпускал к себе никого, кроме хозяина.

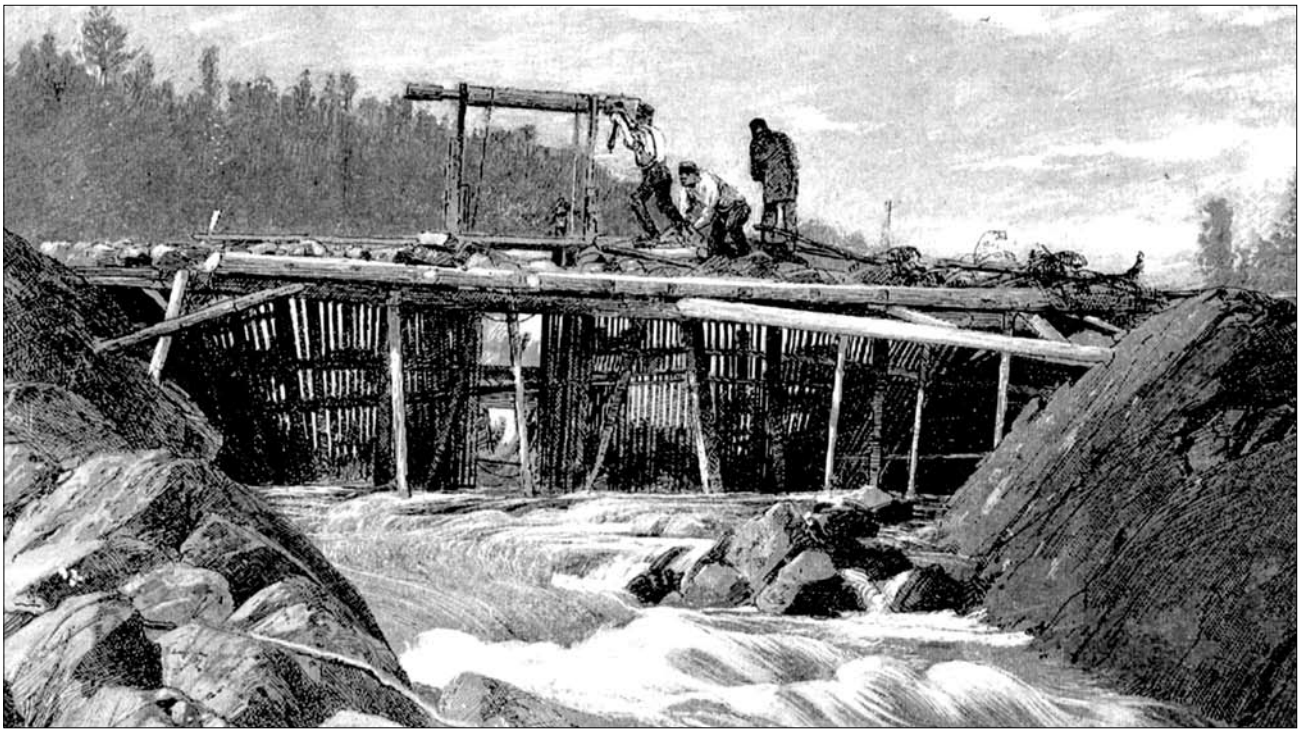
О проделках своего замечательного питомца Крепс рассказал читателям «Юного натуралиста». Зимой (уже в Лапландском заповеднике) ворон Яшка при хорошем на-



строении взлетал на конек дома, ложился на спину и на крыльях, как на санках, скатывался до стрехи, затем снова взмывал вверх, и представление продолжалось до тех пор, пока Герман Михайлович не останавливал развеселившуюся птицу.

Лесные корреспонденции Крепса часто появляются и на страницах журнала «Вестник Карело-Мурманского края» (с 1926 г. – «Карело-Мурманский край»). Редакция заказывает Герману Михайловичу серию очерков о состоянии охотничьих промыслов в Лапландии. Как подлинный следопыт Крепс рассказывает о жизни северного леса и тундры, о представителях морской фауны, как исследователь-биолог – делает целый ряд интересных замечаний и обобщений: «Казалось бы, такая слабонаселенная страна, как Лапландия, должна бы была кишеть птицей и зверем. На самом деле это не так. И если малое количество одних животных, например крупных млекопитающих, можно объяснить усиленным их преследованием, то вообще очень ограниченное количество других – например, глухарей или зайцев – не поддается удовлетворительному объяснению... Нельзя не упомянуть об одном любопытнейшем явлении в жизни всех вообще северных животных – это некая периодичность численности. Годы, бедные всей вообще дичью, сменяются годами, когда количество ее значительно увеличивается, причем период бедности, как и период изобилия, измеряется примерно десятком лет».

Но вместе с тем Крепс обращает внимание и на тот факт, что издавна глубоко укоренился взгляд, особенно у северных народов России, что лес, рыба, дичь – «ничьи», «божьи», так как никто о них не заботился, не сеял, не разводил, а потому пользоваться ими может всякий, кому угодно и как угодно. Подчеркивая важность природоохранных мероприятий, Крепс в одном из своих очерков писал: «Сегодня, когда природные богатства принадлежат самому народу, необходимо настойчиво объяснять, насколько вредны и ошибочны старые укоренившиеся понятия, и серьезно задуматься над упорядочением охотничьего хозяйства Лапландии». Далее он предлагает и некоторые практические меры: «Необходимо фактически прекратить охоту на лосей, которая, хотя и запрещена для всей европейской части России, в Лапландии производится совершенно свободно, причем



ведется главным образом по насту, бьют и самок, и телят... В целях защиты дикого оленя нужно было бы организовать заповедник в местности, где он еще держится». (Мысль о создании оленьего заповедника Г.М. Крепс впервые высказал в 1925 году. – *В. Б.*)

Научная организация промыслов делала в те годы свои первые шаги. Северная научно-промысловая экспедиция была преобразована в Институт по изучению Севера. В состав его президиума избирается и Герман Михайлович Крепс. Часто его можно было увидеть на промысловых и научно-исследовательских кораблях «Ковалевский», «Персей», «Песец». По заданию Мурманской биостанции он изучает периодичность температурных колебаний Гольфстрима, интересуется вопросами, связанными с ледовой обстановкой в районах промыслов.

Список иллюстраций к главе "На Мурманской биологической станции"

Стр. 72 – торжественное открытие города-порта Александровска-на-Мурмане в 1899 году

Стр. 73 – город Александровск и его окрестности в Кольском заливе (на карте конца XIX в.)

Стр. 74 – лов китов в Кольском заливе, со старинной гравюры XVIII в.

Стр. 74 – лов китов в Белом море. Из книги Ф. Гельвальда «История путешествий к Северному полюсу», 1881 г.

Стр. 75 – научно-исследовательское судно «Николай Книпович» у пристани Мурманской биологической станции

Стр. 75 – рыбы Баренцева моря (со старинной гравюры)

Стр. 76 – главное здание Мурманской биологической станции, 1924 г.

Стр. 76 – Г.М. Крепс и орнитолог Спасский на Большом Оленьем острове

Стр. 77 – Ворошилов, Сталин и Киров на Мурманской биологической станции (г. Александровск) 23 июля 1933 г.

Стр. 78 – Г.М. Крепс проверяет гоголиные дуплянки в Лапландском заповеднике, 1935 г.

Стр. 78 – Герман Крепс развозит гоголиные дуплянки по местам гнездования птиц в Лапландском заповеднике, 1934 г. Фото О.И. Семенова-Тян-Шанского

Стр. 79 – «Изображение того, как после долгих странствий мы [спутники экспедиции Виллема Баренца] добрались до западного берега Белого моря, где нашли русский корабль» (из «Морского дневника» Де-Фера, 1598 г.)

Стр. 79 – птичьи базары на островах Кольского залива (со старинной гравюры)

Стр. 80 – поморское становище на побережье Баренцева моря

Стр. 81 – лов семги «забором» на реках Кольского полуострова (со старинной гравюры)

Стр. 81 – лов семги «забором» на реках Кольского полуострова (со старинной гравюры)

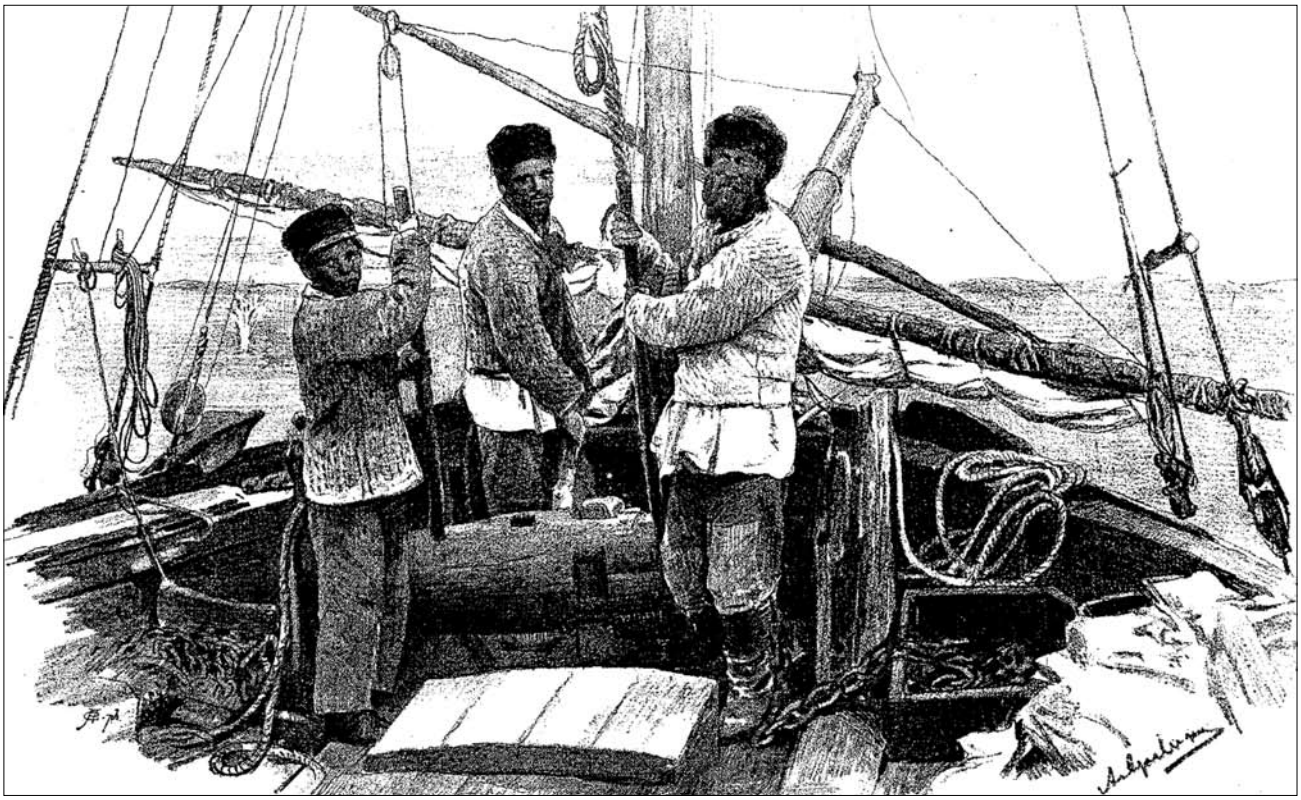
В ГОРЛЕ БЕЛОГО МОРЯ

В ГОРЛЕ БЕЛОГО МОРЯ

Первые сведения о русских зверобоях, добывавших тюленей на Белом море, приходят к нам из летописей XI–XII веков. Долгое время охота за зверем велась только с берега, то есть без лодок. В конце февраля, когда во время прилива льды прижимались к берегу, зверобои выходили на берег и баграми и острогами били зверя. Дорожили каждой минутой. Часто, как бывает на Севере, переменится ветер, оторвет льдину с людьми и понесет в открытое море. Куда принесет – неведомо, скорее всего, на верную гибель. «С одной стороны море, с другой – горе, с третьей – мох, с четвертой – ох», – говорили в старину поморы.

Давно уже такой способ охоты отошел в область преданий. На промысел тюленя стали ходить специальные зверобойные суда и ледоколы. Они хорошо приспособлены к тяжелому зимнему плаванию во льдах. На палубу одного из таких судов весной 1924 года поднялся Г.М. Крепс. Он еще не представлял себе, сколь драматичным окажется это путешествие, которое впоследствии опишет в статье с довольно бесстрастным названием «О состоянии льдов в горле Белого моря весной 1924 года».

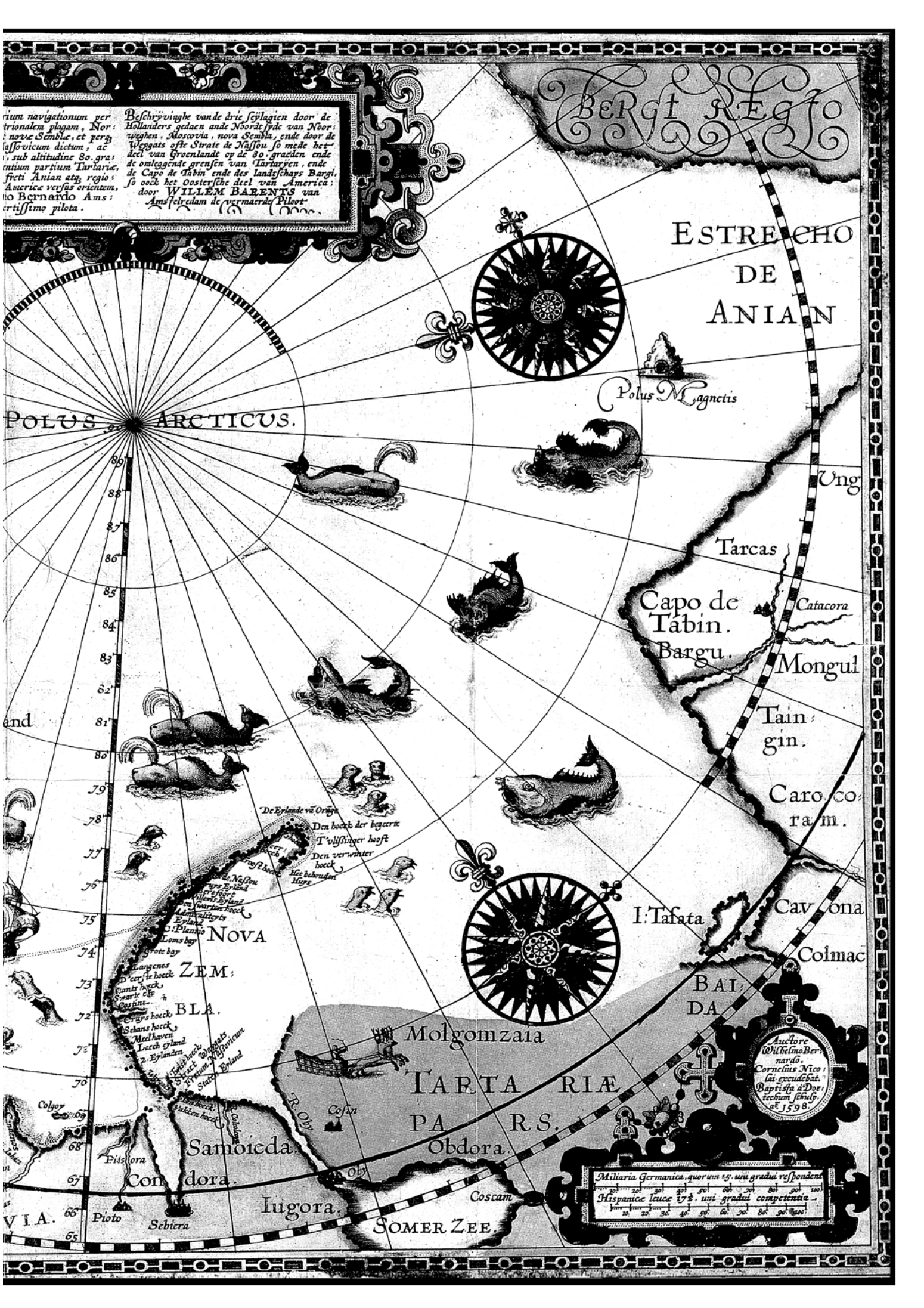
Пятого апреля моторно-парусное судно Госрыбпрома «Песец» покинуло Екатери-

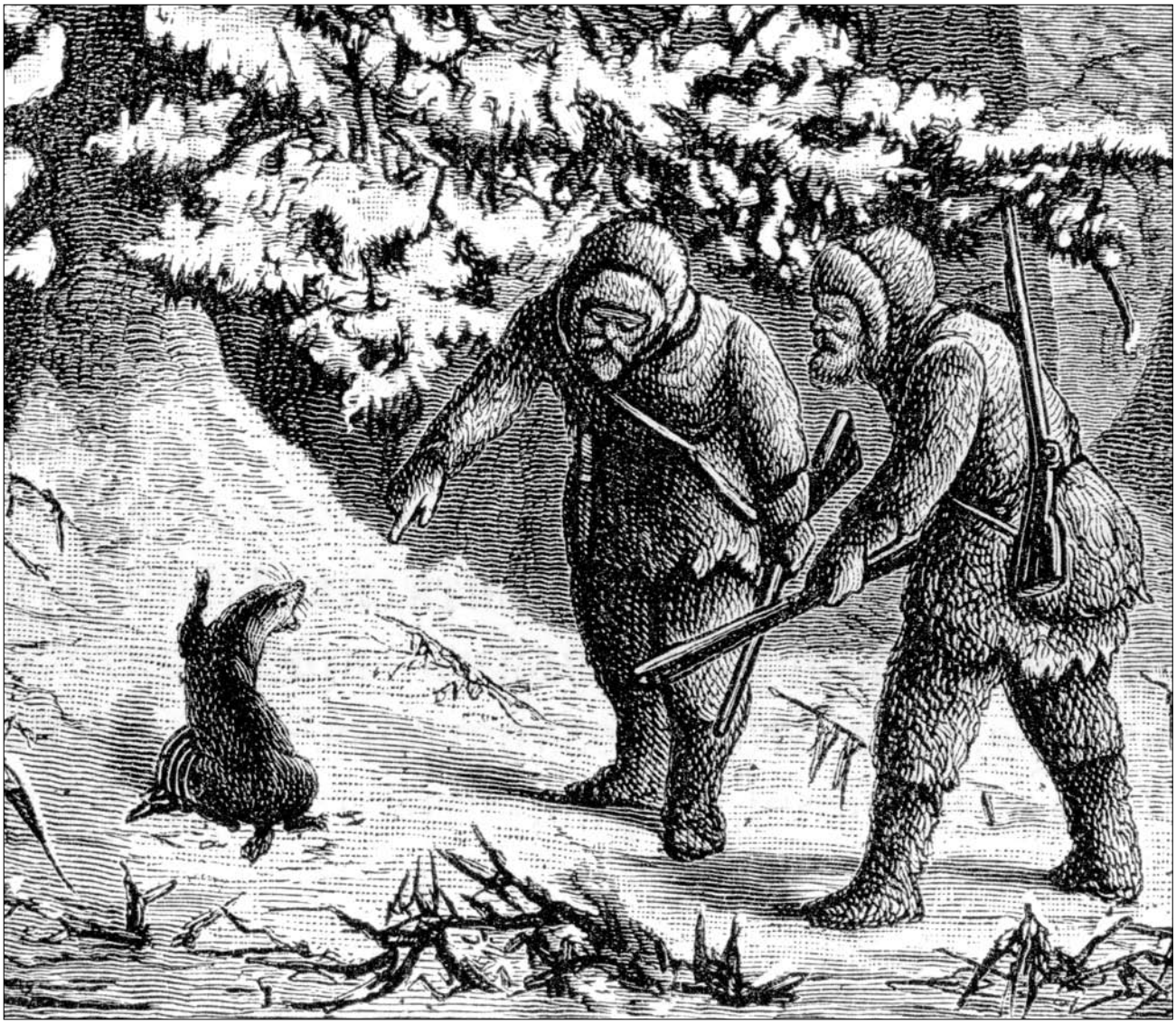


нинскую гавань Кольского залива и взяло курс на восток. Погода, казалось, с самого начала была против их плавания. Снежные заряды налетали один за другим, по морю ходила зыбь, и берег, от которого шел «Песец» в 5–7 милях, был почти неразличим. Через сутки на долготе Святого Носа показался лед. Это был легкий блинчатый лед, но постепенно размеры льдин и их толщина все более увеличивались. Судно сначала сбавило ход, а затем вынуждено было остановиться.

Вместе с капитаном судна старым помором Гринфельдом Крепс стоял на палубе, всматриваясь вдаль. Уже несколько дней «Песец» неподвижно стоял у кромки сплошного льда. Недалеко от него остановилось несколько норвежских зверобойных судов, ледяное поле и для них оказалось непреодолимой преградой. Нетерпение все больше охватывало Крепса.

FRETUM DAVIS
ESTOTILAND
GROENLAND
GROC LAND
FRIS LAND
ISLAND
Circulus Arcticus
Fero Ins.
Hebrides Ins.
SCOTIA
Orcades Ins.
Hitland Ins.
FINMARCHIA
NORVEGIA
SWEDIA
Boddicus Sinus
LAPPIA
Oost Finland
MOSCOVIA
GERMANIÆ PARS
Regine Eli: promont:
Hasles Ins.
Martin Forbishers Straites
Lester point
C. Desolation
Warwyckes
Berfsund
Lo
Charles Cape
Gilberts sound
Marchant I.
Darcies
Base bartter
London Cost
Hope Sanderson
Aer flu.
Orin Prom.
Munder
Witsarck mons
Lada
Hiu
Chan
Ther prom.
Alba
Thomas Cenobium
Vogelhoeck
Gebrooken land
Groenwyck
Groenen inwyck
Het nieuwe Inwyck
I. Margaster
Caboru
C. Spa gia
Aqua
Campa
Godmec
Kollewig
Horn
Fulva slapi
Drangenes
Nortfiord
Bloc
Eldey
Geiefulas kir
Rykianes
Hafna nes
Grindwig
Holu
I. Flatey
Grins ey
Stalbolt
Raudagnuper
Hekla mons
Hof
Kollafiord
West mana eyar
Ingols hofdi
Oosterhoeck
Pap ey
Langenes
Mzelstroom
I. Leffoet
I. Ruft
I. Truenooch
I. Trompsent
Noort cuep
Noort skin
I. Heylichlant
Gisko
Grip
Wurdhuys
Olternos
Folore
Tanneberg
Kildyn
Podewolt
Cola
Olena
J. Erlanden
Stellia
Brida
Thoorn
Gena
Karlahi
Stavbsfi
Kanesma
Onega
S. Nicolaus
Archangel
Gotlant
Osel
Revel
Olant
Upsael
Stockholm
Wisbergen
Bergen
Dermes
Aberdyn
Fairghil
C. Telenes
C. Bokenes
S. Andreas
Aberdyn
Leyden
Amsterdam
Gouda
Delft
Haerlem
Utrecht
Arnhem
Nymegen
Cologne
Mayntz
Frankfort
Wurtzburg
Ulm
Augsburg
Ratisbon
Vienna
Prague
Cracovia
Breslau
Dantzick
Lubeck
Hamburg
Bremen
Cologne
Antwerp
Brussels
Paris
Rouen
Calais
Dieppe
Boulogne
Dunkirk
Ostende
Bruges
Ghent
Mons
Namur
Liege


rium navigationum per
trionalem plagam, Nor:
: novæ Semblæ, et per
Nassovicum dictum, ac
, sub altitudine 80. gra:
ntium partium Tartariæ,
freti Anian atq; regio:
Americæ versus orientem,
o Bernardo Ams:
ertissimo pilota.
Beschrijvinghe van de drie seylagien door de Hollanders gedaen ande Noordsyde van Noorweghen, Moscovia, nova Sembla, ende door de Weygats ofte Strate de Nassou so mede het deel van Groenlandt op de 80. graeden ende de omleggende grensen van Tartaryen, ende de Capo de Tabin ende des landtschays Bargi, so oock het Oostersche deel van America; door WILLEM BARENTS van Amstelredam de vermaerde Piloot.
BERGT REGIO
ESTRECHO DE ANIAN
Polus Magnetis
POLUS ARCTICUS.
Tarcas
Capo de Tabin.
Catacora
Bargu.
Mongul
Tain gin.
Caro co ra m.
I. Tafata
Cav ona
Colmac
BAI DA
NOVA ZEM BLA.
Molgomzaia
TARTA RIÆ PA RS.
Samoieda.
Obdora.
Iugora.
Coscam
SOMER ZEE.
Pioto
Sebiera
Colgoy
Pidsora
Auctore Wilhelmo Bernardo. Cornelius Nicolai excudebat. Baptista a Doetechum sculp. a° 1598.
Miliaria Germanica, quorum 15. uni gradui respondent
Hispanice leuce 17½. uni gradui competentia.



– И долго еще так стоять будем? – спросил он капитана.

– А ты все торопишься, Герман, все тебе некогда, уж всю тетрадь исписал, наверное. – Гринфельд вынул изо рта трубку и с улыбкой взглянул на собеседника. – Знаешь ведь, в нашем деле ветер – хозяин. – И, немного помолчав, добавил: – Скоро, должно быть, с юга задует, вот тогда и тронемся.

Действительно, утром следующего дня потянул свежий юго-восточный ветер, ледяные поля несколько развело и «Песец» мог продолжать плавание. Через несколько дней благополучно достигли цели.

Первыми на лед сходят разведчики – на поиски залежки зверя. Они расходятся в разные стороны попарно, чтобы в случае необходимости оказать помощь друг другу. Скоро найдена большая залежка. Но тюлени совсем недавно выбрались на лед, от их блестящих шкур поднимается пар, они беспокойно поднимают головы, некоторые снова уходят под воду. Нужно выждать время, когда зверь облежится, успокоится. Проходит еще несколько часов, и можно начинать охоту. Тюлени могут спать больше суток, они привыкли к резким звукам сталкивающихся льдов и потому на звук выстрела почти не реагируют.

Вместе со зверобоями Крепс участвует в охоте, разделывает и перетаскивает туши убитых зверей на судно. Уже в темноте, возвращаясь с последней группой промысловиков на «Песец», Крепс заметил Гринфельда, озабоченно вышагивающего по палубе.

– С хорошим почином, капитан, – приветствовал его Крепс, – еще пару дней, и трюмы будут полные.

– Начали хорошо, – невесело ответил Гринфельд, – да не испортил бы снова нам ветер всю обедню. Видишь, полуночник набирает силу. Как бы не затерло нас.

После непродолжительного совещания со штурманом капитан отдает приказ двигаться в сторону Городецкого маяка. Около полудня следующего дня показался маяк, но проход к нему уже заняли льды. Ветер еще более окреп, и впервые стало заметно энергичное движение льда, прижимающего «Песца» к берегу. Скоро лед уже со скрежетом продирался вдоль бортов, сотрясая судно нервной дрожью. Судно, зажатое льдами, неотвратимо тянуло к берегу.

Крепс, уже давно почувствовавший всю серьезность положения, не отходил от Гринфельда.

– Неужто не выплывем, капитан?

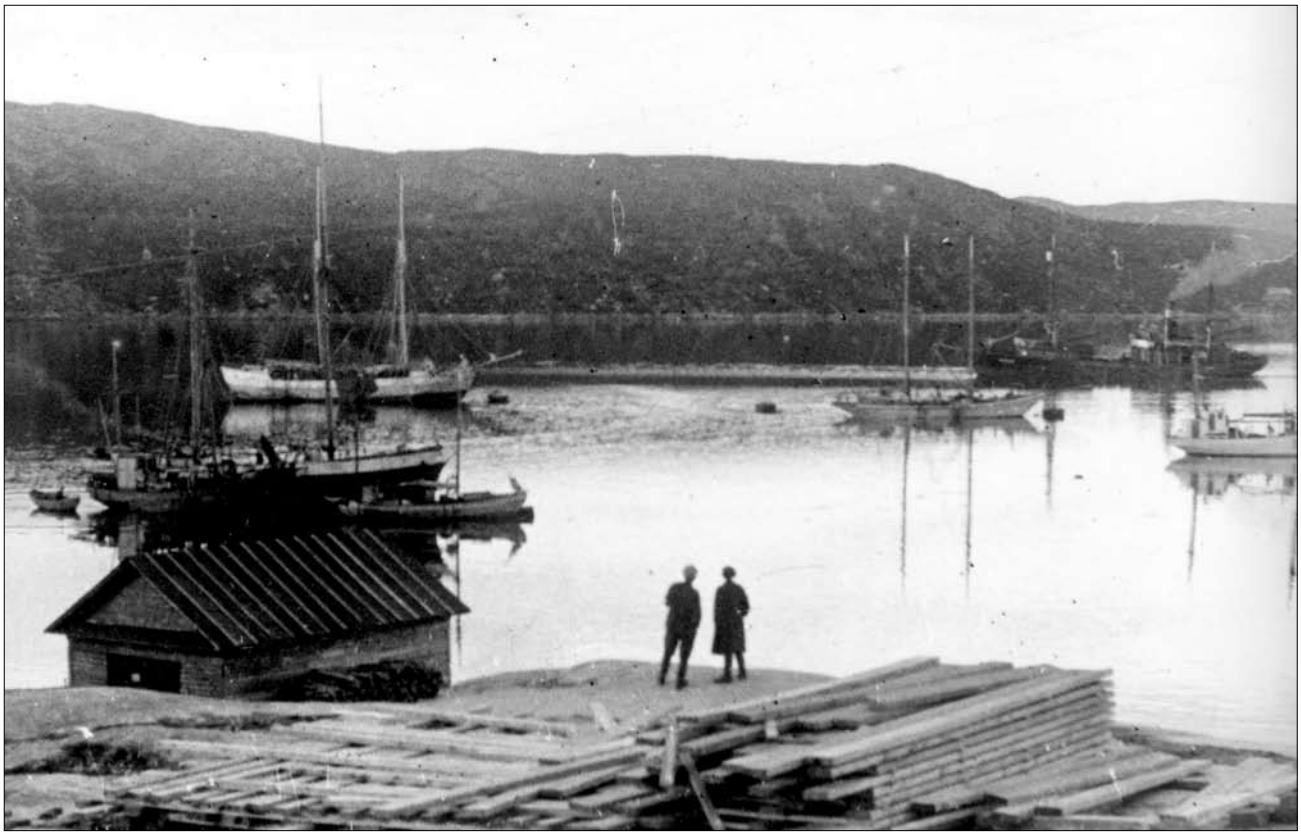
– Поплывем, так и выплывем, – усмехнулся в усы Гринфельд, – чем мы хуже зверя? – И, видя недоуменное лицо Крепса, продолжал:

– Был я матросом на зверобойном судне на Новой Земле. Затерло нас во льду. Сидим крепко. Мороз за тридцать. Поморы натопили в кубрике – жарища! Стал тут один старик рассказывать, какая замечательная шкура у тюленя. Любой мороз ему нипочем – то на льду спит, то в полынье купается. А парнишка один обиделся. «Чем я хуже зверя?» – кричит. Выскочил из кубрика как был, в одних штанах – и прямо с борта в полынью, плавает и кричит: «Чем я хуже зверя?... Чем я хуже зверя?» – Ему орут: «Вылезай!» – Он снова: «Чем я хуже зверя?» – «Лучше, лучше, вылезай скорее!» – «Ну, то-то же!» – Вылез он, выпил стакан спирта и лег спать.

– Ну и что с ним? – уже улыбаясь, спросил Крепс.

– А ничего. Выспался, и хоть бы ему что! Смотри-ка, а норвежским-то зверобоям совсем стало худо, – и Гринфельд указал рукой в направлении берега.

Недалеко от «Песца» находилось пять норвежских судов. Иногда, в момент затишья, становилось видно, что три зверобоя, находившиеся ближе к берегу, терпят аварию. А через несколько часов команда «Песца» наблюдала, как одно из них медленно погружается носом вперед, раздавленное и поглощаемое льдами, и скоро только конец мачты

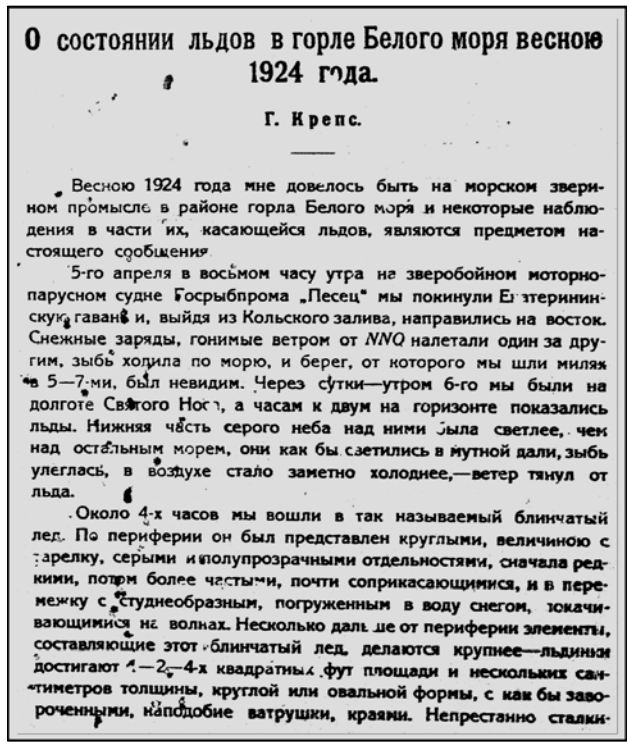


торчал среди острых ропаков. В течение этих же суток погибли еще два норвежских судна. Командам судов удалось спастись, с котомками люди перебрались на уцелевшие суда.

«К утру 25 апреля, – записывает в дневнике Крепс, – ветер достиг силы шторма. Мы находимся теперь на расстоянии не более двух миль от берега. Давление льда все возрастает. Уже нет отдельных торосов – все видимое пространство представляет собой одно сплошное поле взлома и нагромождения ледяных глыб... К четырем часам дня мы уже не более чем в миле от берега. Сильнейшие толчки и сотрясение судна следуют одно за другим. В один из таких моментов судно получило небольшой, градусов в семь крен на левый подветренный борт. Несмотря на большую уверенность капитана и штурмана в чрезвычайной прочности корпуса «Песца», было решено приступить к сбору наиболее ценных и необходимых вещей, чтобы с ними в критическую минуту сойти на лед».

Наибольшей силы шторм достиг к вечеру. Ледяные валы торосов громоздились вокруг «Песца», и боковое давление стало выжимать судно на поверхность. В кормовой части открылась сильнейшая течь. С трудом откачали воду из трюма, и все же судно не меняло своей осадки.

Ледокол «Сибиряков», извещенный с Городецкого маяка по радио о гибели в районе шторма целого ряда судов, не смог пробиться к «Песцу» ближе, чем на милю, и встал в тяжелых льдах. И люди начали перетаскивать по льду наиболее ценные вещи.



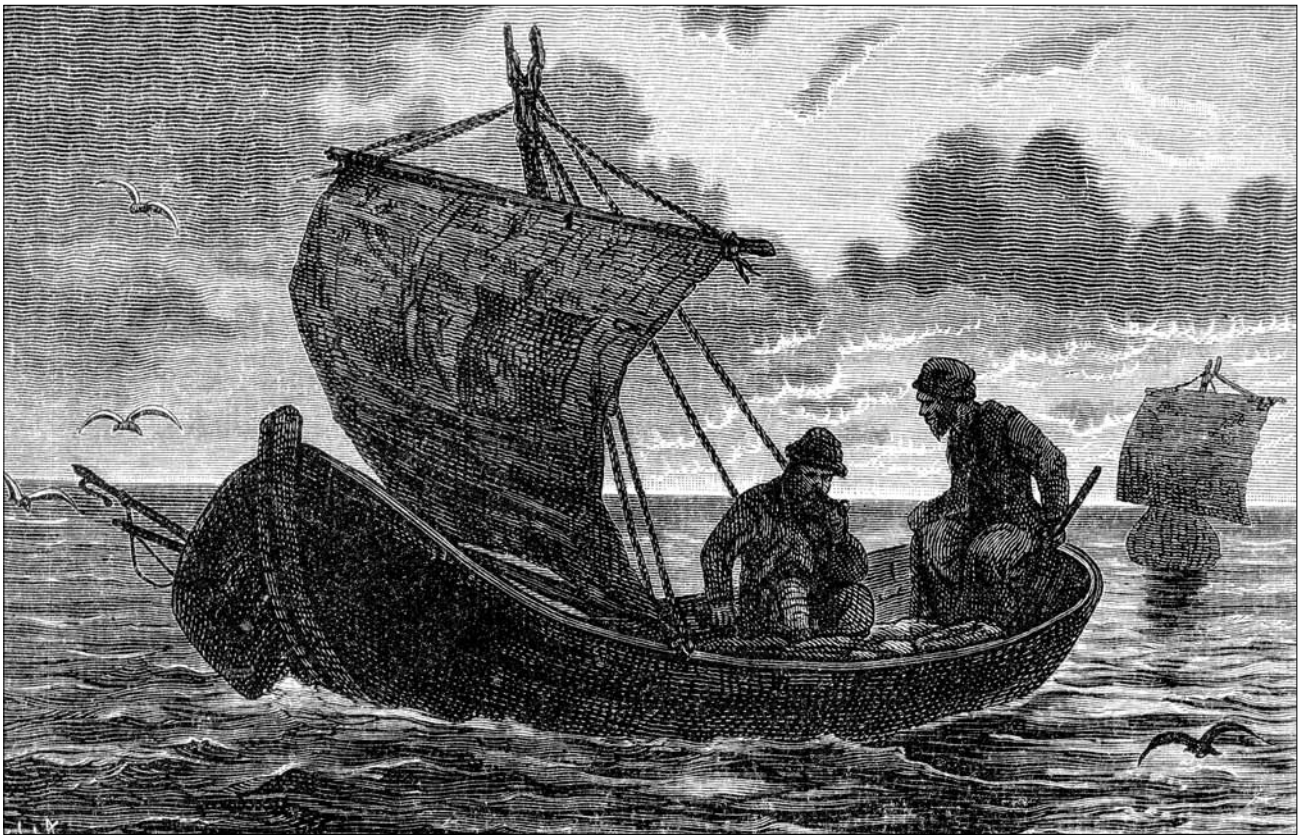
О состоянии льдов в горле Белого моря весною 1924 года.

Г. Крепс.

Весною 1924 года мне довелось быть на морском зверином промысле в районе горла Белого моря и некоторые наблюдения в части их, касающейся льдов, являются предметом настоящего сообщения.

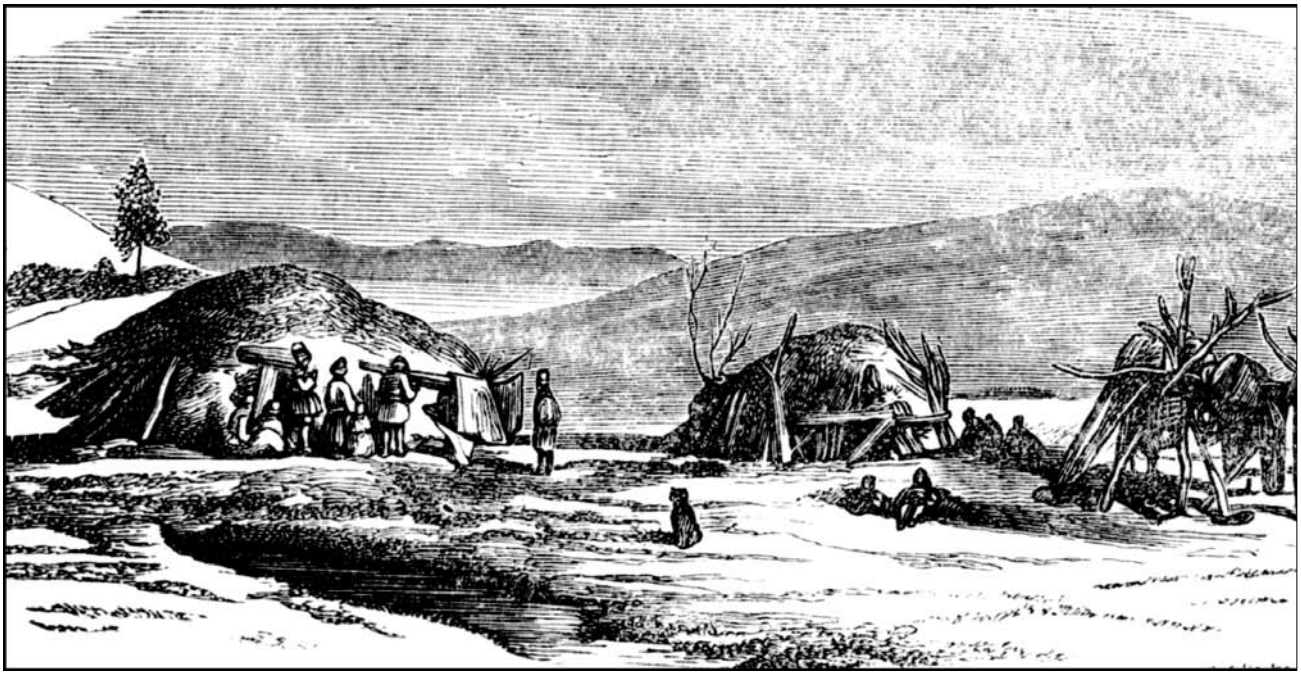
5-го апреля в восьмом часу утра на зверобойном моторно-парусном судне Госрыбпрома „Песец" мы покинули Екатерининскую гавань и, выйдя из Кольского залива, направились на восток. Снежные заряды, гонимые ветром от *NNO* налетали один за другим, зыбь ходила по морю, и берег, от которого мы шли милях в 5—7-ми, был невидим. Через сутки—утром 6-го мы были на долготе Святого Носа, а часам к двум на горизонте показались льды. Нижняя часть серого неба над ними была светлее, чем над остальным морем, они как бы светились в мутной дали, зыбь улеглась, в воздухе стало заметно холоднее,—ветер тянул от льда.

Около 4-х часов мы вошли в так называемый блинчатый лед. По периферии он был представлен круглыми, величиною с тарелку, серыми и полупрозрачными отдельностями, сначала редкими, потом более частыми, почти соприкасающимися, и в перемежку с студнеобразным, погруженным в воду снегом, покачивающимися на волнах. Несколько дальше от периферии элементы, составляющие этот блинчатый лед, делаются крупнее—льдинки достигают 1—2—4-х квадратных фут площади и нескольких сантиметров толщины, круглой или овальной формы, с как бы завороченными, наподобие ватрушки, краями. Непрестанно сталки-



И вот как заканчивает Крепс свои записи об этом путешествии: «Через пять суток после шторма «Песец», в прошлом «Жак-Картье» – судно французской Полярной экспедиции, – зверобой, погиб во льдах, как и подобает такому судну. Лед разведет, торос развалится, и он пойдет ко дну – тяжелый намокший дубовый корпус и 120-сильный мотор».

Еще не раз Герман Михайлович отправится в моря Арктики. Побывает он и на Новой Земле, и на Груманте-Шпицбергене. И из каждого плавания он привезет материалы для научных статей и очерков, а также, что не менее важно, дружбу и уважение простых и мужественных людей, покоряющих просторы суровых северных морей.



Список иллюстраций к главе "В горле Белого моря"

Стр. 84 – саамская деревня на берегу Белого моря (со старинной гравюры)

Стр. 85 – поморы на зверобойном промысле у берегов Баренцева моря (со старинной гравюры)

Стр. 85 – лопарь в керёжке, запряженной двумя оленями (со старинной гравюры)

Стр. 86-87 – карта полярных районов Виллема Баренца, 1601 г.

Стр. 88 – охота в лапландских лесах (со старинной гравюры)

Стр. 89 – охота на тюленей в Горле Белого моря (со старинной гравюры)

Стр. 90 – стоянка кораблей в Екатерининской гавани Кольского залива, откуда Г.М. Крепс начинал свои морские путешествия

Стр. 90 – статья Г.М. Крепса «О состоянии льдов в горле Белому моря весною 1924 года», опубликованная в сборнике «Работы Мурманской биологической станции»

Стр. 91 – поморская шняка идет к Новой земле (со старинной гравюры)

Стр. 91 – лопарское поселение на Мурмане (со старинной гравюры)

TERRA INCOGNITA

TERRA INCOGNITA

Озеро Имандра – одно из самых больших озер в нашей стране, находящихся за Северным полярным кругом. Замысловатые узоры рисует его почти тысячекилометровая береговая линия. Но, несмотря на значительные размеры и положение на главном и наиболее удобном летнем пути между Кандалакшей и Мурманском, озеро появилось на географических картах довольно поздно. Вплоть до начала нынешнего столетия сообщение между Белым морем и Кольским заливом осуществлялось почти исключительно морским путем. Подтверждение этому – хорошо разработанная еще на старинных картах и морских лоциях картография побережья почти при отсутствии данных о внутренних частях Кольского полуострова.

Все имеющиеся карты озера Имандра были составлены на основании или отдельных засечек выдающихся точек, или рассказов местных жителей. Самые правильные очертания передавала карта, составленная А. Петрелиусом в 1890 году, а неточности в изображении деталей

карты объяснялись тем, что детали эти наносились зарисовкой с возвышенных точек берега, откуда не всегда хорошо видна вся береговая линия. В 1924 году географ С.Г. Григорьев с сожалением констатировал: «Озеро Имандра во многих отношениях остается совершенно terra incognita. На нем не производилось никаких ни лимнологических, ни гидробиологических исследований... Неизвестны ни его глубина, ни строение берегов, ни происхождение».

Осенью 1924 года Мурманская биологическая станция направила на Имандру небольшую исследовательскую партию. Вместе с Г.М. Крепсом, возглавившим первую экспедицию, отправились ихтиолог Ф.В. Крогиус, биолог Ф.К. Белов и драгировщик М.Н. Михайлов. На следующий год к ним присоединился географ Г.Д. Рихтер.

Из воспоминаний М.Н. Михайлова, первого директора Мурманского краеведческого музея.

«Лето 1924 года на Мурманске было жаркое настолько, что я ежедневно купался в Кольском заливе. Многочисленные болота и торфяники высохли и где-то горели. Горизонт вокруг Александровска затянуло легкой сизой дымкой, пахло гарью. Я здесь недавно и потому привыкал к своеобразию Заполярья, к своему новому положению и обязанностям на биостанции.

В то лето на станцию был большой приезд студентов-биологов из разных учебных

заведений Москвы, Ленинграда, Казани, Воронежа, и мне, драгировщику, было весьма хлопотно: надо было уметь управлять тяжелой шлюпкой, драгой, лебедкой, скребками для ловли морских животных – ежей, голотурий, разных моллюсков, червей, крабов, раков-отшельников, актиний и других чудесных тварей. Этот прежде мне неведомый мир вызывал у меня, жителя полей, лесов Тамбовщины, восторг и удивление.

В сентябре месяце стояли еще жаркие, ясные дни. Научно-исследовательское судно «Николай Книпович» только что вернулось из очередного рейса по Кольскому заливу. Несмотря на свои малые размеры, это был по-настоящему геройский корабль. Он имел неограниченный район плавания, ходил на Шпицберген, на Землю Франца-Иосифа, на нем можно было смело пуститься даже в кругосветное плавание. С началом Великой Отечественной корабль вошел в состав Беломорской военной флотилии.

Стоя на пристани, я заметил на борту судна человека весьма оригинальной внешности. Он был среднего роста, широкоплечий, плотный, но легкий в движениях. Был он без шапки на круглой голове с короткими, черными, слегка вьющимися волосами. Лицо красивое, чернобровое, с темными блестящими глазами, нос тонкий с горбинкой, хорошей формы. Овал лица несколько продолговатый; короткие темные усы и волнистая черная борода оттеняли густой здоровый загар лица. Одет он был в черную сатиновую рубаху с расстегнутым воротом, заправленную в шаровары, а те в сапоги. На поясном ремешке сбоку у него в кожаных ножнах висел нож и еще что-то, за плечом, в футляре ружье, в руках он держал рюкзак и еще большой плоский пакет; сбоку к его ногам жалась на поводке маленькая собака-лайка.

«Здравствуй, Герман! Ешь твои кишки! С приездом! – закричал незнакомцу Николай Парфенович Танасийчук, заведующий нашей зоологической лабораторией. Несколько лет он провел как исследователь в тропических лесах Южной Америки, откуда вывез не только обширные знания, но и бесконечные рассказы о своих приключениях. И не случайно, что его другом стал Герман Крепс, тот самый Крепс, о котором по станции ходило очень много весьма лестных, одобрительных разговоров. А Николай Парфенович подхватил из рук Крепса пакет, и, оживленно беседуя, они пошли по спуску к пристани в дом. Я задержался на судне, помогая переносить в лаборатории привезенный из рейса материал. Мой напарник по работе Коля Широколобов отвечал на мои вопросы о Крепсе и охотно рассказывал о разных эпизодах его жизни. А она чаще проходила вне стен станции: в горных тундрах, на берегах озера Имандры и других глубинных местах Кольского полуострова.

По своим научным интересам, глубоким и широким знаниям Герман Крепс являлся редким в наши дни натуралистом и страстным к тому же охотником. Прошло немного времени, и у меня с Германом также установились самые дружеские отношения. Я охотно слушал его впечатляющие рассказы о природе Кольского полуострова, отчасти ему завидовал и очень хотел побывать вместе с ним где-либо. Прошло лето, наступила теплая, особенная на севере осень, и вдруг узнаю, что я включен в состав экспедиции на озеро Имандра, которая должна была заняться его гидробиологическим изучением. Начальником группы был Крепс, а его помощниками – Федор Белов, возглавлявший у нас на станции Гидрологическую лабораторию, и я. Поездом из Мурманска мы доехали до Хибин и отправились на опытный сельхозпункт, где нас весьма радушно встретили его хозяева Иоган Эйхфельд и Мария Хренникова.

Если взглянуть на карту – Большая Имандра, огибая дугой Хибинский массив, посыла-

ет на север, запад и юг крупные, сложно разветвленные заливы. В одном из них – Белой губе недалеко от железнодорожной станции Хибины и обосновалась Имандровская экспедиция. Не теряя ни дня хорошей погоды, мы сразу же занялись подготовкой карбаса к разведочному походу, а затем и вплотную занялись гидрологическими промерами дна губы Белой, куда впадает текущая с гор река Белая, взятием проб воды по намеченным разрезам, ее температуры, прозрачности и проч. Форма озера Имандра чрезвычайно сложная и состоит из двух важнейших частей – северной (Большая Имандра), вытянутой большей частью в меридиональном направлении, и южной, вытянутой в широтном (Йокостровская и Бабинская Имандра). Обе части соединяются узким Йокостровским проливом, в середине которого расположен небольшой остров, названный местными жителями Лани-суолнеч, что в переводе означает Могильный. На этом острове еще с древности лапландцы хоронили своих умерших сородичей.

Для измерения глубин мы использовали наиболее простой, но довольно трудоемкий метод. В распоряжении экспедиции был лот Воронкова, позволявший также брать образцы грунта. В качестве лотлиня Крепс предложил использовать плетеный шнур – «стоянка» норвежского изготовления, – применяемый поморами в снастях при ловле рыбы на «ярусы», который не закручивался и очень мало менял свою длину при намокании, что в итоге благоприятно сказалось на точности измерений. За движением лодки по направлению отмеченного профиля во время хода обычно следил рулевой, в обязанности которого входило и бросание лота. Часто эти обязанности брал на себя и сам начальник экспедиции».

ДОКЛАДЫ и СООБЩЕНИЯ

Выпуск II

с 2 картами и 11 фотоснимками

МУРМАНСК

1928

КРОГИУС ФАИНА ВЛАДИМИРОВНА (1898-1986), док.биол.наук, ихтиолог, работала на территории Лапландского заповедника, (первая жена Г.М. Крепса).

Ф. В. Крогиус

Сейдозерский сиг

Ф. В. Крогиус

В озере Имандре сиг является главнейшей промысловой рыбой и на его добычу приходится 51% всей добываемой рыбы. Сиги живущие в Имандре представлены несколькими формами, систематическое изучение, которых в настоящее время производится.

Но есть озера, которые у местных лопарей славятся величиной и жирностью сигов. Одним из таких озер является горное озеро Сейдозеро – небольшое в 2 км. длины и 1 км. ширины озеро лежащее между массивами Чуна и Монче тундр, связанное с Имандрой системой Девичьей реки. Работая на Имандре, нам неоднократно приходилось слышать, что в нем в декабре месяце, во время нереста, ловится сиг до 12 ф. весом, но что в последние годы его не промышляют т. к. специальные крупноячеистые, нужные для него сети, вывелись у лопарей.

Лишь в декабре месяце 1927 г. на средства Мурманского Музея Местного Края и Мурманского товарищества охотников мне удалось осуществить поездку на Сейдозеро и ознакомиться с промышляемым там сигом.

Весной на Имандре. Автор на ихтиологических работах.

3. Краткая характеристика рыбных промыслов на озере Имандре.

Составили Ф. В. Крогиус и Г. М. Крепс.

В той или другой степени рыбным промыслом на Имандре занимается почти все постоянное население района озера.

При довольно многочисленных и разнообразных способах лова 7—8 промысловых видов рыб озера, удобнее всего разбить лов по временам года и рассматривать каждый сезон—весну, лето, осень и зиму—отдельно. Для каждой группы имандрских рыболовов сезоны эти далеко не равнозначущи. Даже просто для отдельных семейств они имеют разное значение: в то время как одни все свое внимание сосредотачивают на одном каком-либо времени года (преимущественно осени), приспосабливают для этого лова все свои снасти и в другое время ловят только для собственного потребления, другие почти одинаково интенсивно промышляют круглый год и даже в периоды полного застоя для первых (например, зимой)—берут наибольшую добычу. Это положение обусловливается целым рядом причин: одни промышленники часть года находят более выгодным работать на лесных заготовках, других связывают олени, место лова третьих, выгодное в каком либо одном отношении, оказывается в известное время года черезчур бедным рыбою.

Закончив дневные работы, все сходились к столу, где радушная хозяйка Мария Митрофановна угощала ужином, чаем. До поздней ночи продолжались разговоры об освоении Севера – о прокладке дорог, строительстве городов, посевах зерновых и огородных культур, о промысле озерного сига и кумжи. Именно здесь, в Хибинах, у исследователей зародилась идея о координации всех исследовательских работ на Севере, которая в скором времени при поддержке Г.А. Клюге и В.К. Алымова преобразовалась в Общество по изучению Мурманского края. А один из участников экспедиции – М.Н. Михайлов – впоследствии стал первым директором Мурманского краеведческого музея.

Часто на огонек приходил сосед, имандровский лесничий Я.Н. Ромин, и тогда к предыдущим темам прибавлялась новая – о лесах, лесоустройстве. В конце такой импровизированной «научно-практической конференции» кто-нибудь неизменно просил:

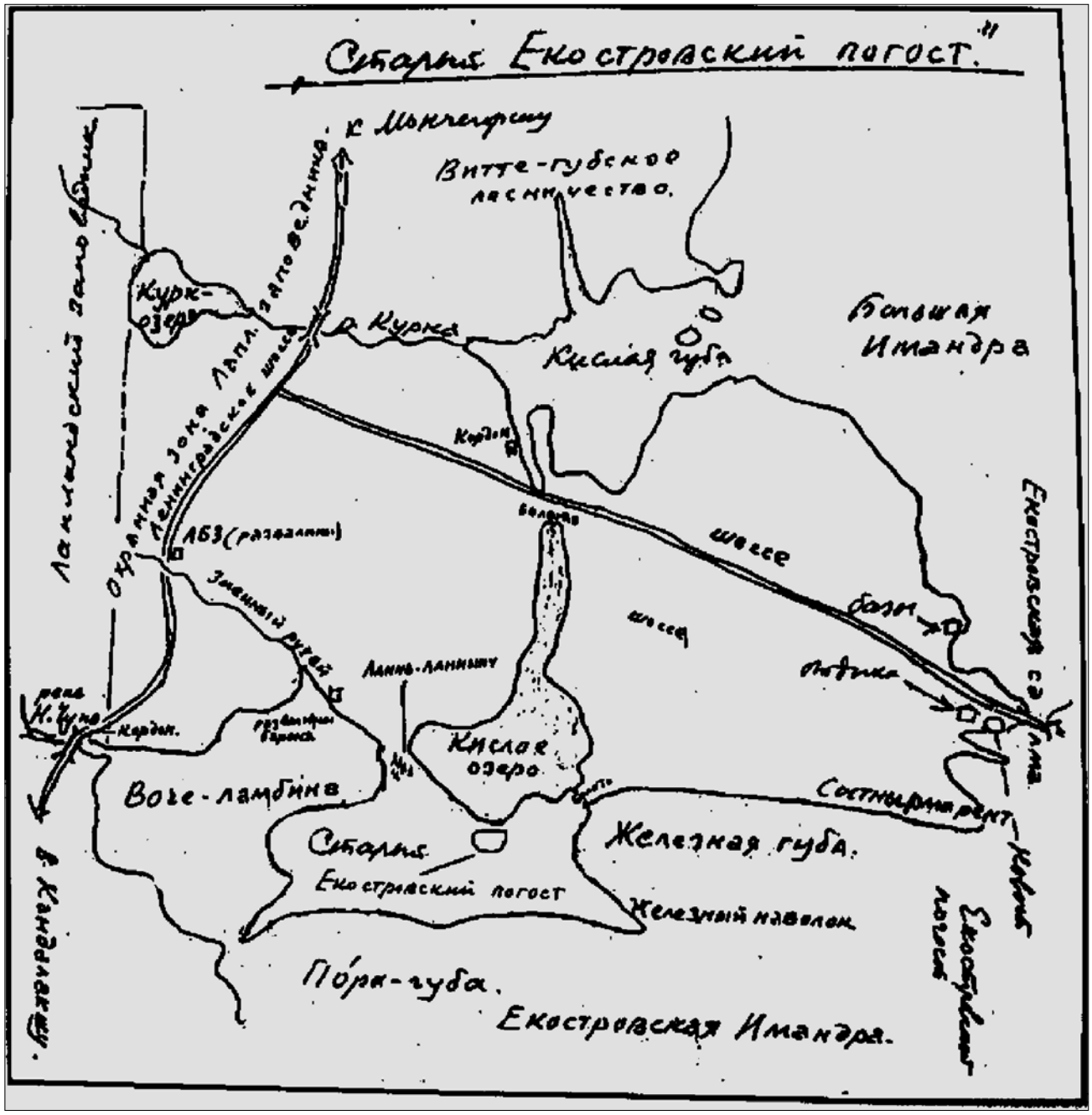
– Герман Михайлович, расскажи, как ты с поморами плавал.

И неторопливо кивнув головой, Крепс начинал одну из своих бесчисленных баек:

– Поморы достойный, крепкий народ. Век шапки ни перед кем не ломали, крепостного права не знали. От новгородских ушкуйников их корень... – Река рассказа у Крепса текла не только в словах, но и в блеске глаз сквозь очки, в движениях рук, в легкой быстрой улыбке. – Один только изъян у поморов был, – усмехнувшись продолжал Крепс, – вином злоупотребляют больно. Меня однажды чуть без носа не оставили. Помню, штормовали мы на зверобойном судне. Кончился шторм. Поморы это событие решили отметить. И показалось одному парню, что у меня нос уж слишком велик. «Отрежу, – говорит, – кусочек». Я загрустил: «Не режь, ладно, и так пусть будет». «Нет, надо, – говорит, – отрезать». И нож уже достает из ножен. А другой прямо заплакал: «Алеша! Не режь, ты, Герману нос, лучше мой отрежь! Он человек ученый, исследователь, с большими людьми знается, ему без носа никак нельзя? Пусть с носом остается», – простодушно и серьезно поглядывая сквозь очки, закончил рассказ Крепс. А все вокруг хохотали.

От общего веселья из угла избы поднялась и положила лапы на колени Крепса

ЙОКОСТРОВСКАЯ САЛМА (ПРОЛИВ)
В ЙОКОСТРОВСКОЙ ИМАНДРЕ
Сѣмку производили:
Г.М.Крепс.
Ф.В.Крогиус.
Г.А.Лебедев.
А.Н.Колов.
Г.Д.Рихтер.
Йокостровская салма
Могильный о-в
Леонтьев нав
Григорьев нав
Кукис нярк
Солдерн
Йок-остров
Нурк-суол
о. Сосновый
Кумужий о-в
Кувтс суол



черно-белая лайка. – Ну, что, Мусенька, с носом остался твой хозяин? – ласково спросил Герман Михайлович. И лайка завиляла хвостом, карие ее глаза тоже смеялись.

В 1925 году Крепс представил директору Мурманской биостанции проект планомерного изучения уже всего озера, для чего была организована Имандровская экспедиция в составе пяти человек. Было решено заняться обследованием всего района Большой (Хибинской) Имандры. Правление Мурманской железной дороги предоставило на время полевых работ служебный вагон, служивший теперь передвижной базой экспедиции.

В 1926 году благодаря средствам, отпущенным Колонизационным отделом Мурманской железной дороги, удалось расширить состав экспедиции до семи человек и продолжать регулярные гидрологические и почвенно-геологические наблюдения и на Большой Имандре. Экспедиция собралась на станции Хибины 30 мая, застав еще лед на озере. Это дало возможность взять ряд гидрологических станций в условиях зимнего режима озера и наблюдать процесс вскрытия озера. Работа продолжалась до середины ноября.

Порог между Нива лампинон и Пагель-озером.
Задн. план – Монче тундра.

Озерко в борах под Лойпиш нюн'ом.

Порог на р. Чуне

Вершина Реут гокки.
Монче тундра.

Вершина ущелья Кымды-кор.
Задн. план – Тувръ нюн горр.
Монче тундра.

Голигональное поле. Ен-лаг Монче-тундра

Благодаря содействию сотрудников Колонизационного отдела М.М. Хренниковой, Я.Н. Ромина и И.Г. Эйхфельда экспедиция получила помещение для своей базы в Имандровском лесничестве и постоянную помощь в течение всего периода работы.

Для более успешного проведения работ Имандровская экспедиция была разделена на два отряда. Один отряд, в состав которого входили Г.М. Крепс, Ф.В. Крогиус, Г.Д. Рихтер и студентка геофака Ленинградского университета Г.А. Лебедева, производил съемку и обследование Йокостровской Имандры, второй отряд, состоящий из С.Ф. Егорова, Е.Н. Вукотич и технического рабочего Г.А. Александрова, продолжал гидрологические и почвенно-геологические работы на озере Большая Имандра.

Была закончена полуинструментальная съемка Йокостровской Имандры (площадь составила около 350 квадратных километров, длина береговой линии – около 300 километров, а длина береговой линии заснятых остро-

2. Краткая характеристика сенокосных угодий района Большой и Иокостровской Имандры.

(Составил *Г. М. Крепс*).

Общепринятое разделение сенокосных угодий на болотные и суходольные применимо и для района озера Имандры, причем понятие „суходольный“ здесь совмещается с понятием покосных угодий на минеральной почве, так как лугов поемных в собственном смысле слова (лугов на минеральной почве, периодически заливаемых водой) здесь нет.

В настоящее время наибольшее значение имеют болотные покосы: с одной стороны они количественно преобладают, с другой — человек их находит уже готовыми к эксплоатации и потому, естественно, в первую очередь обращается к ним.

Внутренние, кутовые части губ—заливов Имандры, приустьевые части некоторых ручьев и речек, впадающих в озеро, представляют места, где достаточное увлажнение свежей, не застойной, и в то же время достаточно спокойной от волнения водой обусловило развитие травяных, преимущественно осоковых ассоциаций.

вов – около 50 километров). Одновременно производилось геоморфологическое обследование береговой линии в связи с колебаниями уровня озера, также был собран материал по рельефу и геологии побережья озера.

Г.М. Крепс, помимо общего руководства, вел рекогносцировочное ботанико-географическое обследование побережья, причем главное внимание он обращал на луговые и болотные ассоциации в связи с использованием их как сенокосных угодий.

С особым интересом Крепс обследовал места старых и современных поселений человека: поселки-погосты лопарей, их отдельные вежи, землянки лесорубов – вообще места, где естественный растительный покров разреженного или вырубленного леса оказался вытоптанным, а почва подверглась удобрению остатками человеческого существования: экскрементами, печной золой и т. п. В своей работе «Краткая характеристика сенокосных угодий района Большой и Йокостровской Имандры» Крепс пишет: «На таких местах, называемых кентищами, развивается богатая, а иногда и весьма тучная травяная растительность преимущественно из злаков и сорняков... Площади кентищ – подчеркивает Крепс, – варьируют в размерах от полусотни кв. саж. до десятины или около того, как например, Йокостровское кентище, на месте бывшего когда то погоста того же наименования".

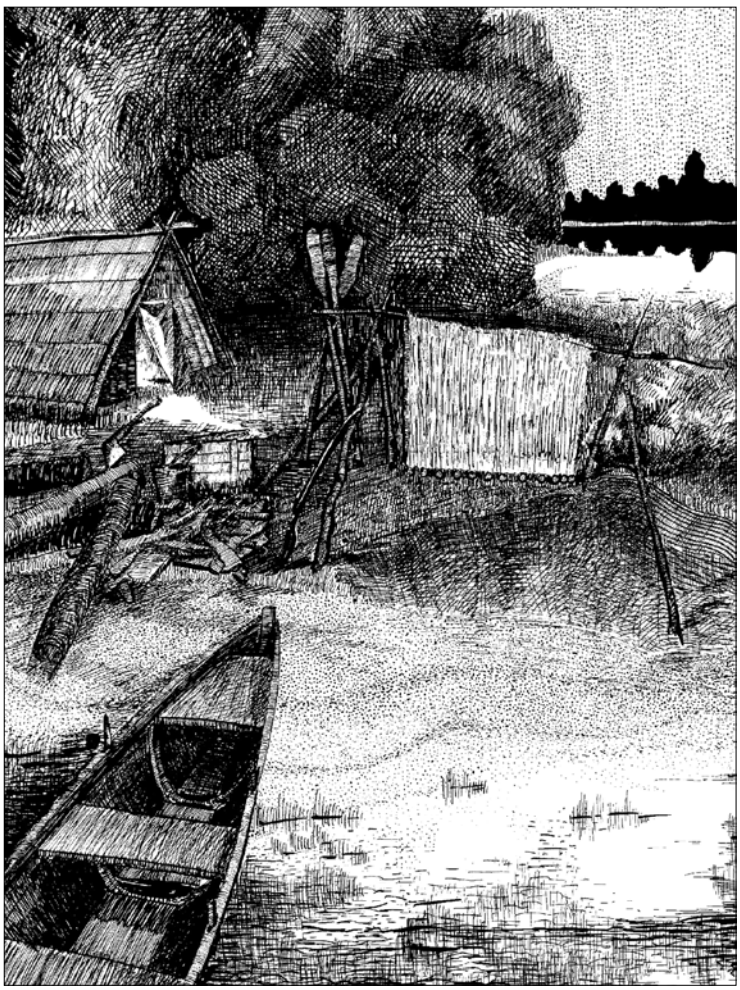
Герман Крепс первым обратил внимание исследователей на этот исторический памятник. Насколько нам известно, впервые Екостровский погост упоминается в 1574 г. А в писцовой книге, составленной московским писцом Алаем Михалковым в 7116–7119 годах «от сотворения мира» – по нашему летоисчислению в 1608–1611 гг., про Екостровский погост сказано, что в нем всего 6 веж, а людей в них 40 человек, а угодья у них... (следует перечень), а ловят они в тех речках, и в озерах, и по губам белую рыбу про свою нужду, да по лесу зверя бьют и птицу ловят, тем себя и кормят... А платят те лопари со своего погосту государеву дань с угодеи по рублю 4 алтына и одной деньги в год; да с того ж погоста Дацкие даньщики имают на короля дань... по 10 алтын с человека...»

Екостровский погост ещё 150 лет назад находился на западной стороне Ёкостровской

салмы. До постройки мурманской железной дороги через погост проходил почтовый тракт. Первой станцией от Кандалакши был Зашеек, второй – Ёкостровский погост, потом Раснаволок на северном конце Имандры. С открытием «Мурманки» водный путь по Имандре потерял значение и местные саамы перебрались на постоянное жительство к железной дороге на станции Хибины, Имандра. А семья Калины Ивановича Архипова поселилась в Мончегубе, на месте нынешнего Мончегорска.

Ёкостровская салма уже в XIX веке писалась иначе – Йокостровская, но фонетическая основа при этом осталась прежней. Салма – на поморском диалекте или Чуольм – на саамском языке означает пролив, Екостров или Йок-остров – комбинация саамского слова «йок» – река и русского слова остров: это название самого большого острова на центральном плесе Имандры.

По саамскому обычаю покойников полагалось хоронить за водной преградой. Кладбище ёкостровских саамов находилось на северном конце песчаного Могильного острова, разделяющего горловину Йокостровского пролива на два рукава. До 1936 г. остров с редкими красивыми соснами и покосившимися крестами, с видом на водную ширь Имандры и отдаленные хибинские горы в снежных пятнах, чем-то напоминал картину Левитана «Над вечным покоем». Но время не ждет и уже в 1937 году прямо через кладбище провели линию электропередачи от Нивских ГЭС в Кировск, а в 1960 г. и вторую, на стальных опорах, от Кировской ГРЭС в Мончегорск. Потом, в 1970 г. через южный конец острова прошла асфальтированная дорога, соединившая города Кировск и Апатиты с Мурманском и Ленинградом. Через глубокий западный рукав пролива переброшен однопролетный стальной мост, а мелкий восточный перегорожен дамбой, материал для которой черпали тут же на острове.



В результате Могильный остров полностью преобразился, от его прежнего назначения осталось только название. Нет спора, и энергия, и дорога необходимы нашему хозяйству, а путь через Йокостровскую салму самый короткий и экономичный. Никому и в голову не пришло, что Ёкостровское кентище имеет историческое значение, что это археологическая стоянка, территорию его сровняли и построили на ней несколько дач...

Саамские же легенды и сказки исторического содержания, связанные с конкретными топографическими деталями, прямо-таки вплетаются в окружающий пейзаж. В одной из ловт, рассказанных старожилом здешних мест саамом Федором Архиповым, говорится, что на погост напали "шведы" или "шиши", но саамы всех их перебили, а богатырские могилы их и сейчас видны на перешейке между Кислым озером и Воче-ламбиной и зовутся они Ланньланнынч (город-городок). По другой легенде, саамская колдунья, проведав про нашествие "панов" или "немцев", вызвала снежную бурю, продолжав-

шуюся три дня. Застигнутые ею на Имандре "паны" как шли цепочкой, так и замерзли, а из останков их образовался узкий и длинный Облачный остров.

В 1986 году в результате активных стараний местного краеведа Игоря Кондратовича и научного сотрудника Лапландского заповедника О.И. Семенова-Тян-Шанского Йокостровское кентище как исторический памятник получило статус особо охраняемой территории Мурманской области.

Под руководством Крепса Фаина Крогиус вела ихтиологические и рыбопромысловые исследования и некоторые гидрологические работы. В «Работах Мурманской биостанции» появится статья Г.М. Крепса и Ф.В. Крогиус «Краткая характеристика рыбных промыслов на озере Имандре».

Было произведено около 600 измерений главнейших промысловых рыб озера, собран значительный материал к изучению их темпа роста, возраста и питания, а также материал по рыбным промыслам Большой и Йокостровской Имандры. Кроме указанных работ, Ф.В. Крогиус и Г.А. Лебедева собирали материал по флоре и фауне озера, а также по планктону. Совместно с Г.А. Лебедевой Крепс налаживает промеры глубин озера. Было проделано 73 глубинных профиля через озеро, на основании которых составлена батиметрическая карта Йокостровской Имандры. Наибольшие глубины здесь расположены вблизи проливов Княжей салмы (42 м), соединяющей ее с Бабинской Имандрой, и Йокостровского (38 м). Основные площади оказались заняты глубинами 10–20 метров. Губы же – Тик-губа, Охтоканда и Зашеек – в большей части имели глубины до 5–10 метров. Было установлено, что береговая линия озера имеет несомненные следы опускания (затопленные торфяники, размывающая деятельность озера и проч.) в губах Вочe-Ламбина, Железная и Охтоканда и следы поднятия в западной части озера (террасы и проч.).

На Большой Имандре сотрудником экспедиции С.Ф. Егоровым продолжалось начатое им в 1925 году детальное почвенно-геологическое и геоморфологическое обследование восточного и части западного побережий озера, сборы энтомологического

В библиотеку Хибинской Горной Станции Академии Наук от автора

Игорь 1930

Материалы к растительности ландшафтов района озера Имандра.

Г. М. КРЕПС.

В предварительном отчете о работах Имандрской экспедиции опубликованном в 1926 году во II томе Работ Мурманской Биологической Станции, была дана краткая схема строения растительного покрова района Большой и Йокостровской Имандры.

Работы экспедиции касались, главным образом, исследования самого озера и окрестностей непосредственно примыкающих к нему. Удаленные от озера части района Имандры, как Хибинские горы и горы западного побережья Имандры, в особенности более удаленную от озера и представляющую наибольший интерес Чуна тундру, удалось посетить лишь путем нескольких кратких экскурсий, ограничивающихся южными и западными ее частями. Монче тундру, за исключением ее предгорий — тундриц Нюд и Поаз-Уайвенч, также посетить не удалось. В силу этого описание распределения растительности горных ландшафтов базируется на значительно меньшем числе наблюдений, чем описание относящееся к остальной части территории района.

Дальнейшие работы экспедиции, захватившие летом 1927 г. и Бабинскую Имандру, а также некоторые появившиеся за последнее время печатные работы [1]), как будто, в значительной мере оправдывают предложенную в предварительном отчете схему, в основу которой положен рельеф.

Такая классификация растительности, в основу которой положен признак не растительности, а другой элемент ландшафта, именно рельеф, возможно, несколько и противоречит общим принципам классификации, но, на наш взгляд, с одной стороны, имеет преимущества наглядности, с другой — увязывается с другими — геологическими и геоморфологическими исследованиями района.

По этой схеме выделяется растительность четырех основных типов рельефа ландшафта, именно: I водная растительность, II избыточно-увлажненные болотистые низины, III волнистая или

и малакологического материала и материалов по распределению грунтов озера. Е.Н. Вукотич вела регулярные гидрологические поперечные разрезы через озеро Большая Имандра в наиболее характерных его местах.

Кроме того, все три года постоянно велись наблюдения за суточным ходом гидрологических элементов, определялись расходы воды некоторых притоков озера, детализировалась батиметрическая карта озера новыми линиями промеров.

Полный отчет о Первой комплексной экспедиции на озеро Имандра был опубликован в сборнике «Работы Мурманской биологической станции» (1927).

Следует упомянуть еще об одном важном эпизоде в работе Имандровской экспедиции. Речь идет о создании гипсометрической карты Кольского полуострова. Как уже отмечалось ранее, имеющиеся к началу XX века карты были весьма несовершенны. Более или менее хорошо на них были переданы лишь очертания морских берегов. Внутренние же части полуострова были изображены весьма приблизительно, а то и просто неверно, и совершенно не был изображен рельеф, что явно затрудняло работу исследовательских партий.

В литературе прошлых лет Г.Д. Рихтер и Г.М. Крепс находили массу разрозненного картографического материала на тему рельефа, но главным рабочим материалом для них оказались топонимы Мурмана. Дело в том, что географические названия у саамов почти всегда привязаны к конкретному месту и поэтому несут в себе почти точную (в основном ландшафтную) характеристику района, то есть покрыты ли возвышенности лесом до вершин или вершины выходят за его вертикальные пределы и заняты субальпийским редколесьем, или же вершины гор заняты горно-альпийской растительностью и т. п.

К примеру:

Чорр – горный каменный массив с плоской вершиной, выходящей за верхнюю вертикальную границу древесной высокоствольной растительности.

Порр – гора с острым гребнем, горный отрог.

Пахк – каменная гора с мягкими округлыми очертаниями и вершиной, выходящей за пределы высокоствольной древесной растительности.

Варрь, варь – холм с вершиной, покрытой лесом, «варака».

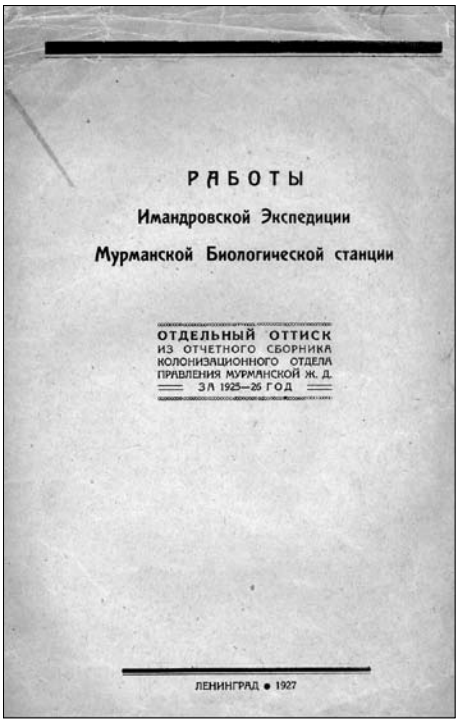
Уайв (буквально – голова) – вершина горы, имеющая округлые очертания.

Уайвенч – (уменьшительное от слова «уай») – отдельная округлая вершина на горе.

Чокк – горный пик, острая вершина горы.

Вуом – лесная зона горы.

Выезд (выд, вуд) – возвышенность, вершина которой покрыта субальпийской растительностью (криволесьем, кустарником).


РАБОТЫ
Имандровской Экспедиции
Мурманской Биологической станции

ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК
ИЗ ОТЧЕТНОГО СБОРНИКА
КОЛОНИЗАЦИОННОГО ОТДЕЛА
ПРАВЛЕНИЯ МУРМАНСКОЙ Ж. Д.
ЗА 1925—26 ГОД

ЛЕНИНГРАД • 1927

Нон (ньюн) (буквально – нос) – горный отрог, выступ.

В соответствии с этим и названия у саамов всегда прочно привязаны к определенной местности. Вот некоторые из них в районе Хибинского массива:

Айк-уай-венч – гора с голой вершиной в предгорье Хибинских тундр. У местного населения носит название «Лысая гора».

Айкуайвен-чорр-йок – речка с горы Айкуайвен-чорр.

Альмес-пахк – самая высокая гора.

Валевулаг-чорр – гора нижнего сокольего лога.

Вален-пахк – соколья гора.

Варака – облесенная возвышенность.

Вортке-уай – ручей с быстрым течением.

Вудъ-явр – горное озеро (буквально – озеро у горы, поросшей кустарником).

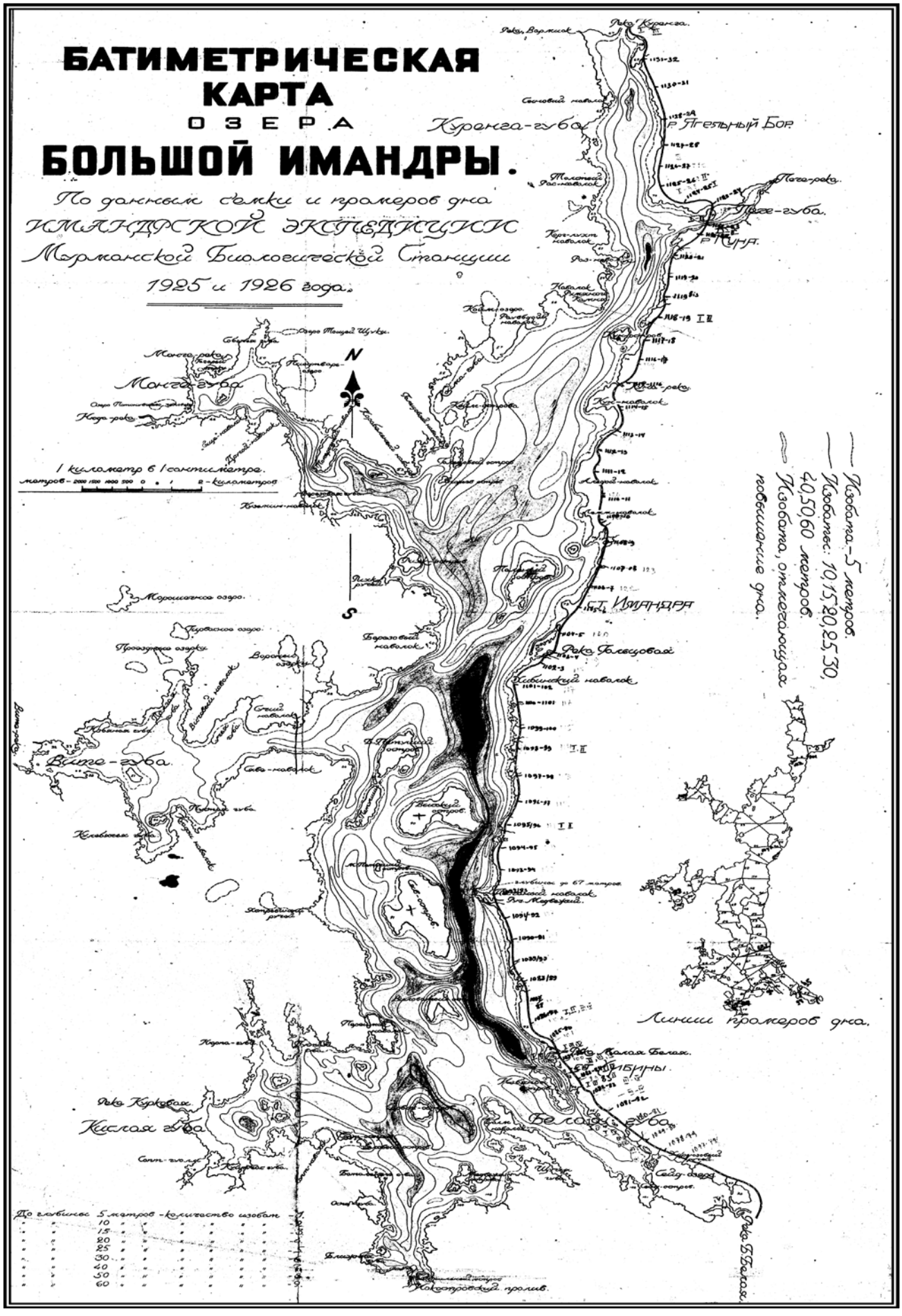
Вудъявр-чорр – вудъяврская гора.

Вуэнном-вум – тещина долина.

Гангес-лаг – лог оленьей ловушки.

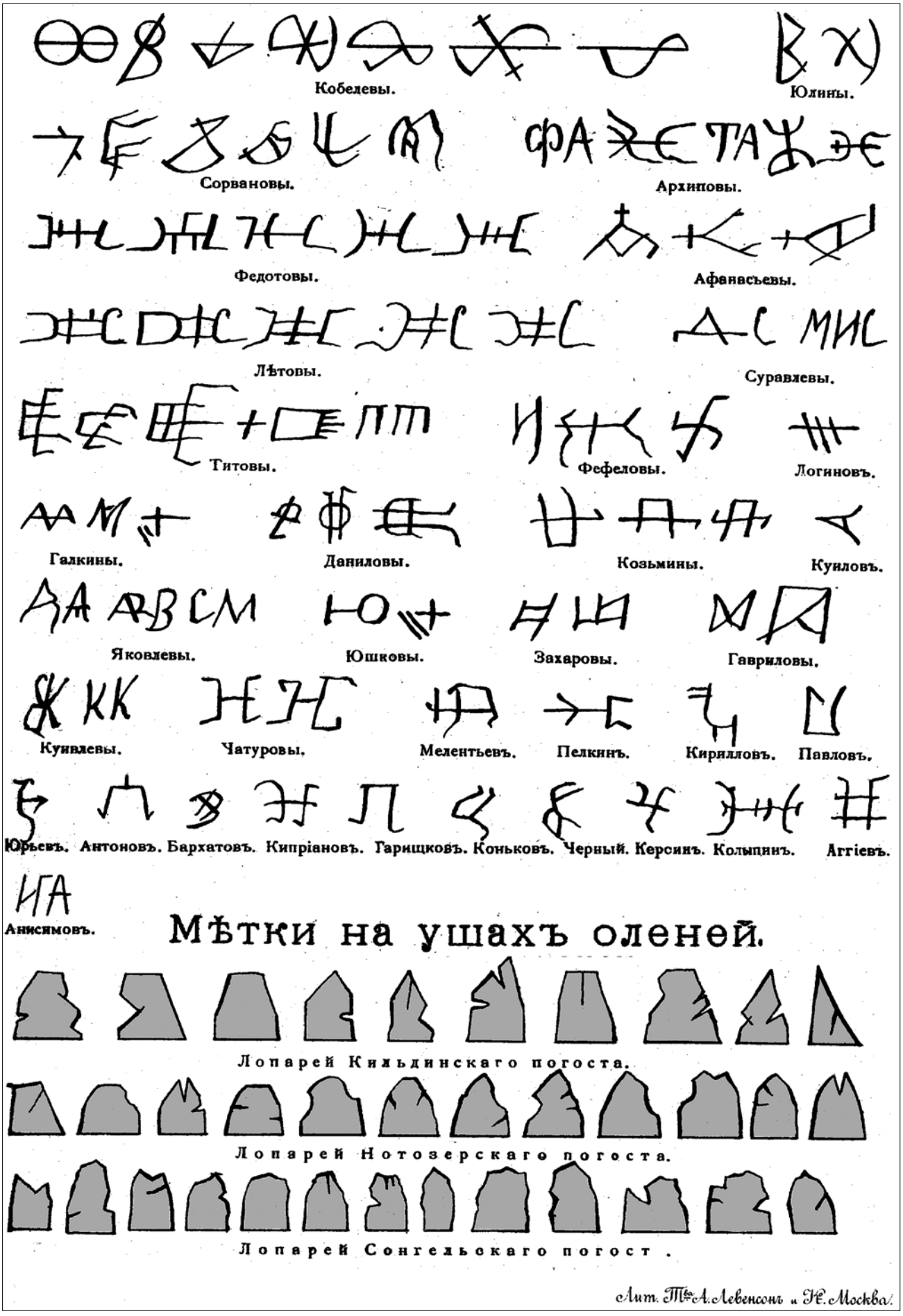
Горр-йок – река ущелья Хибинских тундр.

Все это говорит о том, что правильное понимание саамских топонимов может напрямую указывать на некоторые особенности рельефа, то есть помогает определить приблизительную высоту местности и отразить ее соответствующим цветом на карте. Этим и воспользовались Рихтер и Крепс.


БАТИМЕТРИЧЕСКАЯ КАРТА
ОЗЕРА
БОЛЬШОЙ ИМАНДРЫ.
По данным съемки и промеров дна
ИМАНДРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
Мурманской Биологической Станции
1925 и 1926 года.
Кранга-губа
Монга-губа
Вина-губа
Кислая губа
Белая губа
Г. Т. Имандра
Линии промеров дна.
1 километр в 1 сантиметра.
N
S
Изобата-5 метров.
Изобаты: 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60 метров.
Изобата, отделяющая побережье дна.

Несмотря на кажущуюся примитивность метода, составленная ими гипсометрическая карта Русской Лапландии давала весьма точное представление о господствующих высотах Кольского полуострова. Правление Мурманской железной дороги небольшим тиражом издает эту карту; слух о ее составлении быстро распространяется среди исследователей. Впоследствии гипсометрическая карта легла в основу физической карты Мурманской области и Карелии, составленной Г.Д. Рихтером в 1934 году.

Период Имандровской экспедиции ознаменовался весьма важным событием в личной жизни Крепса. Подружившись


Кобелевы.
Юлины.
Сорвановы.
Архиповы.
Федотовы.
Афанасьевы.
Лѣтовы.
Суравлевы.
Титовы.
Фефеловы.
Логиновъ.
Галкины.
Даниловы.
Козьмины.
Куиловъ.
Яковлевы.
Юшковы.
Захаровы.
Гавриловы.
Куивлевы.
Чатуровы.
Мелентьевъ.
Пелкинъ.
Кирилловъ.
Павловъ.
Юрьевъ.
Антоновъ.
Бархатовъ.
Кипріановъ.
Гарищковъ.
Коньковъ.
Черный.
Керсинъ.
Колыпинъ.
Аггіевъ.
Анисимовъ.
Мѣтки на ушахъ оленей.
Лопарей Кильдинскаго погоста.
Лопарей Нотозерскаго погоста.
Лопарей Сонгельскаго погост.
Лит. Т-ва А. Левенсонъ и К. Москва.

при совместной работе на Имандре, а затем и полюбив, Герман предложил красавице-ихтиологу Фаине Крогиус руку и сердце. И получил немедленное согласие.

Его молодая жена родилась в Петрограде в дворянской семье. В 1922 году она поступила биологическое отделение Ленинградского университета, выбрав профессию ихтиолога. Для дипломной практики Фаина выбрала себе озера Кольского Севера, и здесь судьба свела ее с Германом, в 1927 году у них родился сын Роальд.

Однако, несмотря на столь счастливое начало, совместная жизнь у супругов как-то не заладилась. Вспоминая об этом, доктор биологических наук, лауреат Государственной премии Фаина Владимировна Крогиус в письме автору книги с грустью писала: «Герман был очень хороший человек, и может показаться странным наш разрыв после вполне счастливой совместной жизни в период Имандровской экспедиции. В последние годы там собрались крупные ученые преимущественно географического уклона, и Герман был душой всех работ этого периода. Мне он дал тоже очень многое и сильно повлиял на мою дальнейшую работу. Причиной же нашего расставания была глубокая увлеченность Германом Михайловичем делом строительства заповедника. Но мне в заповеднике предстояла весьма второстепенная роль (ихтиологические работы в том районе не представляли для меня большого интереса). Известна пословица «Два мед-

ведя в одной берлоге не живут». Поэтому я и выбрала Байкал, а потом Камчатку. А с Германом и его семейством мы продолжали знаться еще долгие годы».

Из воспоминаний сына Г.М. Крепса – Роальда Германовича:

«Первые свои общения с отцом я вспоминаю, когда мне было три или четыре года. В последующие годы приезд отца в Ленинград (раз или два в году) был для меня всегда большим событием. Дедушка с бабушкой очень его ждали. То, что приехал мой отец, узнавали и мы и наши соседи сразу же по его звонку в дверях: раздавалось такое короткое «тытц» – и это был типичный его звонок, он всюду так скромно и коротко звонил.

Мы жили тогда в нашей, с прежних времен большой, но после «переуплотнения» уже многокомнатной, коммунальной квартире, но все жильцы сразу понимали – что приехал сын Крепсов. В квартире появлялся тогда запах леса, запах дыма, запах сапог, промазанных дегтем. И мне становилось как-то особенно легко и весело.

Когда отец приезжал с Севера, он всегда водил меня по своим приятелям: путешественникам, писателям, художникам. Это были: Гаген-Торны, Вальтеры, Маслоковцы и многие другие. Но один из таких домов на Васильевском острове мы посещали особенно часто. Отец очень дружил с Олегом Измайловичем Семеновым-Тян-Шанским, который работал в 1930-е годы вместе с отцом в Лапландском заповеднике. И в каждый

из его приездов в Ленинград мы посещали этот дом, в котором когда-то жил его знаменитый дед – географ-путешественник Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский, а тогда жили его многочисленные родственники.

Еще одним из хороших приятелей отца был писатель И.С. Соколов-Микитов. Жил он тогда на углу канала Грибоедова и улицы Софьи Перовской. Мы поднимались к нему на второй этаж дома, и меня каждый раз потрясала его квартира. Такого количества ружей, ножей, патронташей и другого охотничьего снаряжения я не видел даже в больших охотничьих магазинах. А Иван Сергеевич показывал отцу свои новые приобретения: всякие «мозеры» и «винчестеры». Я был еще мальчишка лет шести-семи, а они все это раскладывали, примеряли, прикладистое ли оно, как оно ложится к плечу, и мне это было очень интересно.

Мы долго ходили по городу пешком и очень мало ездили, хотя это были и большие расстояния. Однажды мы зашли перекусить в столовую на Кировском проспекте, около «Ленфильма», взяли какое-то мясо, оно было жесткое и его надо было резать. Тогда отец распахнул свою куртку типа военного тулупа и прямо из ножен достал настоящий финский нож. И все на него смотрели: как это так в городе и вдруг ходит человек с финским ножом и так запросто вынимает его и режет им мясо. Для меня, мальчишки, это было очень удивительно».

Глубоко уважаемый Валерий Эдмундович !

Большое Вам спасибо за то что Вы написали книжку о Г м корепсе

Главное достоинство книги заключается в том, что прекрасно описание биографии и характеристика Г.М. сделаны на фоне прекрасного описания географических и хозяйственных особенностей разных районов Кольского полуострова . .

Благодаря этому выбор места расположения Лапландского заповедника оказалось очень обоинованным, а разнообразная деятельность Г.М. получила логическую целеустремленность.

Кроме всего прочего Г.М. был очень хороший человек и может

У Вас очень хорошо описан период Имандровской экспедиции Там были сконцентрированы крупные ученые преимущественно географического уклона и Г.М. был душой работ этого периода. И мне он дал очень много и имел большое влияние на мою работу на Камчатке, ,помимо моего географического образования.

Простите ошибки в письме- плохо вижу

Всегда Ваша Крогиус

Глубокоуважаемый
тов. В.Э. Берман!

Сердечно благодарю Вас за присылку мне Вашей замечательной книги „Гражданин Лапландии". Герман Михайлович был замечательный человек - друг, мудрый, честный. Его все любили и уважали. Он любил людей и всю природу.

С искренним уважением и благодарностью

г. Таллин
26 января 1986 г.

И. Хейдрих

Список иллюстраций к главе "Terra Incognita"

Стр. 94 – участники Имандровской экспедиции летом 1925 года (слева направо: Н.М. Хардикайнен, Ф.К. Белов, Ф.В. Крогиус, Г.М. Крепс, Г.Д. Рихтер, С.Ф. Егоров)

Стр. 96 – В.В. Чарнолуский (1894–1969), этнограф, писатель, исследователь жизни саамов Кольского полуострова. В 1936–1945 гг. незаконно репрессирован

Стр. 99 – Герман Крепс управляет карбасом. Чунозеро, 1934 г.

Стр. 100 – остров Могильный в Йокостровском проливе, через который (прямо по могилам лопарей) прошла линия ЛЭП

Стр. 101 – Рихтер Гавриил Дмитриевич (1899–1989), географ, геоморфолог, доктор географических наук, совместно с Г.М. Крепсом составлял в 1925 г. первую гипсометрическую карту Кольского полуострова

Стр. 102 – лопарское поселение «Екостровo» на оз. Имандра – один из пунктов на почтовом тракте из Кандалакши в Колу (по старинной гравюре XVIII в.)

Стр. 102 – на фотографии, снятой с воздуха в марте 1977 года О.И. Семеновым-Тян-Шанским, Воче-ламбинское кентище на месте нового саамского поселения на оз. Имандра (впервые описано Г.М. Крепсом в 1925 г.)

Стр. 103 – схема расположения Старого Ёкостровского погоста на оз. Имандра (О.И. Семенов-Тян-Шанский, 1977 г.)

Стр. 104–105 – страницы из фотоальбома Г.М. Крепса, 1929–1930 гг.

Стр. 106 – «Колокольчики на скалах». Фото Г.М. Крепса, 1926 г.

Стр. 106 – Федор Архипов на перекрестке оленьих троп в Лапландском заповеднике, р. Чуна, 1936 г. Фото Г.М. Крепса

Стр. 108 – лагерь в устье реки Белой», рисунок участника Имандровской экспедиции Михаила Михайлова, будущего директора Мурманского областного краеведческого музея

Стр. 110 – Герман Крепс и Фаина Крогиус со своим первенцем Роальдом, 1927 г.

Стр. 111 – участники Имандровской экспедиции (третий слева Г.М. Крепс) на исследовательском судне в Тик-губе, 1926 г.

Стр. 112 – семейство Архиповых в Мончегубе (на Имандре). Мужчины, стоящие справа налево: Федор Калинович, Калина Архипов, Герман Крепс, Леонтий Калинович, Архип Калинович. Начало 1930-х гг.

Стр. 112 – домик Архиповых в Монче-губе на месте нынешнего города Мончегорска. На переднем плане – саамская хлебная печь

Стр. 114 – «Непокорная важенка». Фото Г.М. Крепса

Стр. 114 – Федор Архипов (в центре) покупает у ижемцев ездовых оленей для хозяйства Лапландского заповедника

Стр. 115 – образцы подписей лопарей Кольского полуострова и лопарские клейма, которые ставились на ушах оленей (их книги Н. Харузина «Русские лопари», 1890 г.)

Стр. 116 – Г.М. Крепс в Лапландском заповеднике, 1935 г.

Стр. 116 – О.И. Семенов-Тян-Шанский (крайний справа) на кордоне егеря Лапландского заповедника саама Артамона Сергина (рядом с ним его жена и дети). Озеро Нявка, конец 1950-х гг.

Стр. 117 – лопарская вежа в Воче-Ламбине на Имандре (со старинной гравюры)

Стр. 117 – «Давид и Голиаф» – норвежский лемминг и лайка Панда в Лапландском заповеднике. Фото О.И. Семенова-Тян-Шанского.

Стр. 118 – Ф.М. Крогиус (1902–1989), ихтиолог, докт. биол. наук, лауреат Государственной премии. В конце 1920-х годов работала в бассейне оз. Имандра.

Стр. 118 – Г.М. Крепс с сыном Роальдом в Лапландском заповеднике летом 1936 г.

Стр. 119 – письма Ф.М. Крогиус и И.Г. Эйхфельда автору книги «Гражданин Лапландии» в 1986 г.

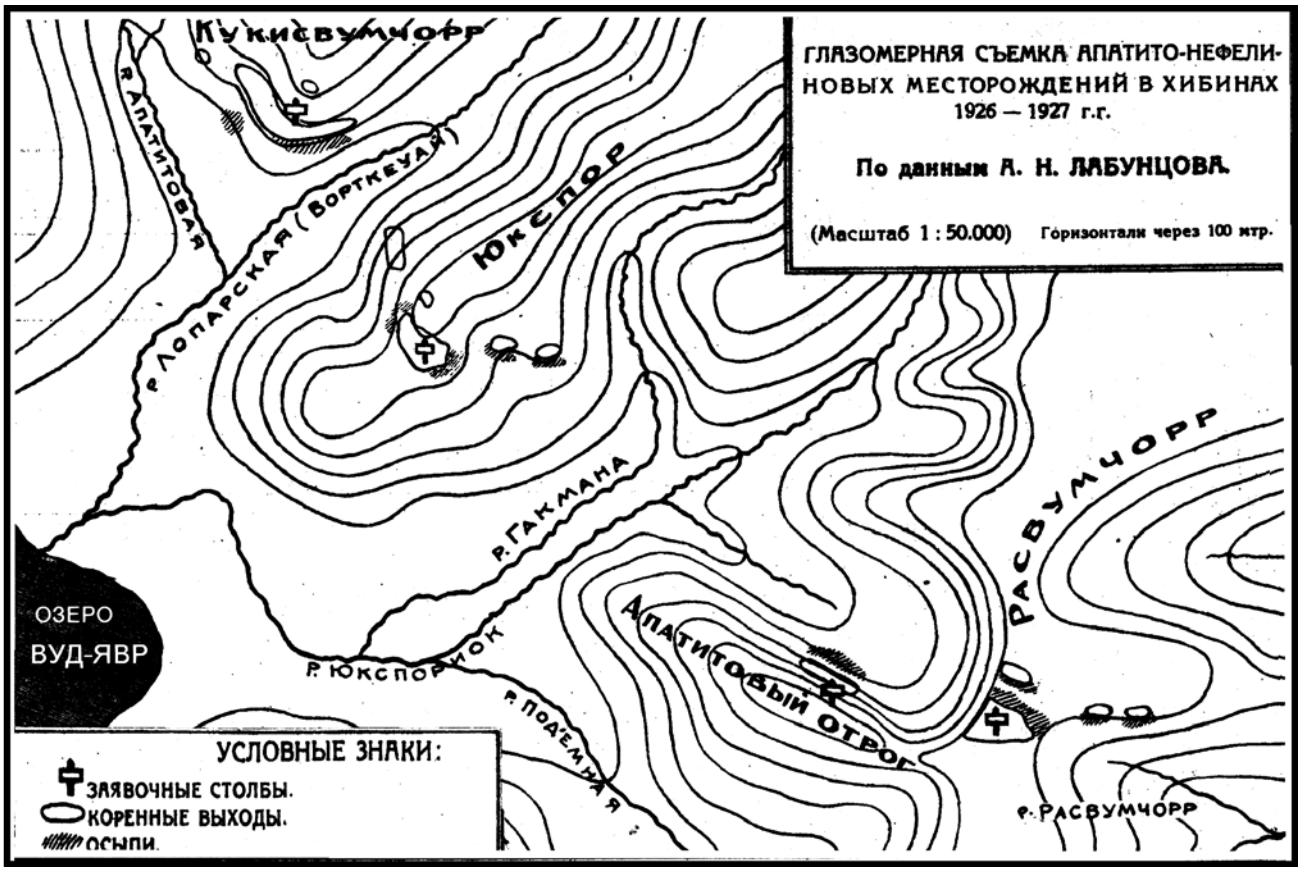
ЗА КАМНЕМ ПЛОДОРОДИЯ

ЗА КАМНЕМ ПЛОДОРОДИЯ

В 1920 году на Кольский полуостров приехал А.Е. Ферсман. И для него сразу же стало ясно, что Хибины – «это целый мир камня, и углубленное изучение природы Хибин не может не привести к крупным открытиям новых полезных ископаемых». Предсказания Ферсмана скоро начали сбываться. На горе Кукисвумчорр было открыто первое месторождение апатита, а спустя некоторое время геолог А.Н. Лабунцов «застолбил» еще несколько месторождений апатитовой руды – ценнейшего сырья для производства фосфорных удобрений, крайне важных для сельского хозяйства. И все же вопрос о промышленном освоении хибинских апатитов решался чрезвычайно медленно. О будущем хибинских суперфосфатов серьезно задумались в Полярном отделении Всесоюзного института растениеводства.

Из воспоминаний академика И.Г. Эйхфельда:

«С большой благодарностью я вспоминаю участие Германа Крепса в поездке в Хибинские горы в начале зимы 1926 г. Целью нашей поездки была заготовка и



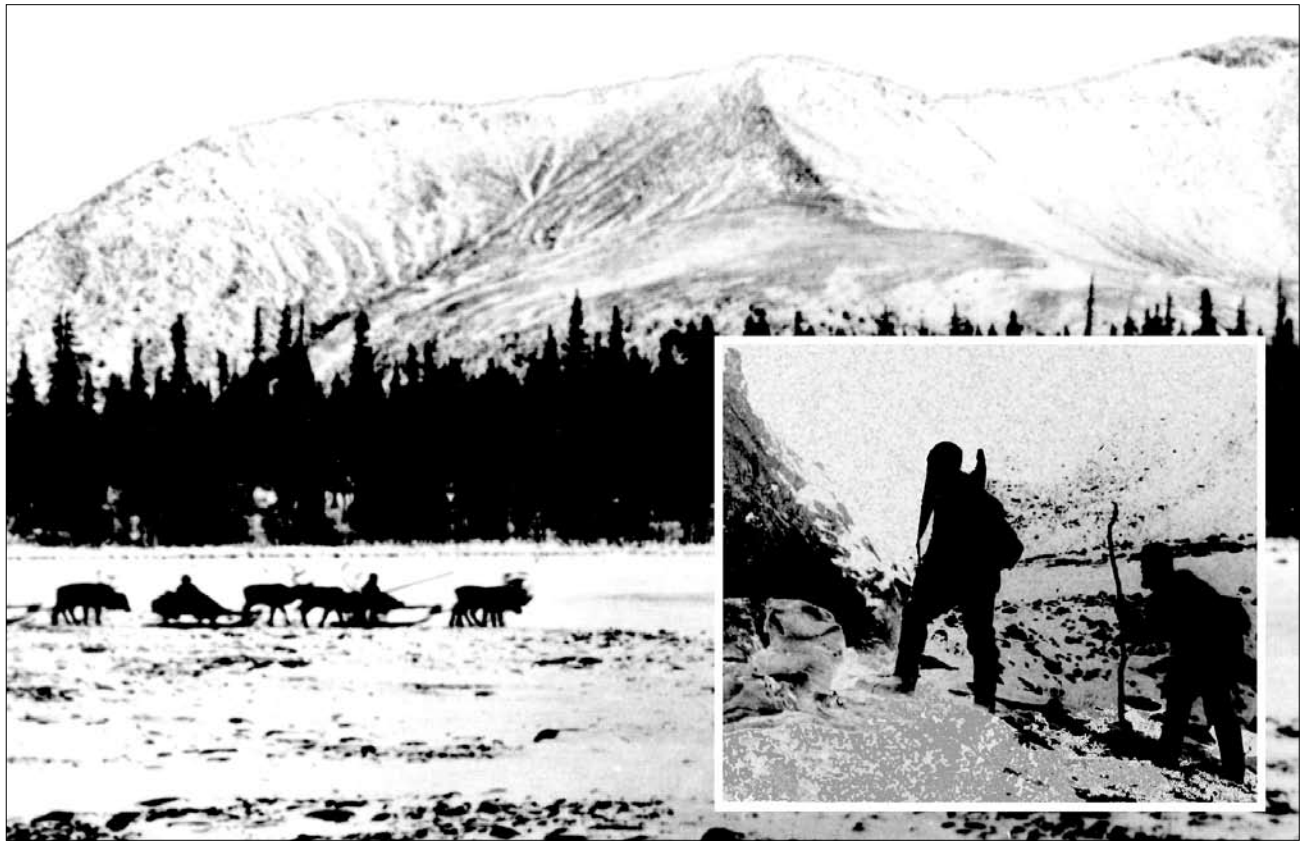
вывозка апатитовой породы с Расвум-чорра для технологических опытов с целью выявления возможности использования апатитонефелиновой породы в качестве удобрения посевов. До нашей поездки с гор были доставлены только минералогические образцы породы.

Когда Мурманской железной дорогой поездка была разрешена, Герман Михайлович взял на себя заботу о найме оленьих подвод, что было весьма не легким делом, так как вблизи Хибин оленеводов не было (выгорели ягельники). Где-то у Капустных озер, за десятки километров от железной дороги, Крепсу удалось разыскать саама Зосиму Куимова, который там охотился на медведей, и с трудом уговорить поехать с нами в горы. Как известно, саамы в зимнее время никогда не ездили в глубокие долины Хибинских гор. Говорили, что они потому не ездят, что «сейды сердятся». Но это далеко не так, в действительности саамы опасались снежных обвалов. Во время поездки по моей просьбе зимой 1928 г. в горы за апатитовой породой, заготовленной летом сотрудником института Севера В.И. Влодавцем, Куимов чуть не погиб, а все его снаряжение было похоронено под снежной лавиной.

С Германом Михайловичем и горным техником П.Ф. Семеровым нам пришлось подниматься на плато Расвум-чорра по обледенелым склонам, откалывать породу и выносить ее в заплечных сумках в долину. Мы заготавливали породу также в цирке Расвум-чорра. Доставленный нами материал позволил ускорить решение вопроса об использовании апатитовой породы в туковой промышленности».

Это была действительно нелегкая и опасная поездка. Вечером 30 октября 1926 года Крепс и Куимов с оленьей райдой прибыли наконец на станцию Хибины, где их с нетерпением ждали Иоган Эйхфельд и горный техник П.Ф. Семеров, уже побывавший на Расвум-чорре летом этого года.

Собрав несложное снаряжение – палатку, железную печурку, кувалды и кирки, путешественники на трех оленьих упряжках на рассвете 31 октября тронулись в путь. Имандра напротив сельскохозяйственной станции уже покрылась льдом, и Куимов рассчитывал по льду добраться до устья реки Белой. Но не тут-то было. Олени и шагу не могли ступить



по голому гладкому льду – падали, задевали рогами друг друга. Пришлось райду вывести на берег и пробираться по редкому горелому лесу. В лесу снега почти не было. Олени то и дело на ходу хватали выступающие из-под снега зеленые кустики, но сердитый окрик хозяина и легкий толчок в бок хореем заставляли их двигаться дальше. Горелому лесу и камням не видно было конца. Олени выбивались из сил. Путникам пришлось расстаться с санями и идти за райдой пешком. Но вот уже послышался шум горной реки. Олени, освободившись от части груза, проявляли чудеса, прыгая через промоины еще не совсем замерзшей речки. Быстро смеркается. В стороне кричат чем-то встревоженные куропатки. «К непогоде», – ворчит себе под нос Зосима Куимов, недовольно поглядывая на небо.

На второй день, благополучно поднявшись по берегу реки Юкспоррйок, они расположились недалеко от отвесных скал Расвум-чорра. И только успели распрячь оленей и поставить куоксу, как налетел сильнейший порыв ветра, затем второй, третий...

– Эка чудь разыгралась, – со страхом в голосе пробормотал Зосима.

– Какая еще чудь? – вполголоса поинтересовался Семеров.

– А в этих горах допрежь чудь жила, – неохотно отвечал Куимов, – быков и важенок валила, рыбные места портила. А сколько людей полегло, и не сосчитать. Вся тундра была кровью саамской полита. Видел, небось, такие камни?

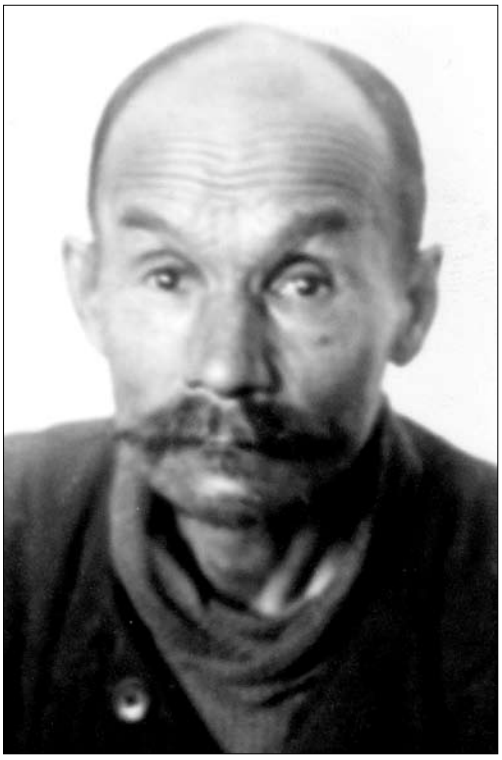
В куоксе было тепло и уютно. На огне мирно урчит вскипевший чайник, а дымящаяся в котелке медвежатина, которую Зосима прихватил с собой, дразнит обоняние.

И в самом деле, – подумал горный техник, – не редко ему встречался минерал с яркими пупурно-фиолетовыми вкраплениями в темной породе.

– Ну а что же дальше было? – спросил он у склонившегося над очагом саама.

– А то и было, – недовольно проворчал Куимов, – осерчали сильно люди, обложили

чудь со всех сторон. И некуда ей деться. Справа озеро, слева горы, и ушла она в камень, в нем и по сей день хоронится. Ночью иногда погулять выходит, вьюгами потешиться, лавинами позабавиться. Ишь, как разыгралась, погань нечистая! – отшатнулся саам, когда сильнейший порыв ветра потряс куоксу. – Уходить нужно, Герман, не пустит нас чудь до камня твоего.



– Успокойся, старик, – Герман Михайлович дружески обнял охотника за плечи. – Не осилит нас чудь поганая. Посмотришь, скоро камень, в котором она прячется, будет людям служить верой и правдой.

Но старик лишь недоверчиво качал головой.

На вторые сутки вьюга начала стихать. Куоксу замело почти наполовину, и с трудом выбравшись из нее, путники отправились к апатитовому цирку на поиски заявочного столба Института по изучению Севера, поставленного летом 1926 года Лабунцовым. Недалеко от заявочного столба были обнаружены и коренные выходы апатитовой породы. Набив рюкзаки образцами руды, они тронулись в обратный путь – торопились до темноты успеть спуститься к лагерю.

Когда отряд подходил к лагерю, замкнутая среди гор долина Юкспорр-лака уже погрузилась в густую тень. С востока на запад, от вершины до вершины перекинулась яркая, временами рассыпающаяся кружевными завесами дуга северного сияния.

Из-за волнующих впечатлений прошедшего дня долго никто не мог уснуть. Теперь уже коренной сибиряк Семеров рассказывает жуткие истории из жизни сибирских золотоискателей. Зосима снова жалуется на

горькую долю саама (он переел медвежатины и теперь страдал от этого).

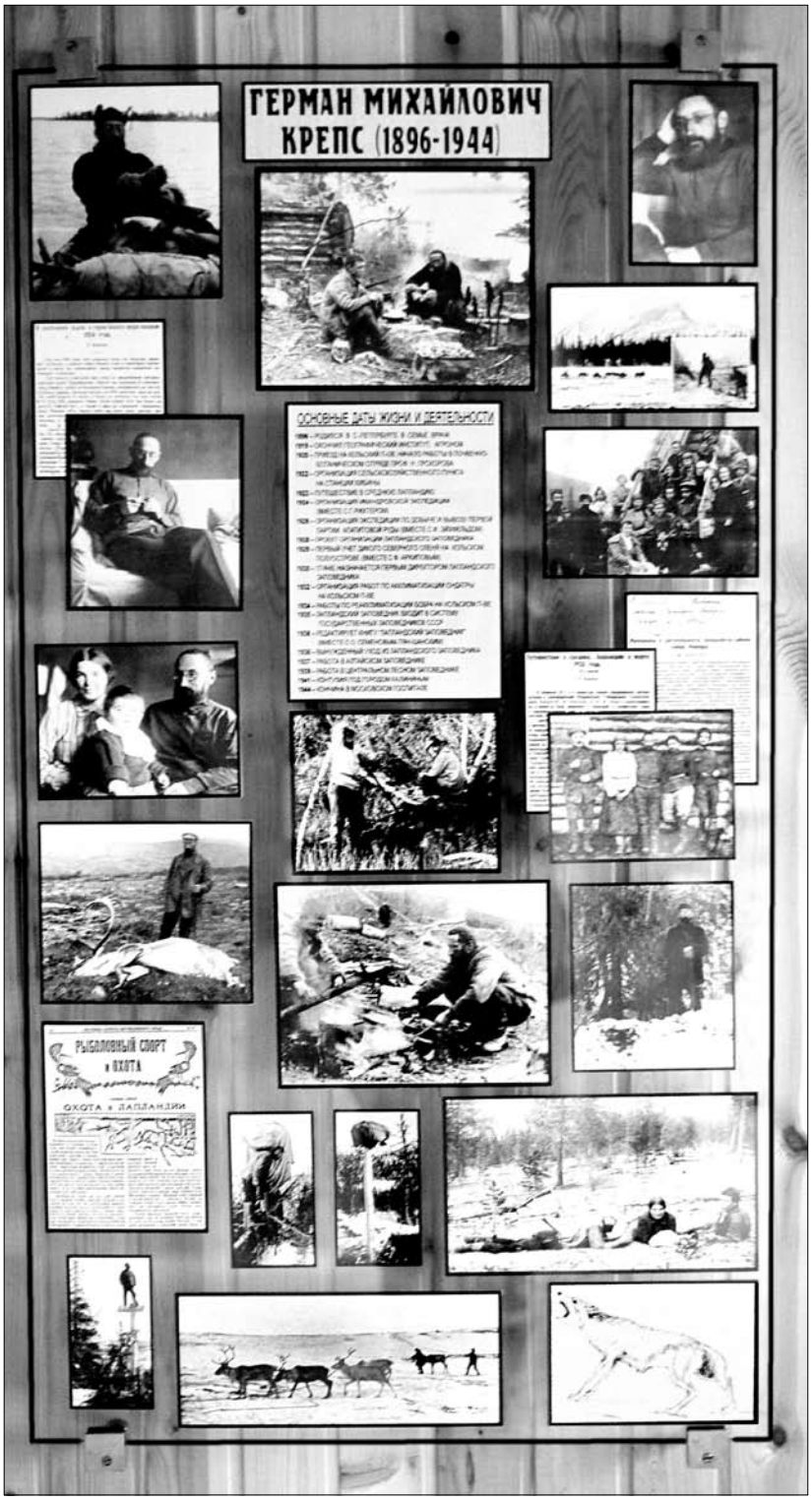
Наутро еще задолго до отвесных скал Расвум-чорра начали попадаться зеленоватые глыбы апатитовой породы. В ход пошли кирки и кувалды. Молотили кувалдами до изнеможения, но камень поддавался туго.

– Эх, взрывчатку бы сюда, – сокрушался Семеров.

Через трое суток изнуряющей работы нарты загружены полностью. Были поставлены вешки на нескольких складах руды, за которой предстояло вернуться весной по насту. Теперь можно двигаться в обратный путь. В ущельях и у подножия гор собираются низкие облака. Зосима, указывая на сползающие с гор клубы тумана, советует Крепсу поторапливаться со сборами.

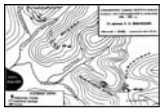
По старым следам олени бегут куда увереннее, и вскоре путешественники благополучно достигли железнодорожного разъезда Белого, где оставили геолога Семерова ожидать почтовый поезд.

Доставленная с гор порода (1600 кг) была отправлена в Ленинградский институт прикладной химии, где были проведены успешные опыты по определению содержания фосфора. Специалисты дали высокую оценку добытым рудам. Впоследствии апатитовая порода оказалась сырьем не только для суперфосфата и азотно-калийных удобрений, в ней было обнаружено еще 25 элементов, имеющих важное народнохозяйственное значение. Все это во многом ускорило решение вопроса об организации в Хибинах крупнейшего горнопромышленного комплекса. Прав оказался Крепс, говоривший охотнику-оленеводу о большом будущем камня плодородия.



Пройдет еще несколько лет, и в долине среди живописных крутых склонов гор вырастет город горняков – Хибиногорск (переименован в 1935 году в город Кировск). А рядом с ним (уже в шестидесятые годы) будет построен город ученых – Апатиты. Сегодня здесь расположен Кольский научный центр РАН – крупнейший на Крайнем Севере форпост науки.

Список иллюстраций к главе "За камнем плодородия"



Стр. 122 – карта-схема апатит-нефелиновых месторождений в Хибинах (по данным открывателя месторождений геолога А.Н. Лабунцова)

Стр. 123 – академик А.Е. Ферсман (1883–1945), организатор «Тиэтты» – Хибинской горной станции АН СССР (ныне – Кольский научный центр РАН). В 1930 году Ферсман предложил включить в состав научного совета «Тиэтты» директора Лапландского заповедника Г.М. Крепса

Стр. 124 – Хибины, район оз. Большой Вудъявр, где расположен город Кировск (до 1935 г. – Хибиногорск)

Стр. 124 – поездка на оленях в Хибинские горы за апатитовой рудой в октябре 1926 года (Зосима Куимов, Г.М. Крепс, И.Г. Эйхфельд, П.Ф. Семеров)

Стр. 125 – Герман Крепс в Хибинах

Стр. 125 – так добывали апатитовую руду в Хибинах (фото конца 1920-х гг.)

Стр. 126 – охотник-саам Зосима Куимов

Стр. 126 – оленьи упряжки (райда) Зосимы Куимова

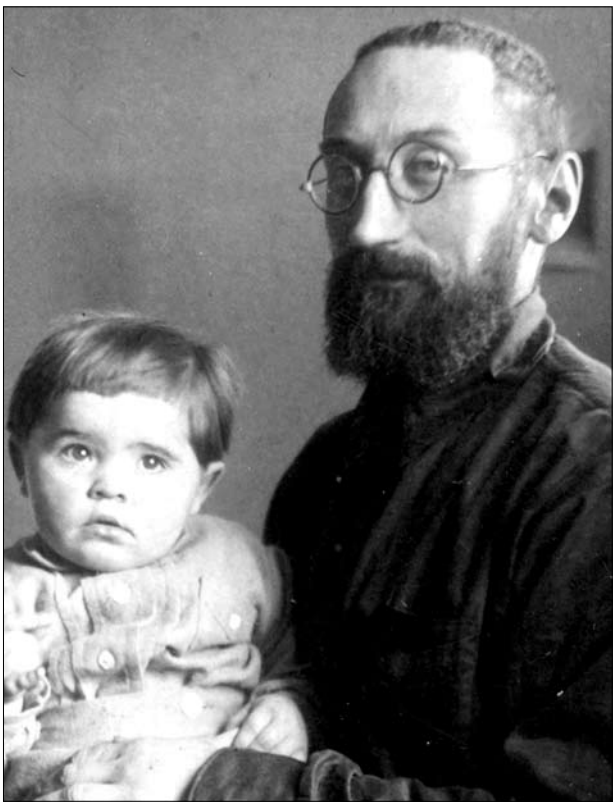
Стр. 127 – один из стендов Дома-музея Г.М. Крепса в Лапландском заповеднике (первая экспозиция)

ДОРОГА К ЗАПОВЕДНИКУ

ДОРОГА К ЗАПОВЕДНИКУ

Добросердечные отношения, которые сложились у Крепса со многими саамами-охотниками, позволили ему в течение ряда лет располагать сведениями (из первых рук) о количестве и составе добываемого ими зверя. А итоги были весьма печальными. Хищническая охота сильно подорвала запасы главнейших промысловых животных Лапландии: оленя, выдры, куницы, песца. Еще в конце XIX столетия полностью был истреблен бобр. Огромные лесные пожары почти полностью уничтожили леса вдоль линии Мурманской железной дороги. Организация лесного хозяйства всё ещё оставляла желать лучшего. Всюду, где бывал Крепс, в бесконечных беседах на охоте, рыбной ловле, вечерами у камелька саамской вежи – он пытается внушить местному населению, что в их же интересах необходимо упорядочить свое охотничье хозяйство.

Но в первую очередь нуждался в защите дикий северный олень, находившийся уже на грани исчезновения. Становилось ясно, что первоочередной мерой должна стать организация заповедника – резервата для промысловых животных, и Крепс уже представляет себе границы такой территории, учитывая при этом все – и сезонные передвижения зверей, и интересы оленеводов и лесного хозяйства.



Многоуважаемый
Василий Кондратьевич!

Я не стану Вас, конечно, рассуждать про нашего дикого оленя — Вы и так это знаете не хуже! а приступлю сразу к делу.

На этих днях я, по предложению Н. А. Кельмикова-Трирум в зоологическом Музее Академии наук сделал сообщение о положении дикого оленя в Лапландии и о предполагаемой организации заповедника в Чупа-Кута. Д. Б. и. обр. для его охраны. Вы, интересные прения и собрание поставило поддержать это начинание со стороны Академии наук.

Кроме того, я был на Мурм. ж. д. — в Колонизац. Отделе (кроме всего прочего ведь территория предполагаемого заповедника целиком входит в Колонизационный отвод Мурм. ж. д.) и там говорил по поводу этого дела. Дорога, в частности новый Императорский лесничий В. Э. Трикет большой сторонник организации Кола заповедника и с его стороны можно ждать всяческого содействия.

24/I 28. Уваж. Вас. Г. Крел.

ПРОТОКОЛ № 102.

Общего собрания членов Общества Изучения Мурм.Края
от 21-го марта 1928 г.

Присутствовало - 22 человека.

Председатель- В.АЛЬМОВ.
Секретарь- МИХАЙЛОВ.

Слушали:

1. доклад Г.М. КРЕПС:
„Положение дикого северного оленя и организация лапландского заповедника."

I/ Более тридцати лет тому назад дикий северный олень был широко распространен по всему Кольскому полуострову. За последнее время количество его сильно сократилось и этот вид оленя близок к исчезновению. Между тем, это, весьма мало изученное животное, представляет интерес во многих отношениях. Во-первых, как об"ект научного исследования, во-вторых, сохранение его желательно в целях освежения крови домашних оленей и, наконец, в интересах Края сохранить его, как промысловое животное.

Постановили:

Считать вопрос об организации подобного заповедника своевременным и нужным для восстановления охотничьего хозяйства Лапландии.
Поручить докладчику выработать докладную записку, предварительную смету расходов совместно с т.т. АЛЬМОВЫМ, МИХАЙЛОВЫМ, с представителями Мурм. Т-ва Охотников, Окр. плана и передать на рассмотрение Президиум Окр. Исполкома.

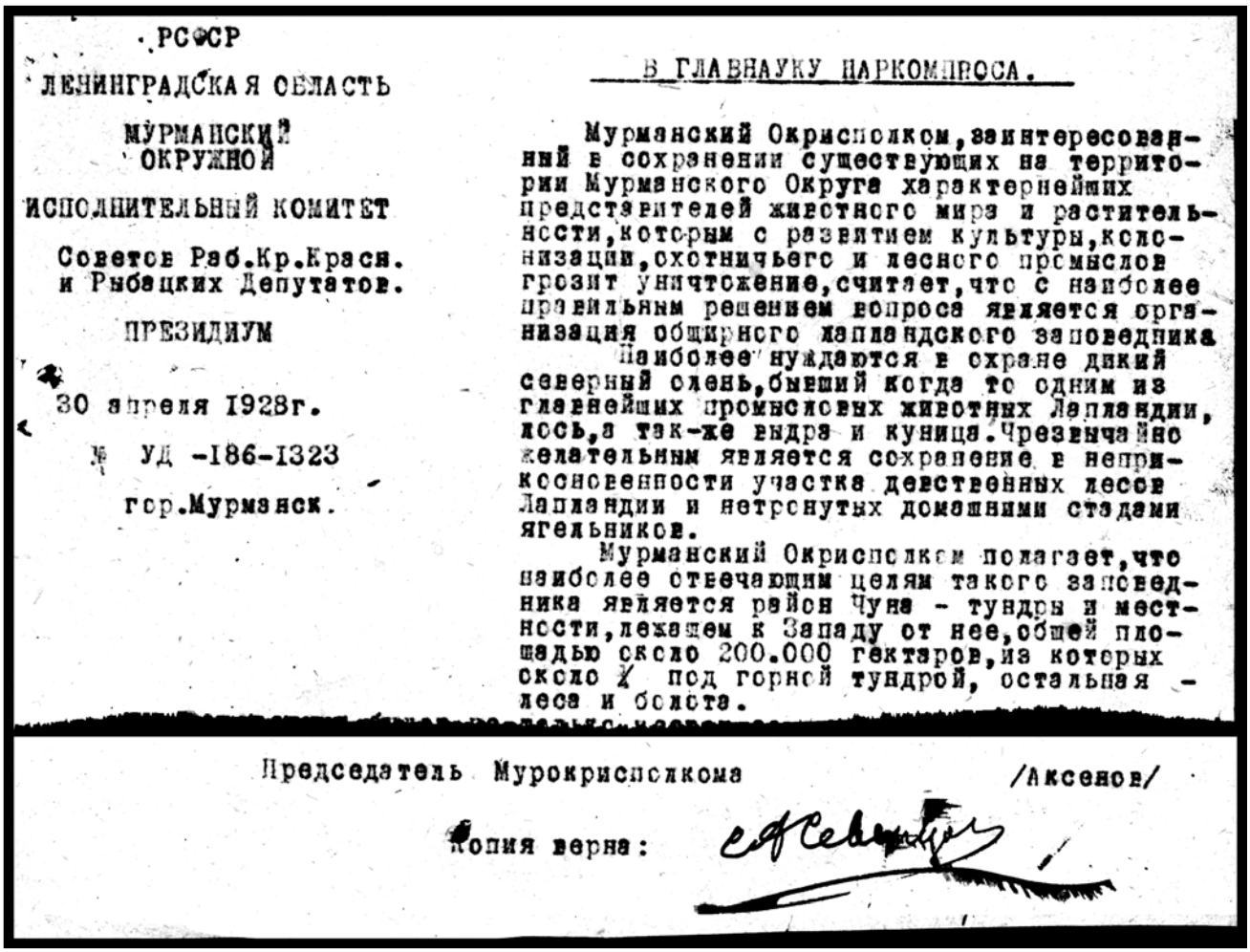
Председатель / В. АЛЬМОВ /
Секретарь / МИХАЙЛОВ /

В конце 1927 года на заседании Географического общества СССР Герман Михайлович выступает с докладом «О промысловой фауне Лапландии». В начале января 1928 года на заседании ученого совета Зоологического музея он уже говорит конкретно о положении дикого северного оленя.

В экспозиции Мурманского краеведческого музея есть письмо Г.М. Крепса председателю плановой комиссии Мурманского губисполкома В.К. Алымову.

предполагаемой организации заповедника в Чуна-тундре, главным образом для его охраны. Были интересные прения, и собрание постановило поддержать это начинание со стороны Академии наук.

Кроме того, я был на Мурм. ж. д. – в Колонизац. отделе (кроме всего прочего ведь территория предполагаемого заповедника целиком входит в Колонизационный отвод Мурм. ж. д.) и там говорили по поводу этого дела. Дорога, в частности Ю.И. Иордан-



РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ
МУРМАНСКИЙ ОКРУЖНОЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Советов Раб.Кр.Красн. и Рыбацких Депутатов.
ПРЕЗИДИУМ

30 апреля 1928г.
№ УД -186-1323
гор.Мурманск.

В ГЛАВНАУКУ НАРКОМПРОСА.

Мурманский Окрисполком, заинтересованный в сохранении существующих на территории Мурманского Округа характернейших представителей животного мира и растительности, которым с развитием культуры, колонизации, охотничьего и лесного промыслов грозит уничтожение, считает, что с наиболее правильным решением вопроса является организация обширного лапландского заповедника.

Наиболее нуждаются в охране дикий северный олень, бывший когда то одним из главнейших промысловых животных Лапландии, лось, а так-же выдра и куница. Чрезвычайно желательным является сохранение в неприкосновенности участка девственных лесов Лапландии и нетронутых домашними стадами ягельников.

Мурманский Окрисполком полагает, что наиболее отвечающим целям такого заповедника является район Чуна - тундры и местности, лежащем к Западу от нее, общей площадью около 200.000 гектаров, из которых около ¼ под горной тундрой, остальная - леса и болота.

Председатель Мурокрисполкома /Аксенов/

Копия верна:

«24 января 1928 г.

Многоуважаемый Василий Кондратьевич!

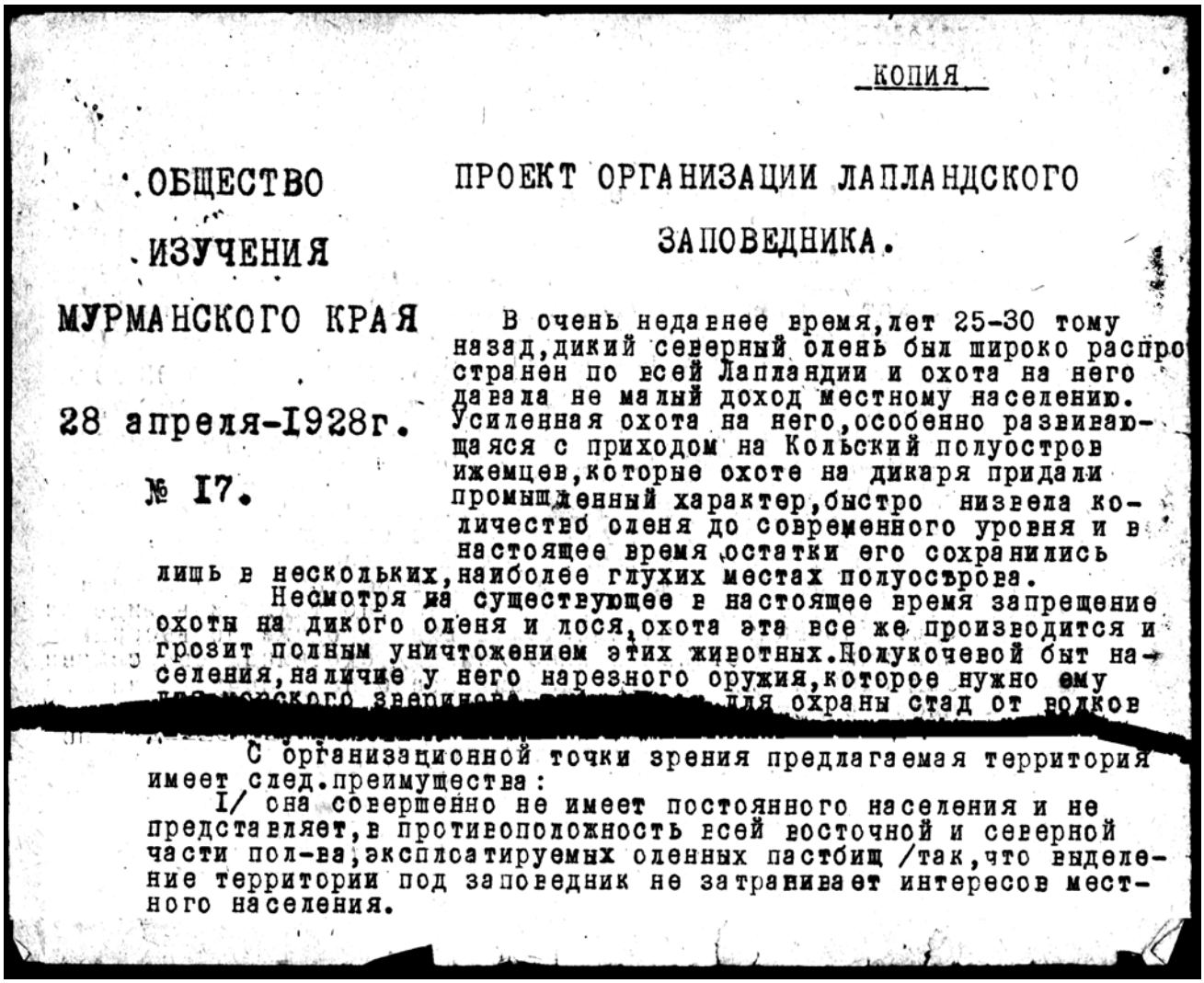
Я не стану Вам, конечно, рассказывать про нашего дикого оленя – Вы и так это знаете не хуже, а приступлю сразу к делу.

На этих днях я, по предложению А.А. Бялыницкого-Бирули, в Зоологическом музее Академии наук сделал сообщения о положении дикого оленя в Лапландии и о

ский, не только относится сочувственно к идее заповедника, не только предоставляет территорию, но и готова, по-видимому, пойти даже на некоторые расходы. Вся беда в том, что, несмотря на то, что Мурм. ж. д., вообще говоря, не брезгует, можно сказать, различными профессиями (Желлес, Желрыба, и т. д.), все же организация заповедника стоит чересчур далеко от прямого ее назначения как организации транспортной и колониза-

ционной и самой дороге не совсем уместно проявить инициативу в этом деле. Если же какая-либо другая организация, причастная к делу, напр., Мурманский Окрплан, который и сам заинтересован в создании заповедника, выступит с предложением и обратится к дороге – то со стороны дороги можно ждать всяческого содействия. Вот в этом-то весь корень вещей. Дело, т. ск., в Ваших руках: можно ли рассчитывать на то, чтобы Окрплан обратился бы к дороге с подобным предложением? Если можно, то хорошо. Не будем пока предрешать, какую часть расходов кто возьмет на себя и чей флаг будет поднят. Если же почему-либо окажется, что это неудобно сделать (я не знаю современного состояния взаимоотношений дороги и губернии), то, может быть, в виде буфера, а может быть, и флага поставить Станцию [Мурманскую биологическую], которая, кажется, в равной мере пользуется дружбой дороги и исполкома. Проще говоря, чтобы исполком обратился к Станции, а Станция – к дороге.

Относительно флага. Дорога предлагает единственно возможным – обеспечивающим, м. ск., постоянство и некоторую независимость от местных личных перемен как на дороге, так и в Мурманске – флаг Главнауки.



КОПИЯ

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МУРМАНСКОГО КРАЯ

28 апреля-1928г.

№ 17.

ПРОЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ ЛАПЛАНДСКОГО ЗАПОВЕДНИКА.

В очень недавнее время, лет 25-30 тому назад, дикий северный олень был широко распространен по всей Лапландии и охота на него давала не малый доход местному населению. Усиленная охота на него, особенно развивающаяся с приходом на Кольский полуостров ижемцев, которые охоте на дикаря придали промышленный характер, быстро низвела количество оленя до современного уровня и в настоящее время остатки его сохранились лишь в нескольких, наиболее глухих местах полуострова.

Несмотря на существующее в настоящее время запрещение охоты на дикого оленя и лося, охота эта все же производится и грозит полным уничтожением этих животных. Полукочевой быт населения, наличие у него нарезного оружия, которое нужно ему для морского зверинова[illegible] для охраны стад от волков

С организационной точки зрения предлагаемая территория имеет след. преимущества:

I/ она совершенно не имеет постоянного населения и не представляет, в противоположность всей восточной и северной части пол-ва, эксплоатируемых оленных пастбищ /так, что выделение территории под заповедник не затрагивает интересов местного населения.

Зоологический музей, зная канцелярщину, казенщину и волокиту, царящие в Главнауке, высказывается за местные учреждения – дорогу или Исполком. Я, по правде говоря, сказать, не знаю, что лучше для дела. Думается, все же, что флаг Главнауки будет, вообще говоря, лучше, а тем более, если удастся хотя бы одного работника за-

поведника (заведующего) поставить на штат Главнауки.

Следует иметь еще в виду следующее, что я не упомянул в своей записке Окрплану: этот заповедник имеет еще значение как рассадник для куницы – одного из ценных наших пушных зверей.

Новый Имандровский лесничий В.Э. Трост большой сторонник организации этого заповедника и с его стороны можно ждать всяческого содействия.

Уваж. Вас, Г.М. Крепс».

21 марта 1928 г. под председательством Алымова состоялось расширенное собрание

Ск.

Р.С.Ф.С.Р.

Народный Комиссариат по Просвещению

Главнаука

Научный Отдел

Москва, Чистопрудный б., 6.
№ телефона (коммут.) с 3-27-80 до 3-27-86.

29 июня 1928 г. № 50 918

55

При ответе ссылаться обязательно на наш № и число

Мурманский Окружной Исполнит. Комитет.

Копия: Ленинградский Обл. Исполком.
" Комитет Севера при ВЦИК.
" Мурманское Об-во Краеведения.
" Центральное Бюро Краеведения.

На В/№ ..... Н/вх. № .....

По вопросу:

Государственный Комитет считает, что организация Заповедника в Чуна тундре целесообразна. Заповедник на Кольском полуострове предусмотрен в сети заповедников, разработанной Учен. Комитетом по охране Природы при Гос. Ком. по Охр. Пр. в 20г.

Для детального обсуждения проекта необходимо указать границы заповедника, в виду чего Главнаука просит сообщить дополнительные данные, а также сообщить предполагается ли отнести Заповедник в Чуна тундре на местный или на государственный бюджет.

При сем препровождается на Ваше заключение записка об организации заповедника и смета разработанная Мурманским Краеведческим Об-вом.

ПРИЛОЖЕНИЕ: упомянутое.

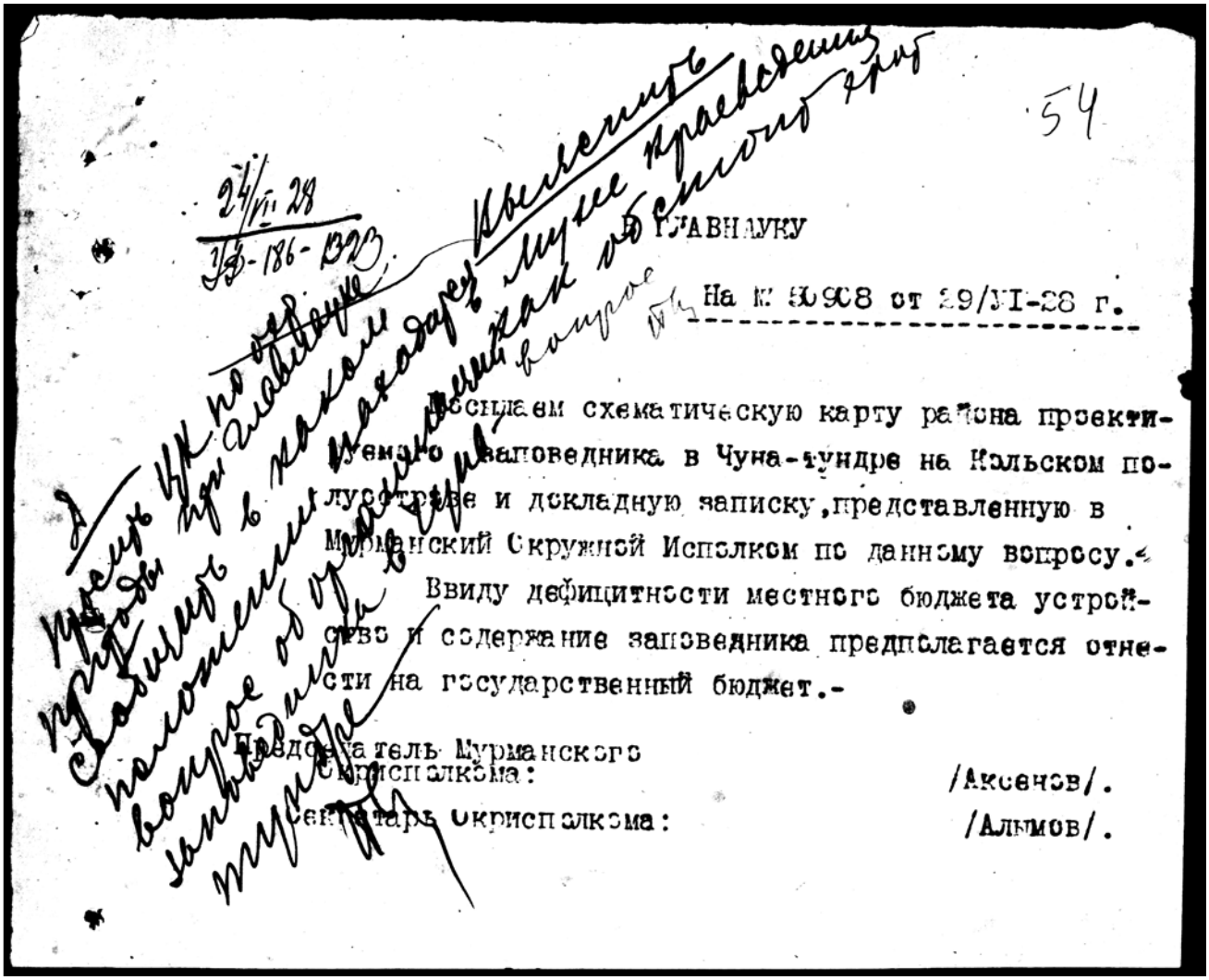
Нач. Главнауки

Секретарь Управления

МУРМАНСКИЙ ОКРИСПОЛКОМ
4 июл 1928 г.
Отдел 9 Дело 186 № 1225

Приложение на ..... листах Ответ ожидается к ..... с/г.

Общества по изучению Мурманского края, на котором с докладом «Положение дикого северного оленя на Кольском полуострове и проект организации Лапландского заповедника» выступает Герман Михайлович.



54

24/VI-28

ГЛАВНАУКУ

На № 50908 от 29/VI-28 г.

Посылаем схематическую карту района проектируемого заповедника в Чуна-тундре на Кольском полуострове и докладную записку, представленную в Мурманский Окружной Исполком по данному вопросу.

Ввиду дефицитности местного бюджета устройство и содержание заповедника предполагается отнести на государственный бюджет.-

Председатель Мурманского Окрисполкома: /Аксенов/.

Секретарь Окрисполкома: /Альмов/.

Подготовленный для широкого обсуждения в печати доклад будет опубликован в журнале «Карело-Мурманский край».

«При организации заповедника, – подчеркивал Крепс, – имеющего целью не только охрану какого-либо одного животного, но и сохранение в естественной неприкосновенности целого географического ландшафта, вопрос о территории заповедника, его границах и размерах является наиболее существенным».

Говоря о довольно интенсивной эксплуатации лесов Кольского полуострова, Крепс добавляет, что «сокращение лесных сообществ и не тронутых домашними стадами ягельников (лесных, ягельников паркового редколесья и горно-тундровых) должно также войти в план организации заповедника».

Развивая этот тезис, Крепс доказывает, что необходимость сосредоточения на одном месте и леса и тундры сразу же принуждает отказаться от всей тундры Кольского полуострова, которая тянется полосой шириной от 30 до 100 км по берегу Баренцева и Белого морей. Также отпадают Ловозерские тундры и Хибины, как лишенные практически полностью дикого оленя и к тому же прилегающие к местности относительно густо населенной. «Естественно, – подытоживает Крепс, – остаются горы, лежащие к западу от Имандры. Дикий олень до сих пор сохранился в Чуна-тундре,

встречается в прилегающих к ней Гарьюсной и Нявка-тундре». Весь этот намеченный район совершенно не заселен, «и организация заповедника практически не затронет интересов местного населения», – с особым удовлетворением отмечал Крепс.

Следующим реальным шагом по организации заповедника становится обращение Мурманского окрисполкома в Главнауку Наркомпроса и Центральный комитет по охране природы как к организациям, непосредственно ведающими заповедниками СССР, с просьбой об организации Лапландского заповедника. При этом Мурманское общество краеведения высылает в Комитет

№ 10—11 КАРЕЛО-МУРМАНСКИЙ КРАЙ. 37

Г. Крепс

Дикий северный олень на Кольском полуострове и проект организации лапландского заповедника.

Еще лет тридцать тому назад дикий северный олень был очень широко распространен по Кольскому полуострову и являлся одним из главнейших промысловых животных. О численности дикого оленя в это, сравнительно очень недавнее, время может дать представление тот факт, что, по словам лопарей, каждый более или менее бойкий охотник добывал их не по одному десятку голов за год, а поморы, проезжавшие зимою по озеру Имандре на Мурманский рыбный промысел, нередко рассказывают про огромные, сотенные стада дикарей, переходившие по льду озеро. В настоящее время от былого богатства сохранились лишь жалкие остатки: дикий олень почти истреблен и лишь в некоторых, наиболее глухих местах Лапландии сохранилось очень небольшое количество этого животного.

В прежнем распространении оленя, вообще, встречавшегося повсюду, но особенно предпочитавшего определенные места, где среди обширных лесов подымались выходящие за пределы древесной растительности горные массивы—тундры или небольшие отдельные возвышенности — тундрищ наблюдалось, по словам старых опытных ох ков лопарей района Имандры, кака одичность. Проходил целый ряд обильных оленем, стада его среди домашн. оленей нередко прихо дикарей, и насторо когда дик их приходи их не дост риодов. Зате чество оленя каких-либо сп деляют продол приблизительно известно, никако

Единственной действительной мерой для охраны дикого оленя является организация заповедника на Кольском полуострове.

Ижмы, притока Печоры, в 1887 г., сначала в числе четырех семейств, а потом и в большем числе пришедших сюда со своими стадами и обосновавшихся в Ловозере. Энергичный, сильный и предприимчивый народ, они, со своими круглый год охраняемыми стадами, которые теперь пасутся почти по всему полуострову, сразу же поставили охоту на дикаря на промышленную ногу и в несколько десятков лет низвели его количество до современного состояния.

Проведение Мурманской железной дороги также не осталось без влияния на дикого оленя. Огромные лесные пожары, уничтожившие почти все леса вдоль линии железной дороги, не только отогнали дикого оленя от этих мест, но и совершенно разобщили оленя, оставшегося к Востоку от линии железной дороги, от оленя, оказавшегося к западу от нее. Люди, хорош накомые с образом жизни и повадками ого дикого оленя, утверждают, что решится перейти обжилую ль линии, а тем болотно.

) почти вовсе змножившийся ко на восток, х охотников. тельно в не- Бор, ижем- ии же- е 40 лосей.

ущее время запрещение еня и лося, если несколько и уой лосей (затрудненность продажи няса и шкур), то на промысел оленя не зывает почти никакого влияния: полукочевой быт чрезвычайно редкого населения, постоянные поездки оленеводов в свое стадо, пасомое иногда в нескольких десятках, а то и сотнях верст от постоянного жилья, возможность не только самому потреблять, но всегда и продать мясо и шкуру дикого оленя, вместо домашнего, и наличие у населения нарезного оружия, необходимого ему для морского звериного промысла, а также для охраны стад от волков, довольно обильных в наиболее оленеводческой—восточной и центральной части полуострова, — совершенно устраняют как риск этой охоты, так и возможность надзора и контроля.

Единственной действительной мерой для охраны дикого оленя является организация заповедника на Кольском полуострове.

При организации заповедника, имеющего целью не только охрану какого-либо одного животного, но сохранение в естественной неприкосновенности целого географического ландшафта, вопрос о территории заповедника, его границах и размерах является наиболее существенным. Целый ряд соображений как естественно-исторического, так и организационного характера, заставляет признать,

КАРЕЛО-МУРМАНСКИЙ КРАЙ

Краеведческий, общественно-экономический, иллюстрированный журнал

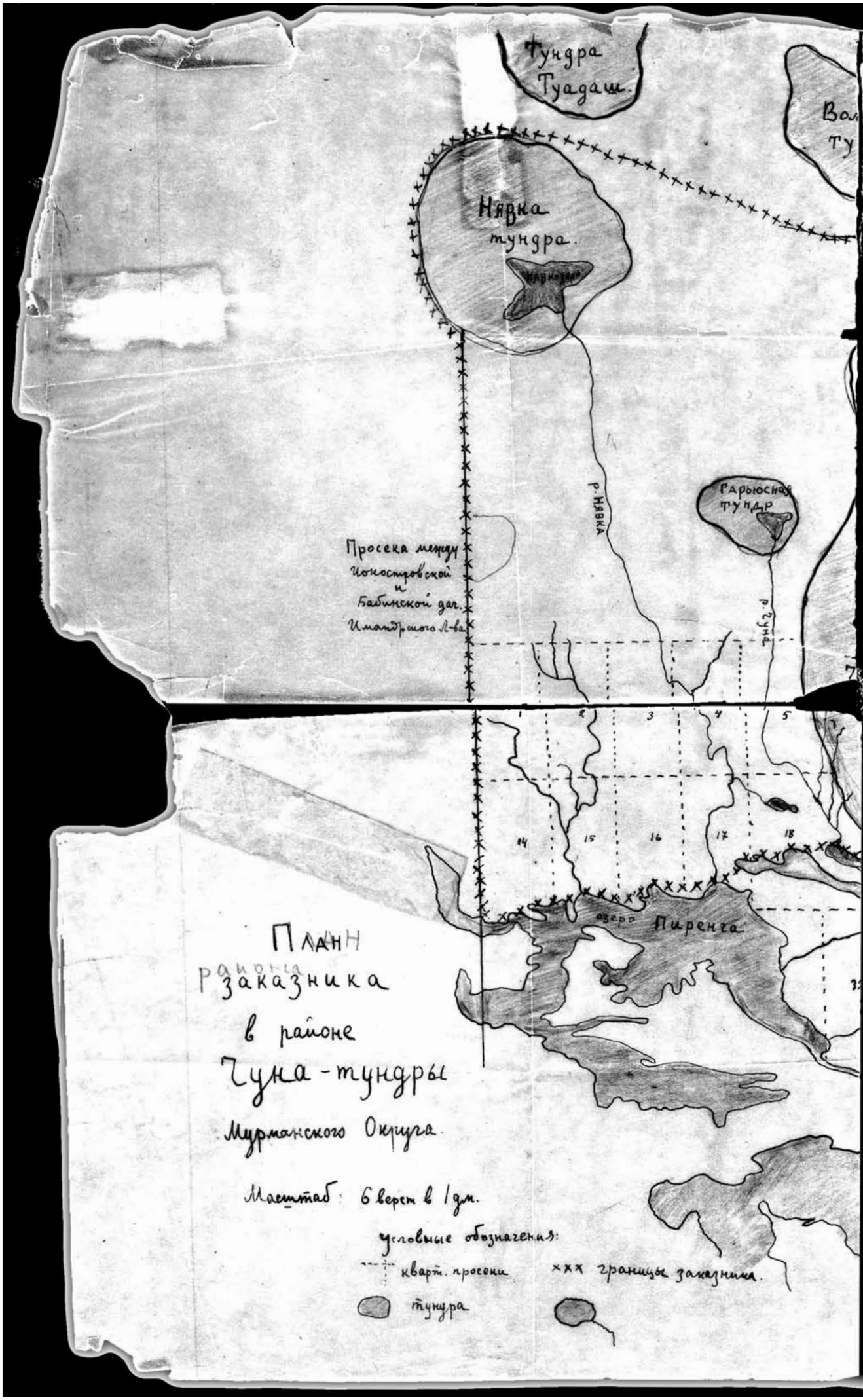
Канал между озером Сайдал и Нигозеро. Тов. М. И. Калинин на пути в Кондострою.

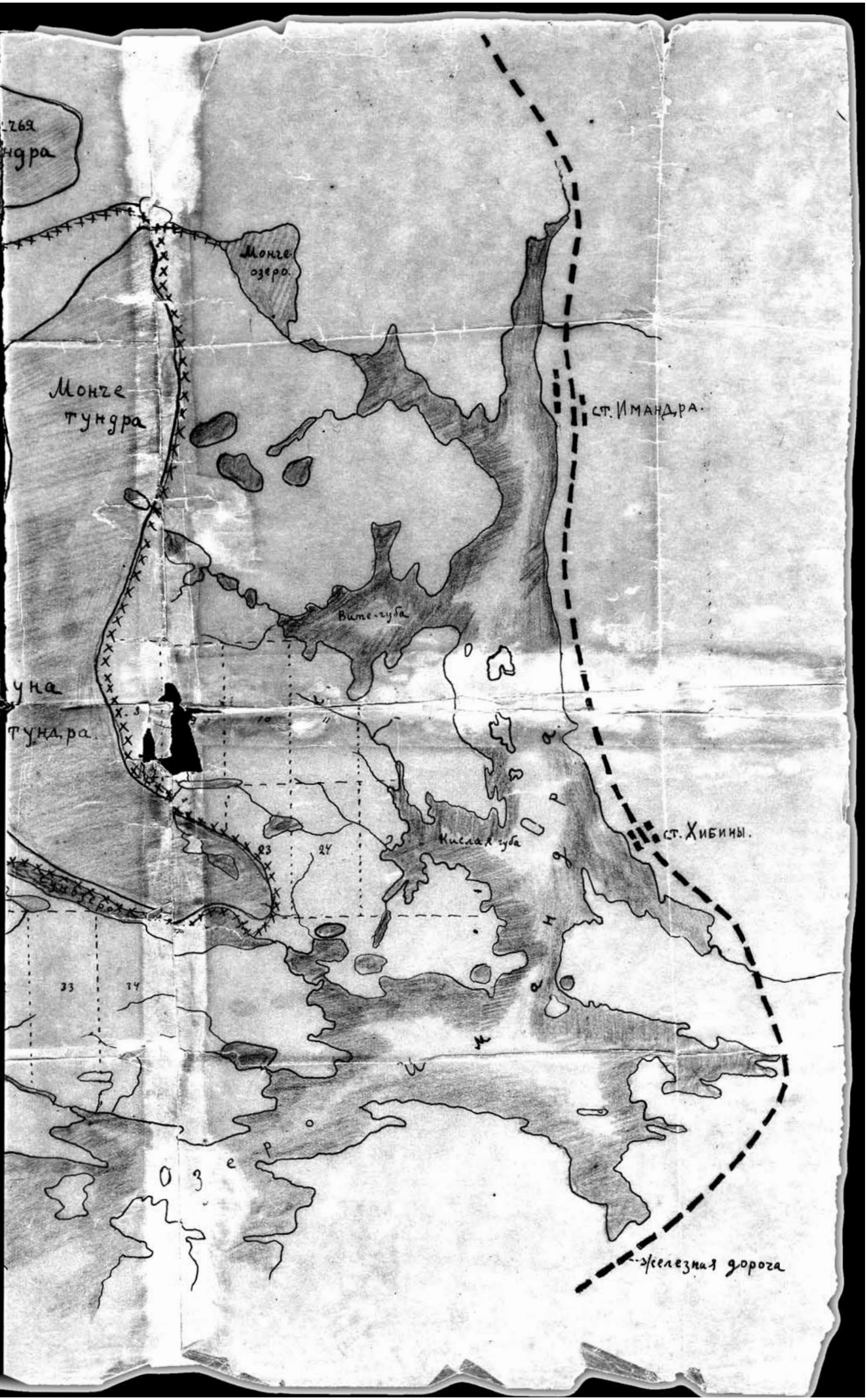
№ 10—11

Октябрь—Ноябрь 1928 г.

по охране природы «Проект организации заповедника на дикого лапландского оленя и других представителей лапландской наземной фауны».

В ответном письме (от 29 июня 1929 г.) Народный комиссариат просвещения сообщал в Мурманск (копия письма была направлена также в Ленинградский исполком, Комитет Севера при ЦИК и Центральное бюро краеведения) о том, что «организация Заповедника в Чуна-тундре целесообразна. Заповедник на Кольском полуострове предусмотрен в сети заповедников, разработанной Ученым комитетом по охране природы (ныне – Государственный комитет по охране природы) в 1920 году.


Тундра Туадаш
Нявка тундра
Р. Нявка
Гарьюсная тундра
Р. Чуна
Просека между Иокостровской и Бабинской дач. Имандрского л-ва
1
2
3
4
5
14
15
16
17
18
Озеро Пиренга
План заказника в районе Чуна-тундры Мурманского Округа.
Масштаб: 6 верст в 1 дм.
Условные обозначения:
квартальн. просеки
границы заказника
тундра


Монче
озеро.
Монче
тундра
ст. Имандра.
Вите-губа
тундра.
Кислая губа
ст. Хибины.
23
24
33
34
Озер
Железная дорога

26. Р.С.Ф.С.Р.

Народный Комиссариат по Просвещению

Главнаука

Научный Отдел

МОСКВА, Чистопрудный б., 6

№ телефона (коммут.) с 3-27-30 до 3-27-86

12 октября 1928 г. № 50/918

При ответе ссылаться обязательно на наш № и число.

В МУРМАНСКИЙ ОКРИСПОЛКОМ.

г. Мурманск

На В/№ 186/1323 Н/вх. №

По вопросу:

Проект заповедника в Чуна- тундре послан на заключение и проработку специалистов. Принципиально Гос. Комитет по охране природы признал устройство заповедника желательным.-

Начальник Главнауки:-

Заведующий Управления:-

Приложение на 1928 г. листах.

Ответ ожидается к

Отдел Дело 186 № 1323

МУРМАНСКИЙ ОКРИСПОЛКОМ ПОЛУЧЕНО 17/X 1928 г. Отдел Дело 186 № 1323

Р.С.Ф.С.Р.

НАР. КОМ. ЗЕМ.

Ц Л О.С.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ

«6» ноября 1928 г.

№ 8/21.

Москва. 13. Пятницкое-Лосиный Остров, 3

МУРМАНСКИЙ ОКРИСПОЛКОМ ПОЛУЧЕНО 12/XI 1928 г. Отдел Дело 186 № 1323

В Мурманский Исполнительный Комитет.

Отдел Биологии и Промысловой Охоты Ц.Л.О.С. препровождает при сем копию отзыва на проект Лапландского заповедника. Означенный отзыв направлен Отделом в Главнауку согласно запроса Отдела Охраны Природы.

Заведующий Отд. Б. и Пр. Охоты

Для детального обсуждения проекта необходимо указать границы заповедника, а также сообщить, предполагается ли отнести заповедник в Чуна-тундре на местный или на государственный бюджет».

В конце июля 1928 года из Мурманска в Главнауку была выслана схематическая карта района проектируемого заповедника в Чуна-тундре. В приложении вместе с описанием карты говорилось, что «ввиду дефицитности местного бюджета, устройство и содержание заповедника предполагается отнести на государственный бюджет».

В середине октября 1928 года из Наркомпроса в Мурманский окрисполком пришло сообщение о том, что устройство заповедника признано желательным и проект заповедника в Чуна-тундре послан на заключение и проработку специалистов. А уже 18 ноября в Мурманский исполком поступает весьма

П Р О Т О К О Л

Совещания от 9/XI-с/г. при Окрзу по организации Чун-Тундровского заказника на копытных и пушных зверей.

ПРИСУТСТВУЮТ: от Окрзу - Зав.Окрзу т.СТРЕЛКОВ.
Зав.Окрло т.МАКСИМОВ.
Лесничий спецпо охоте т.КОЛОСОВ.
от Мурманской Биостанции -Директор проф.КЛИГЕ.
Научный сотрудник тов.КРЕПС.
От Мурм.Общ.Краеведения - т.АЛЫМОВ.

С л у ш а л и:

Тов.КРЕПС говорит, что все данные, которыми он располагает говорят за необходимость учреждения в этом районе заказника, но одного титула заказника указывает т.КРЕПС недостаточно, нужно этот район примерно площадью в 200.000 гект. об"явить заповедником лес в этом районе за очень малым исключением 5-а болотета. Тундра занимает около 2/3 по площади. Попутно т.КРЕПС информирует о влиянии этого района, в случае заказа, как рассадника на окружающие районы. Район Чупа-тундры обитаем всеми представителями промысловой фауны Округа за исключением песца. Кроме того благоприятным условием ~~сложется~~ является в этом районе отсутствия эксплоатации этой площади оленеводами и вообще отсутствие населения, интересы коего бы очень затрагивались учреждением заказника. Население района крайне редко. Браконьеров промышляющих в настоящее время, копытных, в этом районе не больше 5-7 человек. Охрану района можно наладить сравнительно легко. Базу

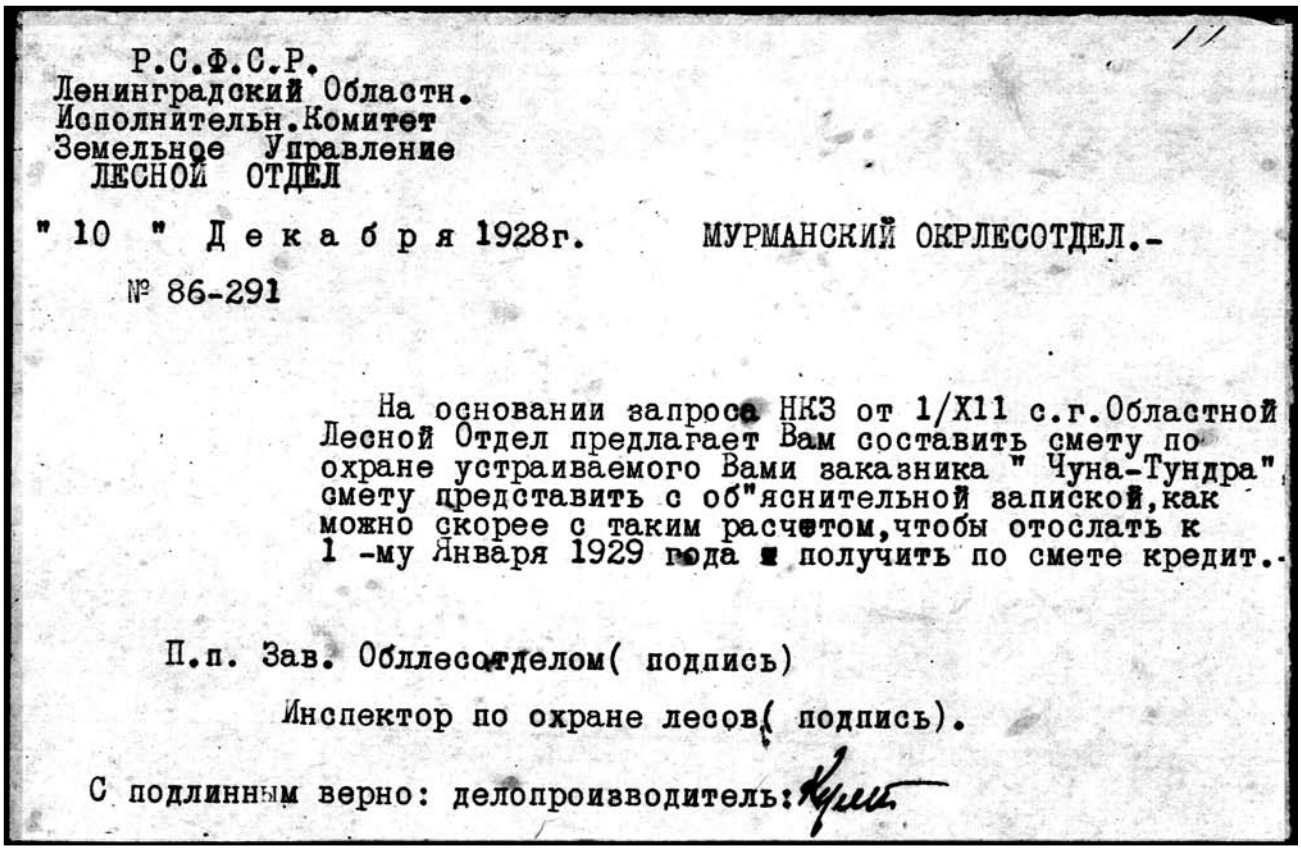
положительный отзыв на проект Лапландского заповедника, подготовленного Отделом биологии и промысловой охоты ЦЛОС при Наркомземе.

9 ноября 1928 года при Мурманском ОКРЗУ состоялось совещание на тему «Организация Чун-Тундрового заказника на копытных и пушных зверей». Среди участников: заведующий земельным управлением Стрелков, заведующий лесным управлением Максимов, лесничий, спец по охоте Колосов, от Мурманской биостанции – директор проф. Г.А. Клюге и научный сотрудник Г.М. Крепс, от Мурманского общества краеведения – В.К. Алымов.

Вот некоторые выдержки из стенограммы выступлений на этом совещании:

«Тов. Стрелков информирует присутствующих о мероприятиях, которые ОкрЗУ намерено провести по упорядочению охотхозяйства Округа, и, в частности, указывает на желательность организации и учреждения заказника в районе Чуна-Тундра и просит присутствующих высказать свои мнения по организации такого рода резервата в Западной части Округа...

Тов. Крепс говорит, что все данные, которыми он располагает, говорят за необходимость учреждения в этом районе заказника, но одного титула заказника, указывает т. Крепс, недостаточно, нужно этот район примерно площадью в 200 тыс. гектаров объявить заповедником; лес в этом



Р.С.Ф.С.Р.
Ленинградский Областн.
Исполнительн.Комитет
Земельное Управление
ЛЕСНОЙ ОТДЕЛ

" 10 " Декабря 1928г. МУРМАНСКИЙ ОКРЛЕСОТДЕЛ.-

№ 86-291

На основании запроса НКЗ от 1/X11 с.г.Областной Лесной Отдел предлагает Вам составить смету по охране устраиваемого Вами заказника " Чуна-Тундра", смету представить с об"яснительной запиской,как можно скорее с таким расчетом,чтобы отослать к 1 -му Января 1929 года и получить по смете кредит.-

П.п. Зав. Облесотделом(подпись)

Инспектор по охране лесов(подпись).

С подлинным верно: делопроизводитель:

районе, за очень малым исключением, 5-а бонитета, тундра занимает около 2/3 по площади. Попутно т. Крепс информирует о влиянии этого района и, в случае заказа, как рассадника на окружающие районы. Район Чуна-тундры обитаем всеми представителями промысловой фауны Округа за исключением песца. Кроме того, благоприятным условием является в этом районе отсутствие эксплуатации этой площади оленеводами и вообще отсутствие населения, интересы коего бы очень затрагивались учреждением заказника. Браконьеров, промышляющих в настоящее время копытных, в этом районе не больше 5–7 человек. Охрану района можно наладить сравнительно легко. Базу заказника

С М Е Т А

по организации ЧУН - ТУНДРСКОГО з а к а з н и к а.

I.

РАСХОДЫ ОСНОВНЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ.

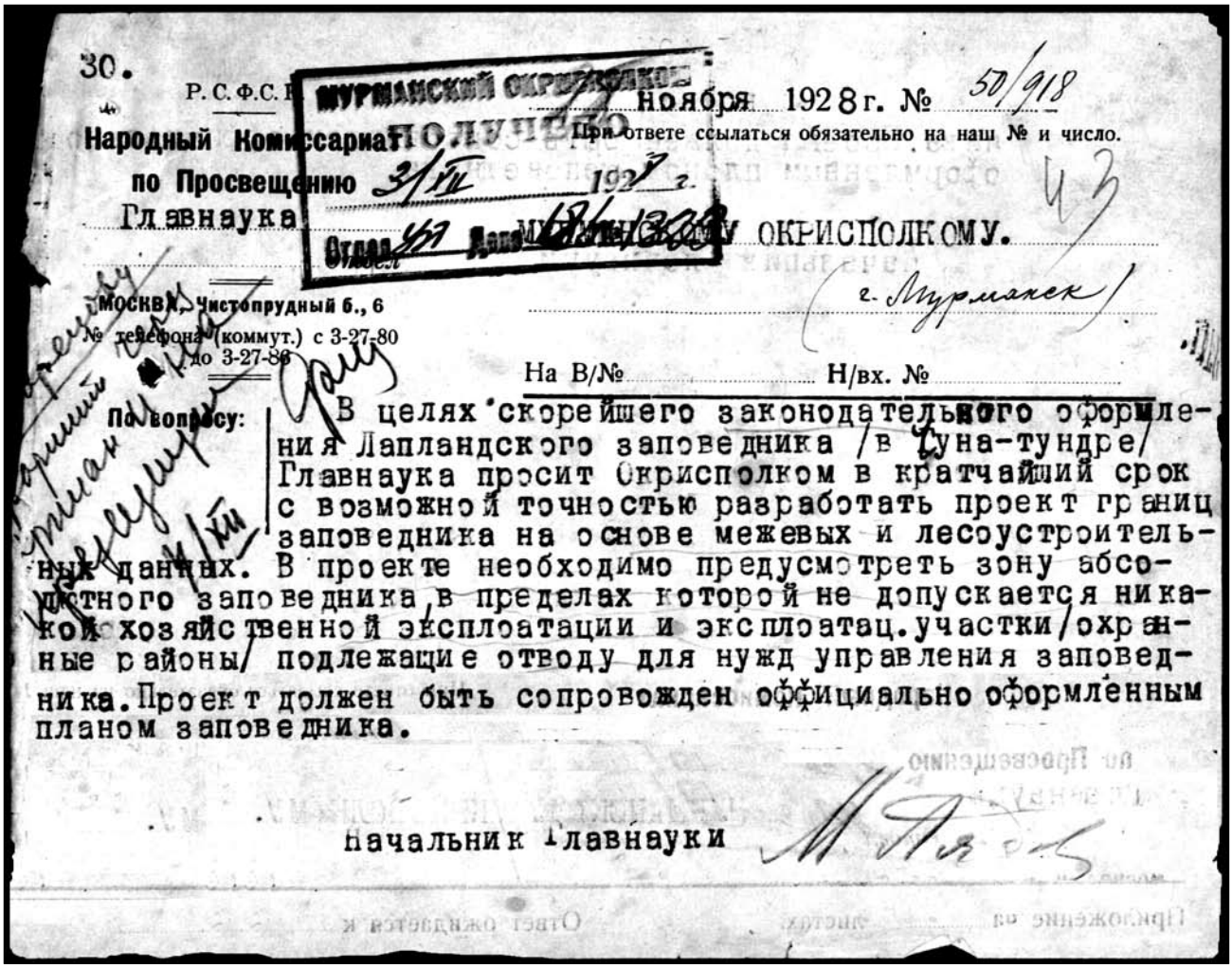
38

I.	Постройка дома для Заведывающего, сторожа и для посещающих заказник.....	I0.000 рублей.
2.	Постройка трех домов для 3-х сторожей по 2500 рублей.....	7.500 - " -
3.	Приобретено 5 карбасов /лодок/ по 50 рублей и I карбас в I00 рублей.....	350 - " -
4.	Мотор для карбаса на оз.Имандра.....	400 - " -
5.	Л о ш а д ь.....	350 - " -
6.	Седло и вьюк.....	I00 - " -
7.	20 упряжных оленей по 35 рублей.....	700 - " -
8.	Мелкий инвентарь столярный и плот.инструм...	I00 - " -
9.	Оружие охране.....	200 - " -
I0.	Оборудование домов, мебель.....	300 - " -
II.	Застолбление границ заказника.....	I00 - " -
I2.	Научные снаряжения: метеорологические приборы, гербарн.сетки, анероид-высотомер, фотографические принадлежности и т.п.....	500 - " -
I3.	Радио-приемник.....	400 - " -
I4.	Таборное снаряжение: палатки, мешки спальн.....	400 - " -
		2I. 400 рублей.

II.

РАСХОДЫ ЭКСПЛОАТАЦИОННЫЕ.

I.	Жалование Завед. 200 р. в месяц.....	2.400 рублей
2.	Жалование 4-м сторожам по 60 р. в месяц	2.880 - " -
3.	Соцстрах и отчисление в Профсоюз.....	778 - " -
4.	Содержание лошади.....	360 - " -
5.	Содержание оленей /заготовка ягеля/.....	300 - " -
6.	Хоз.расходы, канцел., ремонты.....	400 - " -
7.	Спецодежда.....	425 - " -
8.	Раз"ездные расходы.....	500 - " -
	ИТОГО	8.043 рубля.



30.

Р. С. Ф. С. Р.

Народный Комиссариат по Просвещению
Главнаука

Москва, Чистопрудный б., 6
№ телефона (коммут.) с 3-27-80 до 3-27-86

ноября 1928 г. № 50/918

При ответе ссылаться обязательно на наш № и число.

МУРМАНСКИЙ ОКРИСПОЛКОМ
ПОЛУЧЕНО 3/XII 1928 г.
Отдел 43 Дело № 18/1308

43

МУРМАНСКОМУ ОКРИСПОЛКОМУ.
(г. Мурманск)

На В/№ ..... Н/вх. № .....

По вопросу:

В целях скорейшего законодательного оформления Лапландского заповедника /в Чуна-тундре/ Главнаука просит Окрисполком в кратчайший срок с возможной точностью разработать проект границ заповедника на основе межевых и лесоустроительных данных. В проекте необходимо предусмотреть зону абсолютного заповедника, в пределах которой не допускается никакой хозяйственной эксплоатации и эксплоатац. участки /охранные районы/ подлежащие отводу для нужд управления заповедника. Проект должен быть сопровожден оффициально оформленным планом заповедника.

Начальник Главнауки

нужно создать в устье верхней Чуны-реки. В границы заказника необходимо включить Нявко-тундру, Монче-тундру и Чуна-тундру. Границы района с запада, юга и севера приурочить к естественным границам, с востока – побережье озера Имандра – не включать в заказ, так как в этих местах промышляют местные жители и лишить их этой возможности нельзя.

Тов. Колосов говорит, что в будущем управленческому аппарату заказника при Базе, вероятно, придется заняться вопросами промышленного пушного звероводства, для развития коего наш Округ имеет в наличии все благоприятные условия...

Тов. Максимов отмечает, что форма заказника может затронуть интересы лесного хозяйства. При определении границ следует руководствоваться материалами лесоустройства по Бабинской даче и квартальной сетью. Попутно т. Максимов указывает, что в устраиваемом заказнике нужно попробовать поселить бобров, которые в недалеком прошлом здесь были.

Профессор Клюге практически считает нужным уже с начала организации выделить заповедное ядро и в солидных размерах по территории. Кроме того, т. Клюге считает необходимым отметить то, что на этот заказник нужно смотреть не только как на резерват, но и как на питомник, ведь желательна и возможна постановка опыта разведения избенных оленей, более выносливых и более рентабельных во всех отношениях по сравнению со стадными, акклиматизация таких животных, как мускусный бык, также возможна, как показал опыт Норвегии в этом направлении... Важным фактором т. Клюге считает и управление аппарата заказника, который должен возглавляться лицом, научно подготовленным к этой работе.

Тов. Алымов, отмечая необходимость организации заказника, указывает еще и на

овцебыка, как на желательный объект акклиматизации.

Тов. Стрелков, подытоживая все сказанное, считает, что о необходимости организации заказника мнения всех присутствующих сходятся. Организацию нужно начинать с установкой заказника с заповедным ядром, и что это начинание должно благотворно отразиться на развитие производительных сил Округа...

Постановили:

Организацию заповедника с охранной зоной на копытных и пушных зверей признать необходимой. Поручить сотруднику Мурманской биостанции т. Крепсу и лесничему специалисту по охоте при ОКЗУ т. Колосову составить проект организации заповедника со сметой в двухнедельный срок с использованием для этого всего имеющегося материала. Кроме того, составить производственный, ориентировочный план работ на ближайшее время в заповеднике».

К письму Мурманскому окрисполкому прилагались записка об организации заповедника и смета, разработанная Мурманским краеведческим обществом. Вот текст этой сметы и заметки Германа Крепса (выделено курсивом) по ее обоснованию:

«Смета по организации Чун-Тундровского заказника

Расходы основные организационные.

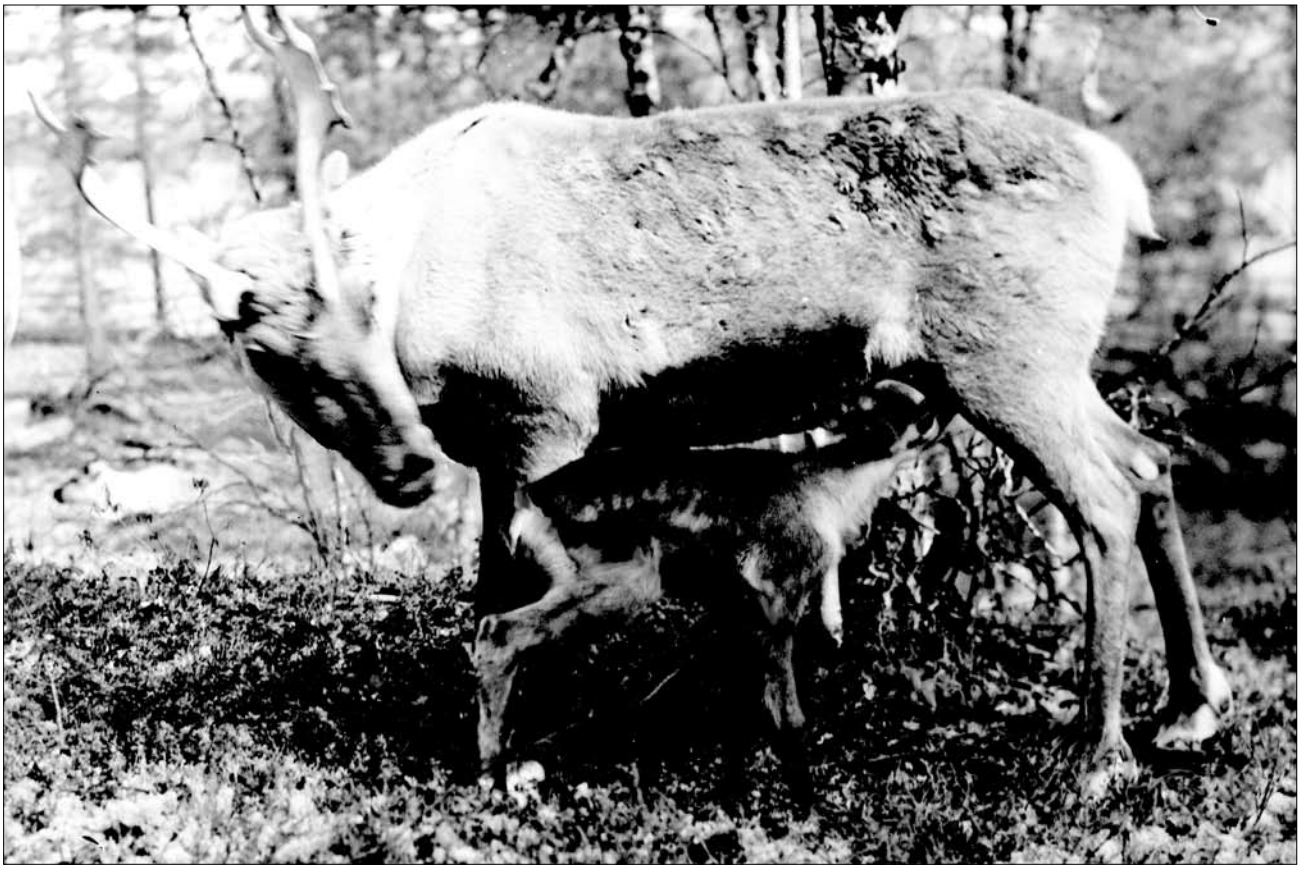
1. Постройка дома для заведующего, сторожа и для посещающих заказник – 10.000 руб.

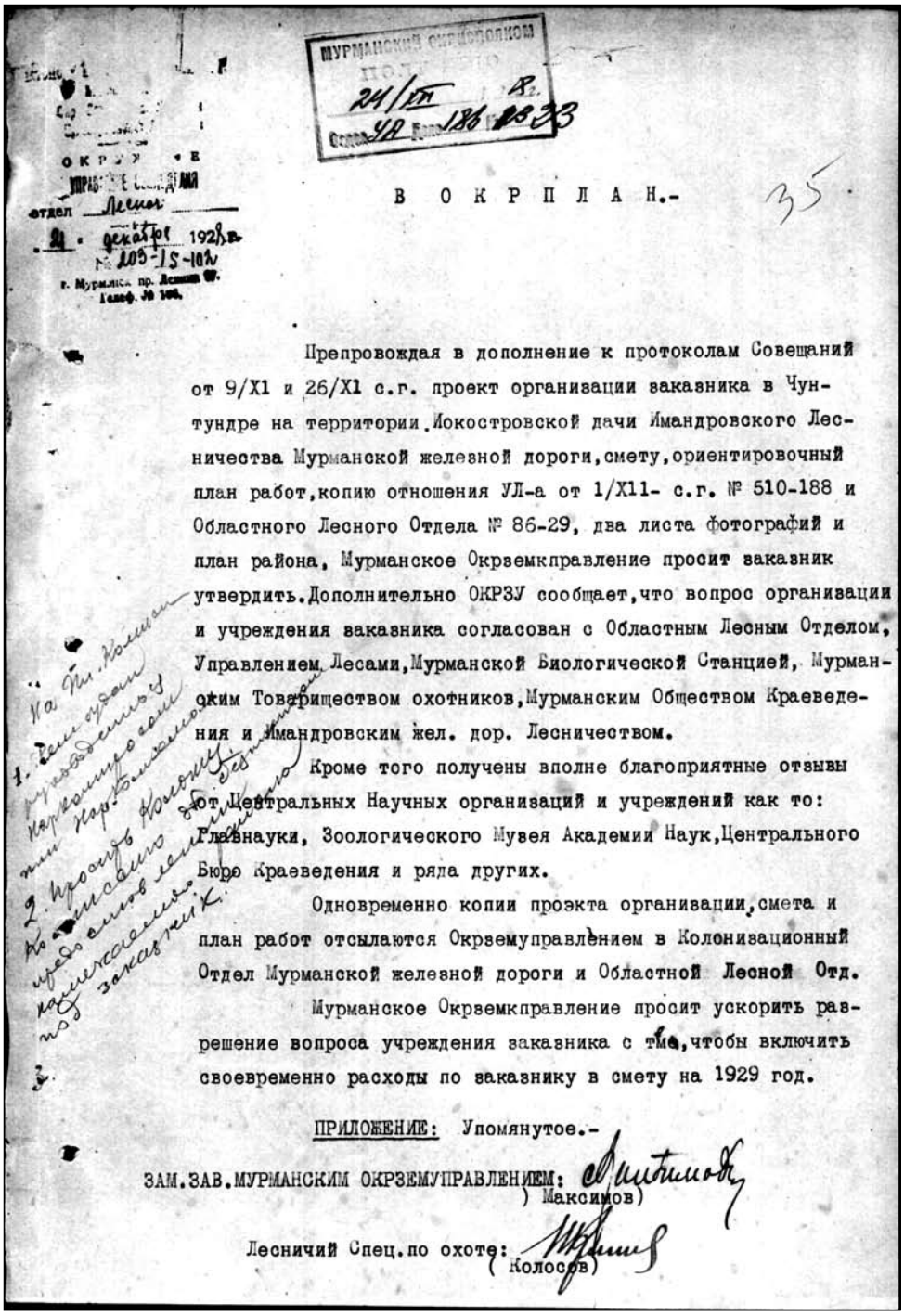
Дом-базу необходимо строить с таким расчетом, чтобы в нем можно было поселить заведующего заказником и одного сторожа. Кроме того, нужно иметь комнату под полевую лабораторию и для хранения полевых экспонатов и комнату для приезжающих. Постройка дома намечена в устье Верхней реки Чуна. Расстояние базы до ст. Хибины около 70 верст.

2. Постройка трех домов для трех сторожей по 2500–7500 руб.

Для размещения охраны намечена постройка домов в следующих пунктах: на Пиренгском озере, на восточном конце Чунозера, на Мончеозере или в Монче-губе.

Ввиду отдаленности этих пунктов от населенных мест и для создания хотя бы





МУРМАНСКИЙ СИРОТСКОЙ ПОЛК

24/IX

Отдел УЛ № 186 23

ОКРУЖ... УПРАВЛЕНИЕ ЛЕСАМИ

отдел Лесной

9. декабря 1928 г.

№ 209-15-102

г. Мурманск пр. Ленина 17. Телеф. № 108.

35

В ОКРПЛАН.-

Препровождая в дополнение к протоколам Совещаний от 9/XI и 26/XI с.г. проект организации заказника в Чунтундре на территории Мокостровской дачи Имандровского Лесничества Мурманской железной дороги, смету, ориентировочный план работ, копию отношения УЛ-а от 1/XII- с.г. № 510-188 и Областного Лесного Отдела № 86-29, два листа фотографий и план района, Мурманское Окрземкправление просит заказник утвердить. Дополнительно ОКРЗУ сообщает, что вопрос организации и учреждения заказника согласован с Областным Лесным Отделом, Управлением Лесами, Мурманской Биологической Станцией, Мурманским Товариществом охотников, Мурманским Обществом Краеведения и Имандровским жел. дор. Лесничеством.

Кроме того получены вполне благоприятные отзывы от Центральных Научных организаций и учреждений как то: Главнауки, Зоологического Музея Академии Наук, Центрального Бюро Краеведения и ряда других.

Одновременно копии проэкта организации, смета и план работ отсылаются Окрземуправлением в Колонизационный Отдел Мурманской железной дороги и Областной Лесной Отд.

Мурманское Окрземкправление просит ускорить разрешение вопроса учреждения заказника с тем, чтобы включить своевременно расходы по заказнику в смету на 1929 год.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Упомянутое.-

ЗАМ.ЗАВ.МУРМАНСКИМ ОКРЗЕМУПРАВЛЕНИЕМ: (Максимов)

Лесничий Спец.по охоте: (Колосов)

минимума необходимых для жилья удобств дома решено построить в две комнаты с кухней. Завозка строительных материалов (следует заметить, что заброска рабочих несколько удорожает стройку в отличие от обычных условий).

3. Оборудование домов (мебель: столы, стулья, кровати и т. д.) – 300 руб.

4. Приобретено 5 карбасов (лодок) по 50 рублей и 1 карбас в 100 рублей – 350 руб.

Приобретение пяти карбасов рассчитано из следующих соображений: один карбас с мотором будет курсировать по озеру Имандра до Нижней Чуны-реки, два карбаса будут находиться при доме заведующего и по одному карбасу у сторожей.

Мотор для карбаса на оз. Имандра – 400 руб.

5. Лошадь, седло и вьюк для поклажи – 450 руб.

Лошадь необходима для объезда заказника в летнее время и зимой для сообщения со ст. Хибины.

6. 20 упряжных оленей по 35 рублей – 700 руб.

Олени необходимы для зимних объездов стражи из расчета 5 оленей на одного сторожа.

7. Мелкий инвентарь, столярный и плотницкий инструмент (лампы, такелаж карбасов, приобретение лыж и т. п.) – 100 руб.

8. Оружие охране – 200 руб.

Охрану следует вооружить винтовками калибра 4,2 (системы Фролова) по 35 рублей.

9. Оборудование домов, мебель.

10. Застолбление границ заказника – 100 руб.

На границах заказника необходима установка столбов с указателями (на русском и финском языках) в количестве 50 шт.

11. Научное снаряжение: метеорологические приборы, гербарные сетки, анеройд-

высотомер, топографические принадлежности и т. п. – 500 руб.

12. Радиоприемник – 400 руб.

Приобретение и установка радиоприемника весьма желательно, ввиду оторванности от поселений и за отсутствием регулярных отношений.

13. Таборное снаряжение – 400 руб.

Для организации разъездов и экспедиций необходимо приобретение 2-х палаток, 2-х спальных мешков, 2-х малиц и 2-х брезентов для куокс.

Всего: 21.400 рублей.

Расходы эксплуатационные.

1. Жалование заведующему в месяц по 200 руб. – 2400 руб.

Заведующим мыслится человек с высшим образованием и научным стажем.

2. Жалование 4-м сторожам по 60 р. в мес. – 2.880 руб.

Охранники предполагаются из местного лопарского и русского населения (и оплата по 60 руб. в месяц ни в коем случае не является высокой!!!).

3. Соцстрах и отчисление в Профсоюз – 778 руб.

4. Содержание лошади и оленей (заготовка ягеля) – 660 руб.

5. Хозрасходы: канцелярские принадлежности, ремонт и др. – 400 руб.

В хозяйственные расходы включаются также: дрова, керосин для освещений и эксплуатация моторной лодки.

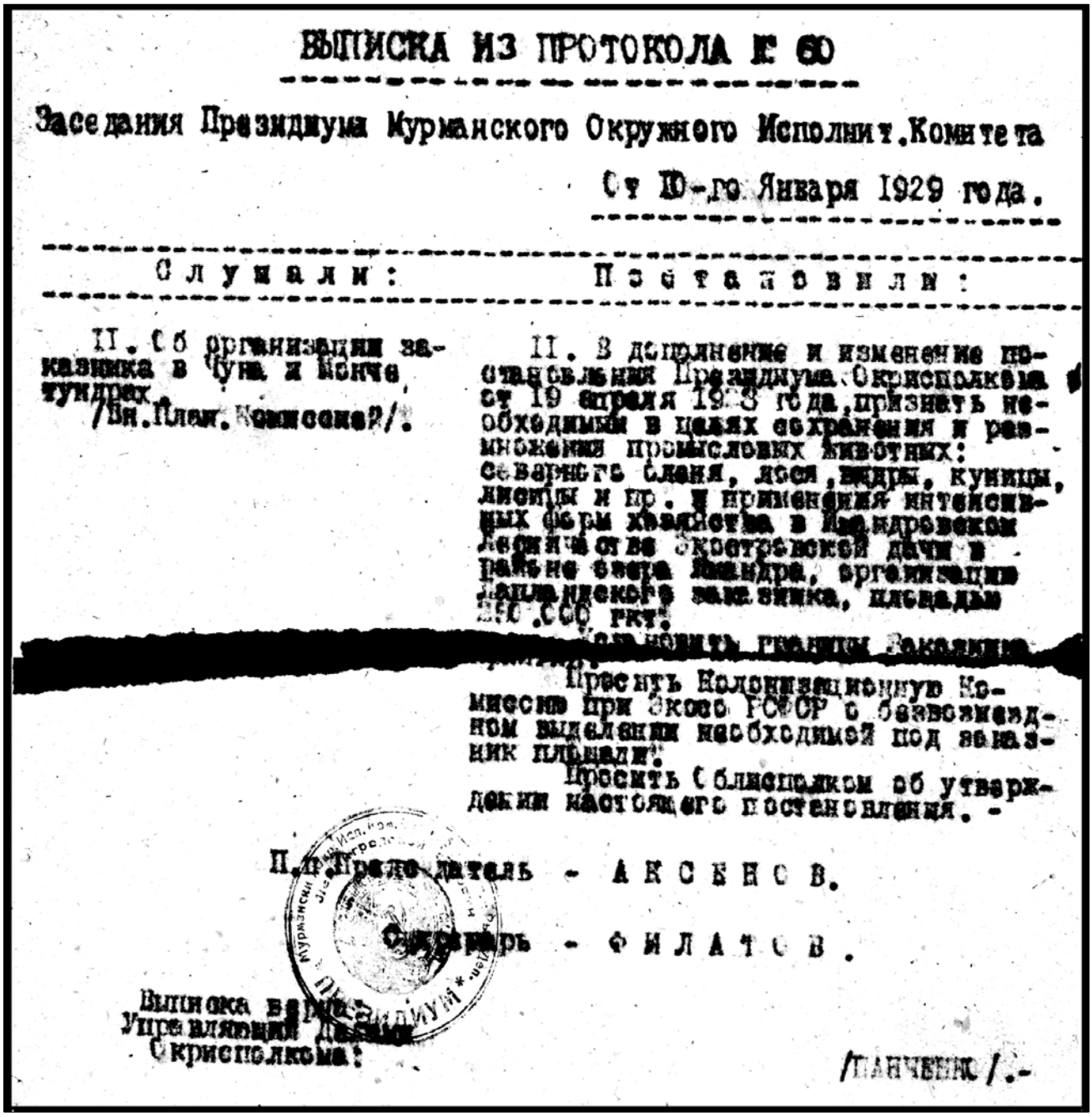
6. Спецодежда – 425 руб.

Спецодежда из расчета на одного человека, сапоги и валенки на 1 год, плащ и полушубок – на два года (стоимость сапог и полушубка 30 рублей).

Итого: 8043 рубля».

В протоколе заседания Мурманского окрисполкома от 23 декабря 1928 года в разделе «Постановили» было указано:

«1. В развитие постановления Президиума Окрисполкома от 15/IV-28 г. в целях сохранения и размножения промысловых животных северного оленя, лося, выдры, куницы, лисицы и др. и применения интенсивных форм хозяйства в Имандровском лесничестве



ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 60

Заседания Президиума Мурманского Окружного Исполнит.Комитета

От 10-го Января 1929 года.

Слушали: Постановили:

II. Об организации заказника в Чуна и Монче тундрах. /Вн.План. Комиссия?/.

II. В дополнение и изменение постановления Президиума Окрисполкома от 19 апреля 19[illegible]3 года, признать необходимым в целях сохранения и размножения промысловых животных: северного оленя, лося, выдры, куницы, лисицы и пр. и применения интенсивных форм хозяйства в Имандровском Лесничестве Экостровской дачи в районе озера Имандра, организации Лапландского заказника, площадью [illegible] .000 га:

[illegible] границы Заказника [illegible]

Просить Колонизационную Комиссию при Экоко РСФСР о безвозмездном выделении необходимой под заказник площади.

Просить Облисполком об утверждении настоящего постановления. -

П.п.Председатель - АКСЕНОВ.

Секретарь - ФИЛАТОВ.

Выписка верна:
Управляющий Делами
Окрисполкома: /ПАНЧЕНКО/.-

Йокостровской дачи в районе озера Имандры – признать целесообразным учредить заказник площадью в 250 тысяч гектар.

2. В дальнейшем заказник именовать – Лапландским.

3. Установить границы заказника в следующих пределах: просека между Экостровской и Бабинской дачами Имандровского лесничества от северного конца Нявка-тундры до озера Пиренга; с севера от западного конца Нявка-тундры по Урде-реке до Вайкес-озера; с востоку по границе леса Монче- и Чуна-тундр от Вайкес оз. до Чунозера; с юга по северному берегу Чунозера и Пиренгского озера до просеки между Экостровской и Бабинской дачами.

4. На территории заказника воспретить охоту и добычу зверей, птиц в течение круглого года – ответственность за нарушение по ст. 86, 1-й части Уголовного кодекса.

5. Охрану заказника возложить на лесную стражу и администрацию лесничеств.

6. Окрзу и его Лесному отделу предложить в срочном порядке провести в жизнь все намеченные мероприятия.

7. Возбудить ходатайство перед Облис-

полкомом о признании вышеуказанного заказника заказником областного значения.

8. Просить Колонизационную комиссию при Экосо РСФСР о безвозмездном выделении необходимой под заказник площади.

9. Означенное постановление внести на утверждение Президиума Окрисполкома».

И под конец длительной канцелярской волокиты 10 января 1929 года на заседании Президиума Мурманского окружного исполкома было утверждено постановление о создании Лапландского заказника в границах проектируемого заповедника. Вслед за этим Лесной отдел Мурманского окружного земельного управления принимает решение о рекогносцировочном обследовании территории проектируемого заповедника, особенно тундровой его части, преимущественно с целью выяснить наличие дикого северного оленя. Работа эта была поручена Г.М. Крепсу.

В первую очередь обследование касалось Мончеи Чуна-тундры – слитного горного массива около 50 км длиной и 10–15 км шириной. Подробной карты данного района еще не существовало, поэтому во многом приходилось полагаться на интуицию и везение. В качестве проводника Крепс пригласил одного из лучших местных охотников – саама Федора Архипова, сына знаменитого на весь Кольский полуостров Калины Ивановича Архипова, в домик которого захаживал сам «кайлес» Ферсман (в переводе с саамского – большой души человек).

В рукописи первой книги о Лапландском заповеднике в 1936 году Герман Крепс расскажет о первом учете диких оленей «с местным саамом Ф.К. Архиповым, прекрасным знатоком местности, ныне старшим наблюдателем охраны заповедника». Год спустя, в вышедшей книге «Лапландский заповедник» эти слова Крепса были изъяты. И не удивительно: 29 сентября 1937 года Архипов был уволен из заповедника «вследствие ареста органами НКВД», а спустя некоторое время по надуманным обвинениям и расстрелян.

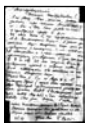
А тогда, в середине апреля 1929 года Крепс и Архипов на трех санях с десятью упряжными оленями и с протяжными саамскими песнями покинули берег Мончеозера:

Матери и красавицы,
Родные долины, матери оленей!
Вайа, вайа, пана, пана. Привет вам!
Вы, матери, напитайте досыта моих оленей.

Список иллюстраций к главе "Дорога к заповеднику"

Стр. 130 – Василий Алымов с сыном Сергеем (В.К. Алымов (1883–1938), исследователь истории, культуры и быта саамов Кольского края. С 1922 г. жил в Мурманске, работал заведующим статистическим бюро Мурманской губернии, директором краеведческого музея; был организатором и председателем Мурманского общества краеведения, а также председателем Мурманского комитета Севера. В 1938 году был незаконно репрессирован и расстрелян

Стр. 130 – Герман Крепс с дочерью Машей



Стр. 131 – письмо Г.М. Крепса В.К. Алымову о положении дикого северного оленя в Лапландии, 24 января 1928 г.

Стр. 132 – протокол общего собрания Мурманского общества краеведов, 21 марта 1928 г.

Стр. 133 – письмо Мурманского окрисполкома в Главнауку о выборе места заповедника в Лапландии, 30 апреля 1928 г.

Стр. 134 – проект организации Лапландского заповедника, 28 апреля 1928 г.

Стр. 135 – письмо Мурманского окружкома в Наркомат просвещения об организации Лапландского заповедника, 29 июня 1928 г.

Стр. 136 – письмо в Главнауку об отправке карты района будущего заповедника, 29 июня 1928 г.

Стр. 137 – проект Германа Крепса об организации заповедника на Кольском полуострове в журнале «Карело-Мурманский край»

Стр. 137 – обложка журнала «Карело-Мурманский край»

Стр. 138–139 – план заказника в Чуна-тундре (составитель Г.М. Крепс)

Стр. 140 – письмо Мурманского окрисполкома в Наркомат просвещения об организации Лапландского заповедника, 12 октября 1928 г.

Стр. 140 – письмо Наркомзема в Мурманский исполком, 6 ноября 1928 г.

Стр. 141 – протокол совещания по организации Чун-Тундровского заказника, 9 ноября 1928 г.

Стр. 142 – постановление о составлении сметы для организации заказника «Чуна-Тундра», 10 декабря 1928 г.

Стр. 143 – смета по организации Чун-тундрского заказника

Стр. 144 – предписание от Главнауки по определению границ Лапландского заповедника

Стр. 145 – «Важенка с олененком». Фото О.И. Семенова-Тян-Шанского, 1934 г.

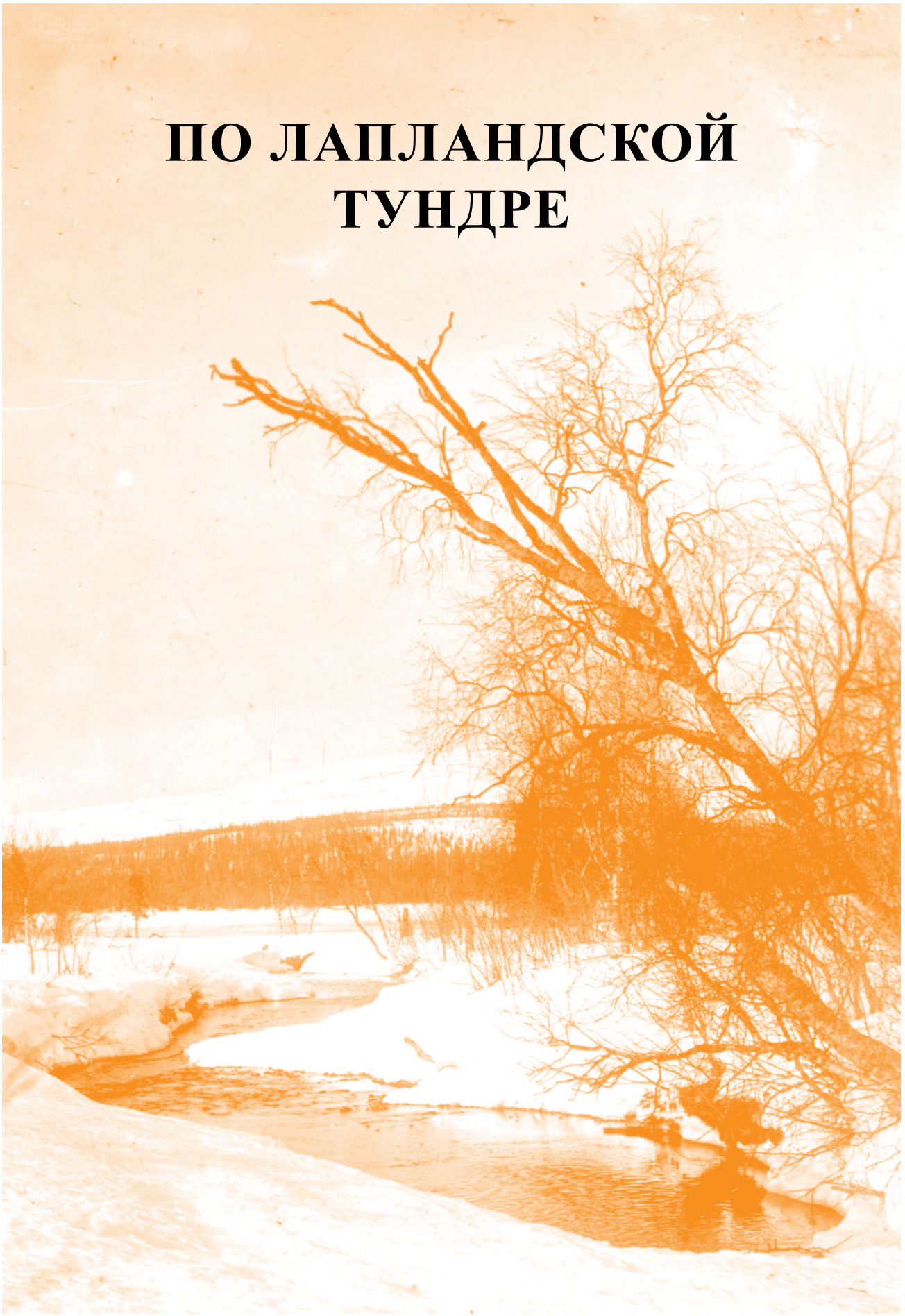
Стр. 146 – письмо Мурманского окрземуправления в Окрплан с просьбой утвердить заказник в Чуна-тундре

Стр. 147 – избушка в устье р. В. Чуна. На переднем плане саамская керёжка в дровами. Фото Г.М. Крепса, 1930 г.

Стр. 148 – выписка из протокола об организации заказника в Чуна и Монче тундре, 10 января 1929 г.

Стр. 149 – охотник-саам Федор Архипов со своей лайкой

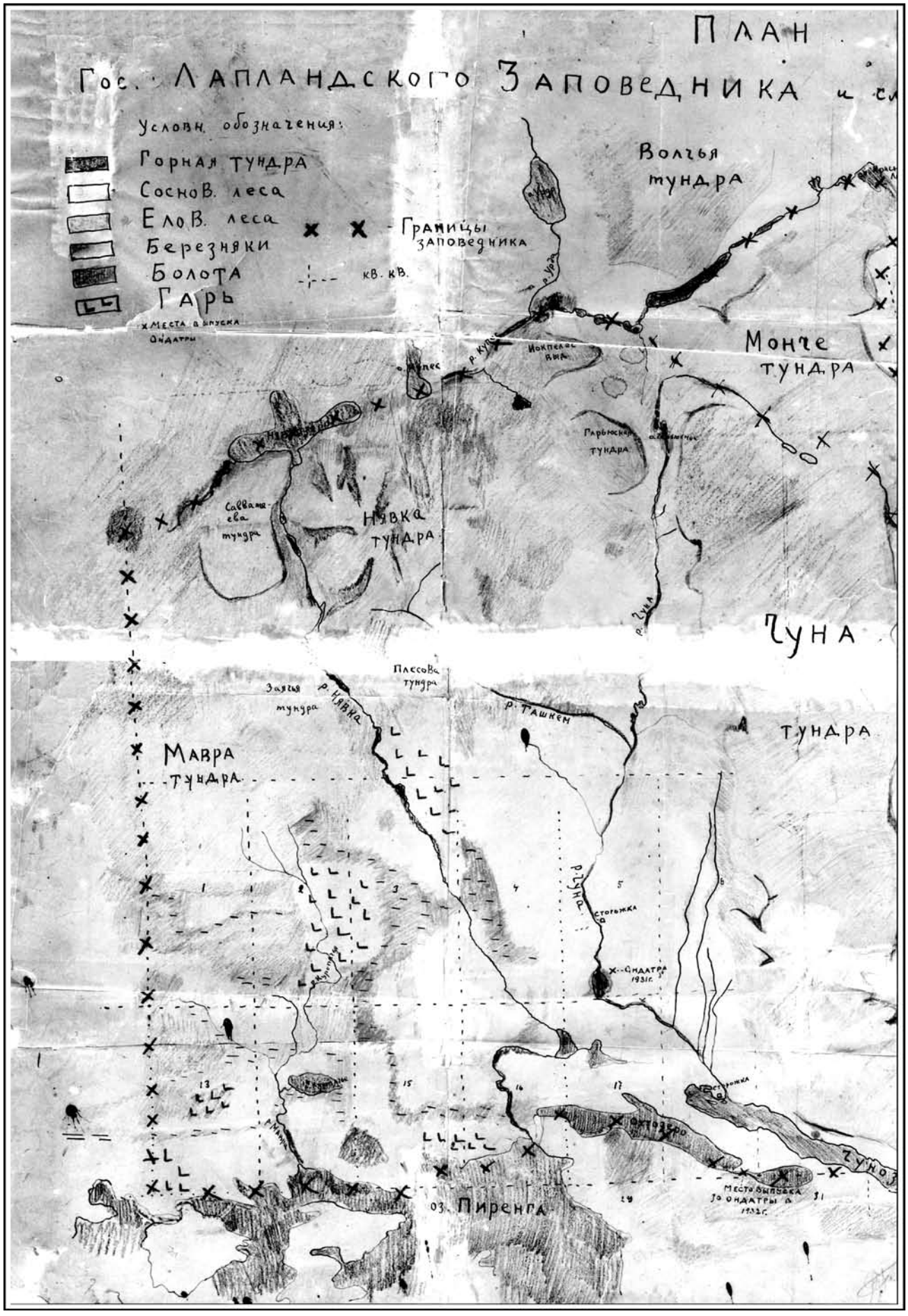
ПО ЛАПЛАНДСКОЙ ТУНДРЕ

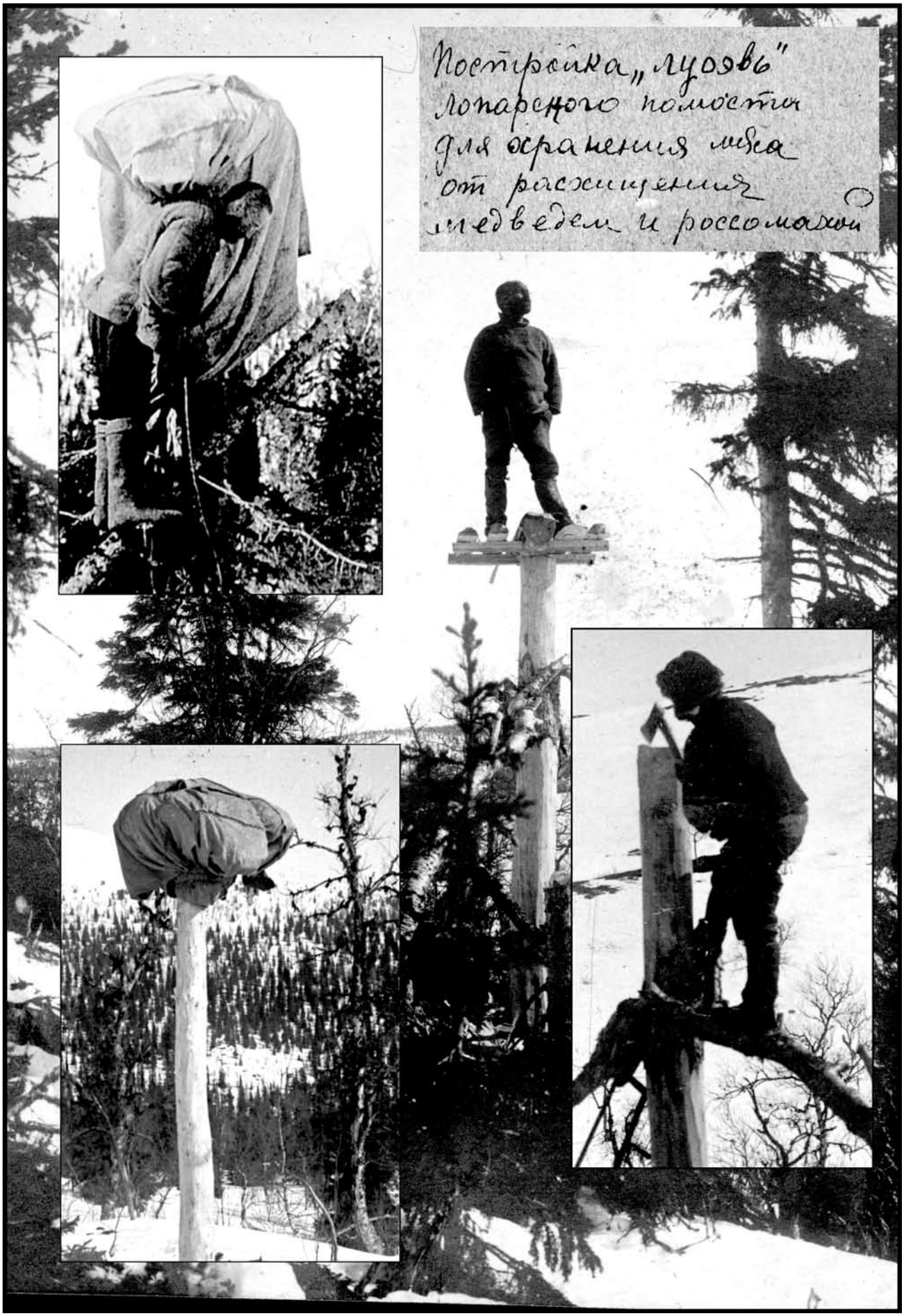


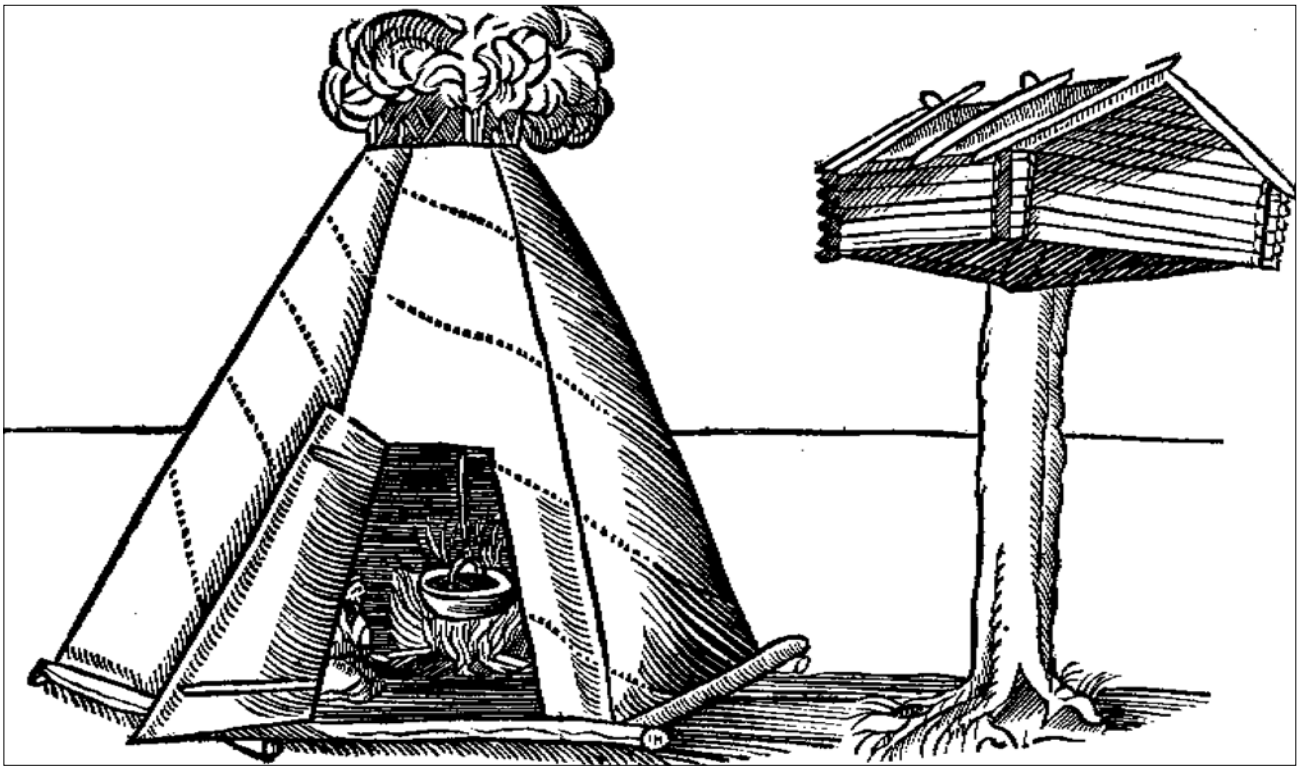
ПО ЛАПЛАНДСКОЙ ТУНДРЕ

Зима стояла во всей красе, и если в лесу признаки приближающейся весны были заметны глухариными токовыми набродами с их характерными частыми следами и бороздами от крыльев, то при подъеме в тундру все признаки весны исчезали: горы были одеты уплотненной морозами и сглаженной ветрами обледенелой снеговой коркой – настом, настолько твердым, что полозья саней почти не оставляли на нем следа.

Впереди на оленьей тройке ехал Федор Архипов, к саням которого была привязана вторая парная упряжка, шедшая под грузом. К этим саням сзади был привязан один тормозной олень, сдерживающий сани на раскатах и при спусках с гор. Крепс также ехал на тройке с одним тормозным. К полудню, проехав урочище Ен-лаг и не встретив оленей, путники решили перевалить через хребты, чтобы попасть в самую северную точку Монче-тундры – Луч-лаг и там поискать стадо. Залюбовавшись открывшейся панорамой, Крепс остановился, чтобы заняться фотографированием. Но вдруг он заметил, что ехавший далеко впереди его спутник резко изменил курс и покатил прямо вниз. Крепс стремительно бросился ему наперерез. Оказалось, что поперек пути Федор заметил совершенно свежие следы стада оленей. Животные прошли только что, и следовало соблюдать исключительную осторожность, чтобы, не напугав преждевременно стада, определить его численность и состав.


План
Гос. Лапландского Заповедника
Условн. обозначения:
Горная тундра
Сосн. леса
Елов. леса
Березняки
Болота
Гарь
Границы заповедника
кв. кв.
Места выпуска ондатры
Волчья тундра
Монче тундра
Гарьюская тундра
Савватеева тундра
Нявка тундра
Чуна
Плесова тундра
Заячья тундра
Мавра тундра
тундра
Стоянка
Ондатра 1931 г.
Оз. Пиренга
Место выпуска 30 ондатры в 1932 г.


Постройка „Луодъ"
Лопарского помостка
для сохранения мяса
от расхищения
медведем и россомахой



Прячась за деревья и камни, пробираясь кое-где ползком, наблюдатели приблизились к крайним кустам опушки. Шагов двести отделяло их от трех спокойно лежащих оленей. Остальное стадо было невидимо в кустах. Решили подождать, пока стадо поднимется. Прошло около часа. Наконец встал и отошел в сторону один молодой олень, за ним другой, важенка подобрала ноги и встала, повернувшись к замершим в кустах людям. Крепс сделал неосторожное движение фотоаппаратом – и тотчас все стадо было на ногах, а через несколько мгновений олени уже неслись по пологому склону и вскоре скрылись в тумане на вершине хребта Пуврнюн-чорр (пувр – загон для овец, самая высокая вершина Монче-тундры, 940 м).

№ 4—5 КАРЕЛО-МУРМАНСКИЙ КРАЙ 41

По Лапландской тундре

(Из дневника)

I.

Впереди на тройке оленей ехал мой спутник Федор, к саням которого была привязана вторая парная упряжка, шедшая под грузом. К этим саням сзади был привязан один тормазной олень, сдерживающий сани на раскатах и при спусках с гор. Я ехал также на тройке с одним тормазным.

Зима стояла во всей своей красе и, если в лесу признаки приближающейся весны были заметны в виде глухариных токовых набродов с их характерными частыми следками и бороздами от крыльев (мы как раз пересекали в одном месте ток), то при подъеме в тундру все признаки весны исчезли: начиная с нижней границы зоны, корявой березы (около 150 — 180 *м.* абс.) и кончая вершинами хребтов — горы были одеты уплотненной морозами и сглаженной ветрами обледенелой снеговой корой, настолько твердой, что полозья саней почти не оставляли на ней следа, а твердое копыто оленя, отпечатывавшееся обычно лишь в виде двух небольших дужек, иногда, по местному выражению, не писало вовсе.

Наконец, мы поднялись в зону березняков, склон становился все отложе и отложе, и перед нами открылся обширный и чистый Сопчер-лаг — слегка волнистая равнина, с востока и юга окруженная массивом Мончи, а с севера — связанная с Мончей высоким перевалом, так называемым Нитис-анг,—красивой тундрицей Нитис. Редкие березки чернели лишь в нижней части лага, резко выделяясь на фоне снега, весь лаг же совершенно безлесен. На выпуклых частях рельефа снег был так тонок[1] (сдут ветрами), что всюду из-под него просвечивал сочный светлый ягель, и мы решили дать отдохнуть оленям и покормить их. Часа через два мы тронулись дальше, перевалили через Нитис-анг (абс. высотою около 500 *м*) и взяли курс прямо на север вдоль восточных склонов Монче-тундры.

Уже с Сопчер-лага мы вступили в местность, где мы могли расчитывать встретить диких оленей или следы их пребывания, но тянувший уже несколько дней северный ветер заставлял предполагать, что если олени в настоящее время и имеются в Монче-тундре, то они должны держаться где-либо в северной ее части: олени имеют свойство двигаться на ветер. Одним из таких излюбленных дикими мест в Монче-тундре у местных охотников лопарей считается Ен-лаг (Материнский лаг) — обширнейший и очень чистый и ровный лаг, ограниченный с юга хребтом Пуврь-нью-чор [1], с запада — пиком Реут-чюкки [2] и широким ущельем Кымды-кор [3], а с севера хребтом, состоящим из 4 вершин, носящих название Кепер-уайвенч [4]. Наш путь туда и лежал.

Стало смеркаться, и мы, спустившись ниже, в зону хвойного леса, остановились в редком сосновом бору около маленького озерка, распрягли и спустили на ягель оленей, поставили куваксу, поужинали и, вновь облачась в малицы и дав догореть огоньку, повалились спать.

Утром мы опять поднялись на границу березы и продолжали свой путь.

[1] Бугристый нос.
[2] Пик режающего самца.
[3] Гремучее ущелье.
[4] Шапочная тундрица.

II.

До Ен-лага оставалось несколько километров, как вдруг поперек нашего пути мы заметили следы, правда, довольно старые, стада оленей.

Стадо не меньше 20 голов прошло широким, метров 50, фронтом, очевидно, никем не потревоженное. Несколько дальше мы нашли копальные места, усыпанные пометом и кусочками примерзшего к снегу ягеля и почвы. Дальше следы прекращались, тундра скрыла своих детей.

Река Чуна выше Гарьюсного озера.

К полудню мы прибыли наконец к Ен-лагу и, поднявшись на небольшой и крутой бугорок, принялись в бинокли осматривать его поверхность. Сильнейший ветер тянул по открытому чистому лагу, тучи бежали по небу, то скрывая, то открывая небо, вершины курились. Ветер не давал смотреть в бинокль, с шелестом неслась сухая поземка, глаза немилосердно слезились. Пристроившись среди камней, защищавших от ветра, мы тщательно осмотрели лаг: — он был пуст.

Решив перевалить хребты, попасть в самый северный лаг Монче-тундры, лежащий на западной ее стороне — Луч-лаг, и там поискать ушедшее у нас из-под носа стадо, мы двинулись по Ен-лагу, постепенно забирая кверху к хорошо знакомому перевалу Вуийм-нюатцк, или Вуиччи-нюатцкинч [1], как его иногда называют. Вдруг ехавший далеко впереди мой спутник (я задержался с фотографией) изменил курс и покатил прямо книзу,

[1] Проезжий перевал.

Всего оленей было двадцать шесть. Острые глаза Федора различили восемнадцать важенок, двух ирвасов (самок и самцов северного оленя), четырех телят и прибившихся к стаду двух домашних быков.

Когда путники вернулись к упряжкам, начало смеркаться. Спустившись ниже, в зону хвойного леса, остановились около маленького озерка. Распрягли и пустили на ягель оленей, поставили куоксу, поужинали и, вновь облачившись в малицы, улеглись возле огонька.

– А что, всегда олешки-то были такими пугливыми, – задумчиво спросил Крепс своего спутника, – были ведь и другие времена?..

– Да, были… – бодро начал Федор и тут же замолк. После некоторого молчания и с некоторым уже смущением, рассказал он Герману одну из охотничьих историй двадцатилетней давности. Однажды со своим другом Захаром встретили они примерно в этих же местах тысячное стадо оленей. Условия для охоты были идеальными. Ветер дул сверху, с юго-запада. По долине вдоль хребта Чинглис-корр они въехали прямо в середину стада и открыли огонь. Олени, не замечая охотников (которые прикрывались своими домашними оленями) и пугая друг друга, бестолково метались по кругу, даже не пытаясь убежать. Охотники убили тогда тридцать пять оленей.

– Времена были молодые… чудили мы тогда в азарте, – грустно закончил свой рассказ Федор. – Давай уже спать, Герман,

вот, только, подтолкни-ка смольё к огню поближе. Слышь, как деревья-то скрипят? Не замерзли бы…

Утром мороз достиг сорока градусов. Обновленная свежей порошей тундра сверкала на солнце золотом и лазурью. Пришлось надеть темные очки-консервы. С вершин путникам открывался прекрасный вид на обширный лесной суземок бассейна рек Чуны и Нявки. Обогнув Чингльс-корр, они поднялись на плоский хребет Коттичорр и осмотрели Коаз-лаг, разделяющий Монче- и Чуна-тундры. Но, ни оленей, ни их следов не было видно.

К вечеру погода начала портиться, пошел мелкий снежок, а ночью куокса уже еле выдерживала бешеный натиск метели. На следующий день, несмотря на шквалистый, со снежными зарядами ветер, Крепс решил, не теряя времени, перевалить через хребты. Чем выше путешественники поднимались в горы, тем сильнее становился ветер. На перевале воздух превратился в сплошной снежный хаос, но предстоял еще нелегкий спуск. Олени, на которых то и дело налетали грузовые сани, старались бежать как можно быстрее, а несчастный тормозной бык, коротко привязанный сзади и изо всех сил упиравшийся всеми четырьмя ногами, то падал на бок, то снова вскакивал и с обезумевшими, вылезшими из орбит глазами имел вид фантастического олицетворения ужаса. Сани постоянно переворачивались, олени, перескакивая через тягловые ремни, сплетались в клубок, и приходилось, развернув упряжку поперек склона, распутывать их и вновь нестись дальше.

Взмокшие от пота и набившегося в малицы снега, уставшие не меньше оленей, путники очутились наконец на пологой части склона. С большим трудом они поставили куоксу и расположились на ночлег. Весь следующий день путники были вынуждены просидеть в своем убежище, проводя время за разговорами около уютного очага.

Нужно сказать, что Крепс, и сам не скупой до рассказов, никогда не упускал случая послушать бывалого охотника-саама. Устное народное творчество многие века было единственной «книгой» древнего народа Лапландии. Истории, которые саам слышал от отца или деда, он раскрашивал уже собственными дополнениями. Совершенно необыкновенными становились

тогда рассказы о коварном медвежонке Талашке, крадущем малых ребят, или еще более загадочные истории о сейдах – «летучих камнях» лопарей. Но больше всего Крепса интересовали бывальщины о диком северном олене, а также легенды о Мяндаш-пырре – Человеке-Олене с золотыми рогами. И он всегда с удовольствием слушал своего спутника, каждый раз удивляясь: сколько же различных названий получал северный олень за время своей жизни.

«Дикий олень саамы называют коонь, коаньд или коонь-аак, – записывает Крепс в дорожный блокнот. – Олень домашний – пуадз, бык – пуадз-еррик, важенка – аллд пуадз-сервис, новорожденный олененок – вуаззынч… Теленок седьмого года – ныммлуоньтык…»

– Было время, когда люди и звери дру-у-жно жи-и-ли на нашей земле, – растягивая слова на гласных, неторопливо начинает свою очередную ловту (повествование) Федор. – В гости друг к дружке ходи-и-ли, даже сватов засыла-а-ли.

А случилось как-то старику со старухой младшую дочь замуж выдавать. Пришли женихи: Ворон черный, Тюлень морской и Олень северный – Мяндаш-пырре. Выбрала дочка Мяндаша. И ушли они под Синие горы свой дом строить. Прошло время, и решили старики проведать молодых. День идут и ночь идут. Пришли в бор сосновый, что под Синими горами. А в бору и ночью от серебристого ягеля светло как днем. Видят – вежа стоит, а вокруг нее детишки бегают, в оленей играют. На головах, как у чирмиков, рожки маленькие. Увидели они стариков и закричали: «Мама, мама, дедушка с бабушкой в гости пришли!» Вышла из вежи дочка – красивая, румяная, в новом платье. Накормила стариков, напоила, стала в лес собираться за ягодами и говорит родителям: «Если дети шкуры, на которых спят, намочат, вы их сушить на дверь не вешайте. Нельзя мокрые шкуры на солнце сушить, не любит этого мой муж Мяндаш-пырре – Олень северный». Сказала так и ушла.

А жена старика своими обычаями жила, чужие нравы не уважала. Взяла да

и повесила мокрые шкуры сушиться на дверь. Вернулся из тундры Человек-Олень, Мяндаш-пырре, хотел дверь открыть, а на него пахнуло запахом сырых шкур.

Северный олень не переносит этого запаха. Кинулся он прочь от вежи и крикнул жене на прощание: «Видно, плохо тебе со мной живется, ухожу я в дикие олени и больше никогда не вернусь!» И все его дети обернулись теленками-чирмиками и убежали вместе с отцом-ирвасом в тундру.

С тех пор дикие живут отдельно от людей, а люди отдельно от диких, – невесело улыбаясь, закончил сказку Федор. – А коль стариной интересуешься сильно, – кивнул он на раскрытый блокнот Германа Михайловича, – нужно тебя с хозяйкой моей поближе познакомить: на Монче она большая мастерица ловты на свой лад сказывать – не то, что я!

Через несколько дней, обследовав западные склоны хребтов Намлаг-чорр и Райнен-чорр и не обнаружив ни одного стада, путники отправились к урочищу Суэнь-лаг. По словам Федора, Суэнь-лаг у охотников-лопарей издавна считался местом, излюбленным дикими оленями во все времена года.

Около полудня путники уже подъезжали к восточным склонам Чуна-тундры. Снега здесь было значительно меньше, чем на западных склонах, всюду чернели обнаженные камни, а ниже по склону и в долине протаяли пятна ягельников – корму даже зимой здесь было в изобилии. Только было приготовились они спускаться, как наметанный глаз Федора заметил движущихся в их сторону диких оленей. Вооружившись биноклем, Крепс убедился, что это было, несомненно, новое стадо: особенно приметной была одна совершенно белая крупная важенка, всего же в стаде они насчитали девятнадцать голов. Важенка, наконец, почуяла опасность и моментально бросилась за ближайший каменный выступ, а вслед за ней по долине на север понеслось все стадо.

Незаметно пролетела еще одна неделя. Было обнаружено еще два небольших стада.

Всего же с начала путешествия было учтено девяносто пять голов диких северных оленей да четыре прибившихся к ним домашних – и это все, что осталось от многочисленных стад «дикарей», некогда населявших этот район Кольского полуострова.

Поскольку в задачу Крепса входило также проведение учета и других животных, главным образом лося и куницы, а наста для езды на оленьих упряжках в лесу еще не было, решили предпринять небольшую лыжную экскурсию в долину реки Чуны.

Привязав оленей пастись возле куоксы и взяв продуктов на пару дней, ранним утром 1 мая путники на лыжах отправились по горному склону на запад. Скоро они вошли в ельник, и сразу же начали попадаться следы белки, куницы, росомахи. Особенно радовали Крепса многочисленные свежие следы лосей.

Стало припекать солнце, и путешественники предполагали дойти до реки Чуны и отдохнуть в полуденные часы. Вдруг их путь пересекла совсем свежая лыжня. Приглядевшись, они отметили, что след в след прошли два человека. Лыжный след вывел их к реке. И глазам опытных следопытов открылась недавно разыгравшаяся здесь настоящая трагедия.

Стадо лосей жировало на малоснежном льду реки. Охотники-браконьеры, зайдя с двух сторон, убили нескольких животных. Внезапно атакованные на реке, лоси безуспешно пытались найти спасение в лесу, но, застигнутые в глубоком снегу, были безжалостно убиты.

Крепс принимает решение тотчас же пуститься в погоню. По следу лыж и кованых полозьев саней Федор узнал в охотниках лопарей Бабинского погоста, а на основании целого ряда весьма остроумных соображений предположил, кто они были персонально. Пробежав еще несколько километров по реке, они увидели, что следы свернули в лес. А вот и недавняя стоянка охотников – костер еще дымился. Отмахав третий десяток километров, усталые, они решили раздуть огонь, выпить чаю, немного подкрепиться и тогда уже продолжать преследование.

Миновав небольшое озеро, в промоине которого беспечно плавала пара лебедей, Крепс и его спутник вышли к Пиренгскому озеру. По льду идти было легче, но вскоре следы вывели на лесовозную дорогу и здесь окончательно потерялись. Тогда Федор предложил заехать к знакомому лопарю, живущему на другом берегу озера. К вечеру

они уже подходили к избушке лопаря Павла Черного. Рядом с избой около небольшого амбарчика стояло несколько саней, возле которых суетились люди. В санях оказались лосиные туши, прикрытые шкурами. Упираться охотникам было бессмысленно. Нелегким был разговор. Крепс выяснил, что совсем недавно браконьерами в районе Чуна-тундры было убито не менее двадцати оленей и десяти лосей.

13 мая невеселые следопыты достигли Мончи. Результаты переписи оленя оказались плачевными. В горах они нашли несколько групп диких оленей, всего девяносто голов, не считая четырех одичавших домашних оленей. Добрые у Крепса, а у Федора и родственные отношения с охотниками были сильно подорваны.

Почти в одно и то же время с Крепсом известный художник и путешественник Е.Ф. Бартольд (составитель путеводителей по Карелии и Кольскому полуострову; арестован и расстрелян в 1938 г.) проводит десятидневную (с 13 апреля по 3 мая) поездку по территории будущего заповедника.

Представляет интерес краткий отчет об этой поездке Бартольда:

«Получив предложение профессора Б.М. Житкова съездить в проектируемый Лапландский заповедник для ознакомления с зимним режимом района Чуна-тундры, я 13 апреля прибыл на станцию Хибины Мурманской железной дороги. Получить какие-либо планы или сколько-нибудь точную карту местности, где предполагается организация заповедника, мне не удалось, так как таковых не существует. Проводившееся в 1928 году лесоустройство в пределах Имандровского лесничества захватило лишь самую южную окраину проектированной территории заповедника. Выяснилось также, что в районе Чуна-реки и тундр Монче и Волчьей никто еще маршрутной съемки не производил. На Полярной сельхозстанции мне дали Гипсометрическую

карту Лапландии Рихтера, наиболее точная из всех сегодняшних карт в области заповедника, составлена на основании расспросных сведений, полученных от немногих саамов, бывавших в этом районе.

Наняв на станции лошадь, 16 апреля я переехал через озеро Имандру на Вите-губу, где решил устроить свою базу. В самой глубине Вите-губы Имандровское лесничество построило осенью прошлого года небольшой домик для остановок участников экспедиций на время обследования северной, восточной и центральной частей заповедника. Кроме того, лесничество имеет возможность по договоренности на своей моторной лодке возить сюда продовольствие и почту. И еще одно большое удобство: рядом в одном километре, при устье реки Вите, находятся угодья саама Василия Сарванова, у которого всегда можно купить свежей рыбы. А дичи кругом достаточно, чтобы всегда иметь запас свежего мяса.

Из избушки на Вите-губе я перевез свои вещи дальше к северу, вверх по Вите-реке, где около второго Вите-озера есть избушка лесорубов, откуда я и совершал свои экскурсии. Воспользовавшись установившейся хорошей погодой, я на лыжах отправился по долине Вите-реки на север с целью перейти через Чуна-тундру и спуститься в долину Чуна-реки. Лес, растущий в долине Вите-реки, местами тронут лесозаготовками (до 3-го Вите-озера), поэтому здесь крупного зверя нет, в изобилии встречаются лишь птицы – глухари и белые куропатки, да местами, где больше березняка с елью и ольхой, рябчики. Довольно много белки, держащейся в этом году исключительно еловых насаждений, горностая; изредка попадаются следы ласки (редкой вообще в Лапландии). На Вите-реке живут выдры, как мне удалось впоследствии выяснить – две пары, очень крупные и ценные. За третьим Вите-озером, там, где лес еще не тронут, довольно много куницы, особенно в местах, где больше белки. В обширной заросшей лесом котловине за четвертым Вите-озером пушного зверя еще много, – тут попадаются и следы лисиц и росомах, очень часто следы куниц и выдр. Обилие зверя в этой части леса объясняется, скорее всего, его нетронутостью (сюда очень редко кто заходит).

После долины Вите-реки и перевала через Чуна-тундру (высотой около 500–600 метров над уровнем моря) открывается вид на долину Чуна-реки и на Нявку-тундру. Здесь наиболее интересный район будущего заповедника, так как именно в верховьях Чуна-реки и по Нявка-тундре держатся зимой дикие олени. Следы их попадаются часто, но за неимением бинокля и за невозможностью по следам установить хотя бы приблизительно количество проходивших животных (снег на тундре местами сдут, местами так крепко сбит ветром, что олень идет, не оставляя следа), установить число голов в кочующем здесь стаде мне не удалось. Во всяком случае, речь идет о несколь-

ких десятках обитающих здесь оленей.

Спуск с перевала к Гарюсному озеру очень отлогий и летом легко проходим, но зимою идти на лыжах здесь очень трудно, мешают камни, торчащие из-под снега, а там, где снега больше, совершенно нет наста и лыжи глубоко уходят в снег. В долине Чуна-реки растут обширные леса, местами еловые с примесью березы, местами (ближе к границе леса и по старой гари) чисто березовые; ниже по течению есть и ягельные сосновые боры. Определить точно моховой покров в лесу не представлялось возможным, так как проталин еще не было, а докопаться до земли без инструментов невозможно, – снеговой покров достигает местами двух метров.

Животный мир долины Чуна-реки в общих чертах такой же, что и на Вите-реке, но количество зверя и птицы больше. В березовых насаждениях, в отличие от Вите-реки, здесь встречаются лоси (следов, правда, мало и не особенно свежие) и тетерева, на Вите-реке не живущие. Закрытая со всех сторон, кроме южной, горами долина Чуна-реки вообще производит впечатление более богатой, как в смысле растительности, так и в смысле животного мира, чем долина Вите-реки.

На берегу Гарюсного озера, там, где из него вытекает река Чуна, удобно устроить базу для летней экспедиции (вежу и склад продовольствия), так как путь летом отсюда до базы на Вите-реке займет не меньше суток, путь же до ближайшего жилья (на север – Монче-губа, на юг – Бабинский погост) намного длиннее. База на Гарюсном озере будет удобна и в том отношении, что отсюда, как из центра, легко детально обследовать юго-западные и западные отроги Монче-тундры, западные склоны Чуна-тундры и всю Нявка-тундру.

Во время дальнейших экскурсий по Чуна-тундре мне удалось обнаружить еще одно место обитания оленей: это долина, образуемая правым верхним притоком Вите-реки (речка не имеет названия). В самых верховьях речки держится стадо оленей, голов в десять, но, судя по условиям местности, здесь оленей может быть и больше, так как на тундре ягель встречается часто. Отсюда сравнительно легкий подъем

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.)

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б)

№ 31 (6637) | 1 февраля 1936 г., суббота | ЦЕНА 10 КОП.

В Мурманском округе находится самый северный заповедник Советского Союза — Лапландский. В нем водится дикий северный олень, лось, медведь, куница, лебедь и другие звери и птицы. Площадь заповедника огромна—около 130.000 га. Зимою средствами сообщения в нем служат только домашние северные олени или лыжи. **На снимке:** работник охраны **Ф. К. Архипов** с ездовыми оленями. Фото О. Семенова Тян-Шанского.

на гребень Чуна-тундры, по которому не больше дня хода до южной части заповедника к Чунозеру. Отсюда же легко пройти к глубокому озеру в верховьях реки Курки, служащей постоянным местом летнего пребывания стад лосей.

На обратном пути по склонам Чуна-тундры, в местах более скалистых, в особенности у глубокого ущелья, вдающегося в северную часть Чуна-тундры, я встретил следы песцов. Но много ли здесь песца, выяснить было невозможно по причине постоянно дующих здесь ветров, моментально заносящих всякий след. Леммингов нигде на тундрах нет. Но, по словам саамов, его было очень много лет пять тому назад. Этим объясняется и сравнительно незначительное количество песцов.

В последних числах апреля лыжный путь, и без того плохой, стал еще хуже. Днем на солнце таяло, снег не выдерживал тяжести человека, а по ночам, несмотря на сильные заморозки, наст не образовывался. Однако мне удалось пройти по склонам

Монче-тундры мимо перевала на Мончереку и по Волчьей тундре до верховьев Нявки-реки и до границы леса, откуда открывается вид на Нявка-озеро и тундру Нявку. Здесь мне пришлось повернуть назад к Вите-реке, так как лыжный путь окончательно испортился, подул теплый южный ветер с мокрым снегом, и мне с большим трудом удалось дойти до своей базы. Следов оленей здесь мало, ягельники, не покрытые снегом, съедены, а под снегом доставать корм оленю слишком трудно. Вероятно, поэтому стада откочевали отсюда куда-то на новые пастбища.

Обследовать южную, лесную и низменную часть заповедника мне не удалось за недостатком времени и за неимением средств для переезда с Вите-губы на Бабинский погост, откуда только и можно пройти на лыжах в заповедник, да и оленей в этом районе сейчас нет, все стада держатся в горной (северной) части заповедника. Летом обследовать южный участок удобнее из Бабинского погоста, куда можно переехать озером из Хибин и с нижнего Чалм-озера, где имеются избушки лесорубов, могущие служить базой для экспедиции. Летом в лесах между нижним течением рек Нивы и Нявки, вероятно, будут держаться и стада оленей, и большая часть лосиных стад, в настоящее время (апрель-май) ушедшая от глубоких снегов на вараки.

Сильно задержавшаяся весна (весенние явления наблюдаются в Лапландии в этом году с опозданием недели на две) не позволила выяснить количество водяной птицы, гнездящейся на озерах в пределах заповедника. В конце апреля прилетели только лебеди, постоянно гнездящиеся как на Вите-озерах, так и на озерах, образуемых другими реками. Из отряда воробьиных в пределах заповедника зимою живут лишь кукши, щуры и синицы. В начале мая еще не прилетали на места гнездовий даже такие ранние птицы, как лапландский подорожник и свиристель, хотя лапландские подорожники уже в апреле целыми стаями держались около жилья в поселке Хибино».

Данные Бартольда позволили Крепсу составить более точную карту заповедника с описанием удобных путей перехода из одной части заповедника в другую. Были отмечены и новые места обитания диких оленей, а также расширены сведения о количестве пушного зверя и промысловой птицы в районе будущего заповедника.

Весна на Чунозере.
Островок против устья р. Чуны

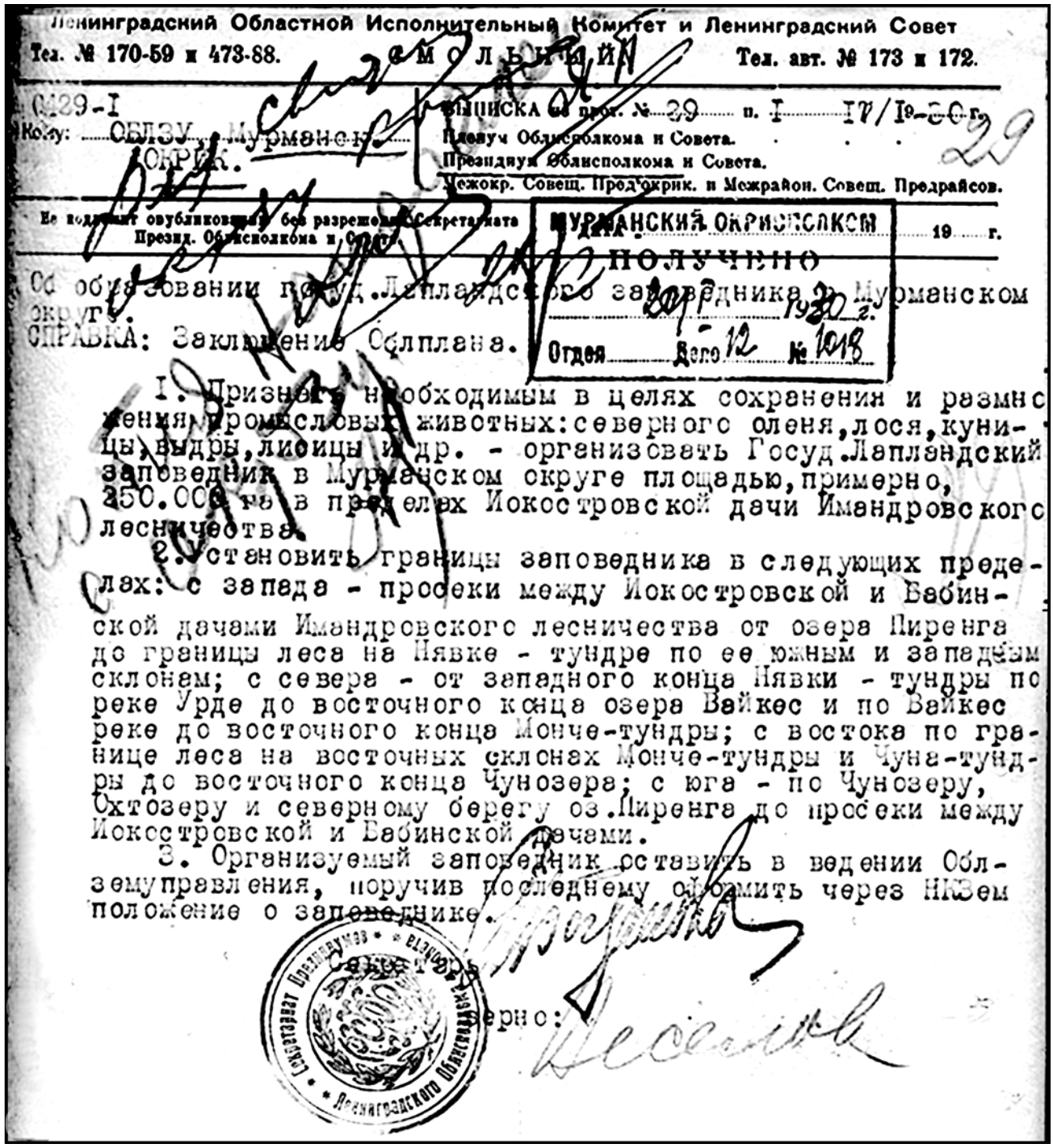
Дом Лапландского Заповедника на Чунозере

Вид на Чунозеро с запада

Кувакса под Сопгер-лагом.
Задний план Монче тундра

Монче тундра. Вид с Лойпишнюна на О.

Боры под Мончей. В тяжелом снегу.



Ленинградский Областной Исполнительный Комитет и Ленинградский Совет

Тел. № 170-59 и 473-88. СМОЛЬНЫЙ Тел. авт. № 173 и 172.

0429-I

Кому: ОБЛЗУ, г. Мурманск. ОКРИК.

ВЫПИСКА из прот. № 29 п. I IV/IX-30 г.

Президиум Облисполкома и Совета.

Президиум Облисполкома и Совета.

Межокр. Совещ. Предокрик. и Межрайон. Совещ. Предрайсов.

Не подлежит опубликованию без разрешения Секретариата Презид. Облисполкома и Совета.

МУРМАНСКИЙ ОКРИСПОЛКОМ ПОЛУЧЕНО 19 г. Отдел Дело 12 № 1018

О образовании Госуд. Лапландского заповедника в Мурманском округе.

СПРАВКА: Заключение Облплана.

I. Признать необходимым в целях сохранения и размножения промысловых животных: северного оленя, лося, куницы, выдры, лисицы и др. - организовать Госуд. Лапландский заповедник в Мурманском округе площадью, примерно, 250.000 га в пределах Иокостровской дачи Имандровского лесничества.

2. Установить границы заповедника в следующих пределах: с запада - просеки между Иокостровской и Бабинской дачами Имандровского лесничества от озера Пиренга до границы леса на Нявке - тундре по ее южным и западным склонам; с севера - от западного конца Нявки - тундры по реке Урде до восточного конца озера Вайкес и по Вайкес реке до восточного конца Монче-тундры; с востока по границе леса на восточных склонах Монче-тундры и Чуна-тундры до восточного конца Чунозера; с юга - по Чунозеру, Охтозеру и северному берегу оз. Пиренга до просеки между Иокостровской и Бабинской дачами.

3. Организуемый заповедник оставить в ведении Облземуправления, поручив последнему оформить через НКЗем положение о заповеднике.

Секретарь

Верно:

Секретариат Президиума Совета Ленинградского Облисполкома

Летом все того же 1929 года в Заимандровских тундрах работала обследовательская партия Ленгосторга, возглавляемая Э.П. Тизенгаузеном и имевшая целью определить пригодность водоемов бассейна озера Имандры для поселения ондатры. Исследователи подтвердили исключительную пригодность этой территории для организации заповедника и большое разнообразие и красоту ее ландшафтов. Важную роль деле организации заповедника сыграли публикации в «Полярной правде» и «Кировском рабочем» директора ПОСВИРа И.Г. Эйхфельда, профессора Б.М. Житкова, имандровского лесничего П.Я. Ромина и др.

Немалую помощь в составлении первой карты заповедника оказал Крепсу его друг – географ Г.Д. Рихтер. Географический отряд Кольской экспедиции Академии наук под его руководством провел топографическую съемку восточного района Чуна- и Монче-тундр (Крепс также принял участие в этой экспе-

диции в качестве геоботаника и фотографа). На северо-западной границе Монче-тундры экспедиция неожиданно обнаружила обширную магнитную аномалию. Собранные Рихтером и Крепсом образцы местных пород были переданы академику Ферсману. Не вдаваясь в подробности геологоразведочных работ 1931–1932 годов, приведших к открытию медно-никелевого месторождения и основанию города Мончегорска, скажем лишь, что уже более 85 лет в Монче-тундре успешно развивается крупнейший в нашей стране центр цветной металлургии.

Подготовительные мероприятия, согласование с лесным ведомством и Колонизационным отделом правления Мурманской железной дороги, в отвод которой входила территория организуемого заповедника, заняли последние месяцы 1929 года.

17 января 1930 года Ленинградский облисполком по представлению лесного отдела ОБЛЗУ вынес постановление об организации Лапландского заповедника, поручив земельному управлению оформить его в Наркомземе.

В Мурманск было направлено заключение Облплана следующего содержания:

«1. Признать необходимым в целях сохранения и размножения промысловых животных: северного оленя, лося, куницы, выдры, лисицы и др. – организовать Государственный Лапландский заповедник в Мурманском округе площадью, примерно 250.000 га в пределах Йокостровской дачи Имандровского лесничества.

2. Установить границы в следующих пределах: с запада – просеки между Йокостровской и Бабинской дачами Имандровского лесничества от озера Пиренга до границы леса на Нявке-тундре по ее южным и западным склонам; с севера – от западного конца Нявки-тундры по реке Урде до восточного конца озера Вайкес и по Вайкес-реке до восточного конца Монче-тундры; с востока – по границе леса на восточных склонах Монче-тундры и Чуна-тундры до восточного конца Чунозера; с юга – по Чунозеру, Охтозеру и северному берегу озера Пиренга до просеки между Йокостровской и Бабинской дачами.

3. Организуемый заповедник оставить в ведении Облземуправления, поручив последнему оформить через НКЗем положение о заповеднике.

Печать Секретариата Президиума Ленинградского облисполкома и Совета.

Подпись: Богданова».

Наркомзем отпустил небольшие средства для строительства жилья и лесоустройства. Правление Мурманской железной дороги выделило строительный лес.

Первым директором заповедника назначается Герман Михайлович Крепс.

Список иллюстраций к главе "По Лапландской тундре"

Стр. 152 – на учете диких северных оленей, 1930 г. Фото Г.М. Крепса

Стр. 153 – левая часть карты Лапландского заповедника (правая утрачена), составленная Г.М. Крепсом

Стр. 154 – «Постройка "луоэвь" лопарского помоста для хранения мяса от расхищения медведем и росомахой» – запись Г.М. Крепса под приведенными фотографиями в его альбоме

Стр. 155 – лопарская куокса и амбарчик для хранения мяса в лесу (из книги И. Шеффера «Лаппония», 1673 г.)

Стр. 155 – «Избушка на курьих ножках» (лопарский амбар) на территории Лапландского заповедника. Фото О.И. Семенова-Тян-Шанского

Стр. 156 – страница из журнала «Карело-Мурманский край» со статьей Г.М. Крепса «По Лапландской тундре», 1929 г.

Стр. 156 – походный лагерь Г.М. Крепса во время первого учета диких северных оленей в апреле 1929 г.

Стр. 157 – Г.М. Крепс наблюдает за стадом оленей, май 1929 г.

Стр. 158–159 – строительство куоксы на учете диких оленей, апрель 1929 г.

Стр. 160 – поселение саама Павла Черного на реке Пиренге

Стр. 161 – следы убегающих лосей на берегу р. Чуна во время охоты браконьеров, май 1929 г. Фото Г.М. Крепса

Стр. 162 – лагерь Г.М. Крепса в сосновом бору, май 1929 г.

Стр. 163 – Федор Архипов на учете диких оленей, апрель 1929 г. Альбом Г.М. Крепса

Стр. 165 – первый кордон Лапландского заповедника в Монче-губе, 1930 г. На стене избы аншлаг заповедника на русском и финском языках

Стр. 166–167 – страницы из фотоальбома Г.М. Крепса, 1929–1930 гг.

Стр. 168 – постановление Ленинградского облисполкома об организации Лапландского заповедника, 17 января 1930 г.

Стр. 169 – Г.М. Крепс – первый директор Лапландского заповедника

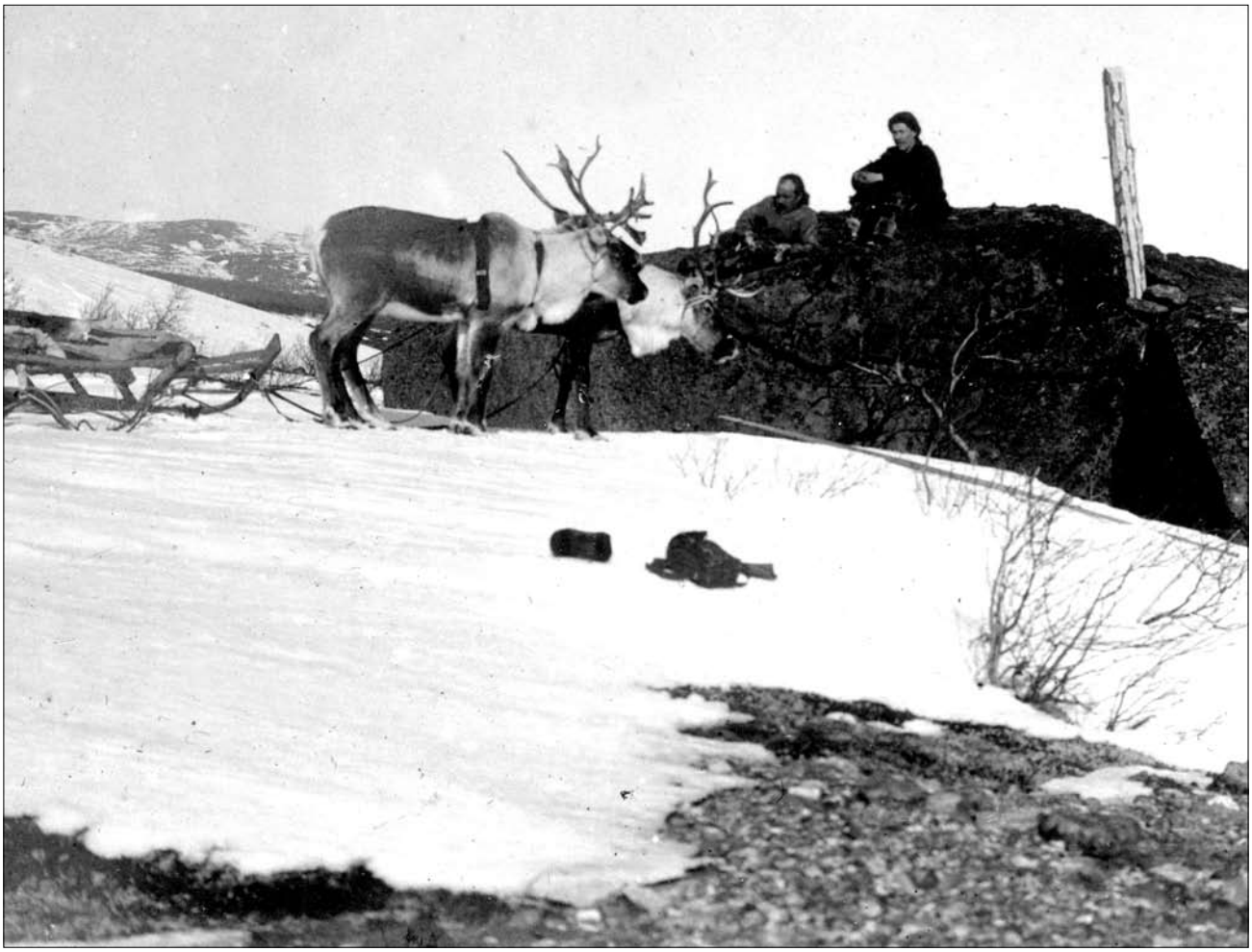
НАЧАЛО ЗАПОВЕДНИКА

НАЧАЛО ЗАПОВЕДНИКА

Одним из самых замечательных качеств Крепса было его умение яркими впечатляющими рассказами заинтересовать людей, увлечь их своей идеей. Где бы он ни работал, вокруг него всегда образовывался дружный и чрезвычайно трудоспособный коллектив. Так было на Мурманской биологической станции, в Имандровской экспедиции, в его многочисленных экспедициях. Так было и в заповеднике. Первыми его сотрудниками стали: саам Архип Архипов (брат Федора Архипова) и будущий охотовед Андрей Васильев. Вскоре к ним присоединился молодой натуралист – О.И. Семенов-Тян-Шанский, внук знаменитого русского географа. Вместе с заведующим это будут первые четыре сотрудника Лапландского заповедника.

На первых порах Крепс намечал построить в заповеднике только два кордона, один на южной оконечности его территории, на северном берегу Чунозера, в качестве главной базы для научной работы, другой в северо-восточной части Имандры – в Монче-губе, как место для содержания оленьего транспорта и охраны. В июле 1930 года Крепс подрядил артель плотников и лесорубов из Зашейка и выехал с ними по Имандре на Чунозеро. В пяти километрах от Нижней Чуны они заготовили лес, срубили баньку, а к началу осени на берегу озера уже красовался, правда, еще без окон и дверей аккуратный домик с углами, рубленными в «замок» (этот первый домик заповедника сохранился и по сей день, сегодня в нем развернута экспозиция Дома-музея Г.М. Крепса). По намеченному плану начиная с апреля 1930 года, на восточной границе заповедника появились предупредительные аншлаги на русском и финском языках (в Мурманский округ тогда входила и Карело-Финская автономная республика).

В начале осени 1930 года Крепс, Васильев и Семенов-Тян-Шанский на парусно-моторном боте «Переселенец» отправляются в Монче-губу, где в это время жил только саам Калина Иванович Архипов с семьей. Его сыновья Архип и Федор должны были загото-



вить и подвезти на оленях строительный лес для кордона. Сорок километров – расстояние от Хибин до Монче-губы – они шли около трех часов. День в середине октября уже короткий, так что к берегу подошли в густых сумерках. В темноте проглядывались очертания двух «пырт».

Саамская пырта от русской избы отличается, прежде всего, отсутствием сеней. Дверь из жилья открывалась прямо на улицу. Внутри квадратного жилища один из углов занимал сложенный из дикого камня «камелек» с короткой и широкой трубой, но без всяких заслонок, и в холодное время огонь нужно было поддерживать круглые сутки, обогревая помещение и одновременно его освещая.

Сидя у огня, Крепс весело рассказал спутникам, что однажды сидел он вот так же перед камельком, вел неторопливую беседу – как вдруг через трубу и огонь влетает в избу черный... и кто бы вы думали? – кот! «Чтобы не беспокоить своим мяуканьем и царапанием у двери хозяев (а время было позднее), кот предпочел воспользоваться прямой дорогой домой», – с усмешкой закончил Крепс свою историю. И было не понятно: серьезно он все это говорит или просто хочет развеселить товарищей.

Спали путешественники в одной из пырт на полу, на оленьих шкурах. Утром, несмотря на мокрый снег и ветер, отправились поглядеть на окрестности. За исключением небольшой просеки, идущей к палаткам геологов на берегу залива, вся местность вокруг (примерно там, где сегодня находится центр города Мончегорска) была занята лесом (в основном еловым с небольшой примесью сосны и березы). Намечалась неплохая охота. Крепсу хотелось также напрямую узнать у геологов, насколько активно идут здесь поисково-разведочные работы и в какой степени результаты этих изысканий могут затронуть интересы Лапландского заповедни-

ка. Опасения Крепса оказались не напрасны: в предгорьях и в центральной части Монче-тундры уже достаточно точно были оконтурены границы залежей полезных ископаемых, содержащих соединения железа, меди и никеля.

По возвращению в Хибины Крепс спешно отправляется в Ленинград. Необходимо было узнать, что кроется за открытиями геологов в Монче-тундре и какая судьба может быть уготована заповеднику. Его сопровождают самые мрачные предчувствия. Свои соображения в виде официального документа Герман Михайлович посылает в Ленинградский леспромтрест и параллельно еще в несколько инстанций: Наркомзем, Ленинградский облисполком, Мурманский окрисполком, Сельскохозяйственную академию им. Ленина, Колонизационный отдел Мурманской железной дороги, Желлес и Общество охраны природы. Вот текст этого весьма содержательного и своеобразного документа:

«Ленинград, 28 октября 1930 года.

Организация Государственного Лапландского заповедника преследовала две задачи. Первой основной являлось поддержание и поднятие

охотничьего промысла в пределах Мурманского округа и сев. части А.К.С.С.Р., второй – сохранение для будущего характерного участка девственной природы центральной Лапландии для целей общеобразовательных и научных.

Поднятие производительности охотничьих угодий Мурманского округа и сев. Карелии, увеличение их охотпродукции должно было осуществляться: во-первых, одним наличием нетронутой достаточно обширной заповедной территории, которая явилась бы естественным рассадником-резерватом промысловых животных, с другой – целым рядом искусственных и охотхозяйственных мероприятий, из которых первоочередными являлись: восстановление на нашей территории истребленного здесь речного бобра, заселение ондатры, организация солонцов и кормушек для копытных и целый ряд других второстепенных охотхозяйственных мероприятий. Свободно размножающийся в заповедной территории зверь населял бы окружающие угодья, где и эксплуатировался бы в размерах, обеспечивающих прогрессивное увеличение промысла.

Развивающееся на пространстве «эксплуатационной зоны», окружающей заповедник, лесное хозяйство не должно было сколько-нибудь заметно влиять на промысловую фауну. Известно, что почти все промысловые животные вполне уживаются даже с интенсивными формами лесного хозяйства, лишь бы были территории, обеспечивающие им спокойное размножение и убежище в наиболее трудные или тревожные времена года. Территорией, концентрирующей промысловую фауну (гл. обр. копытных) в наиболее трудные половодные сезоны, являлся бы Лапландский заповедник, имеющий в этом отношении совершенно исключительные преимущества.

Охотничье хозяйство, организуемое на нашей территории, должно было бы, в силу своей относительной близости к культурным центрам, быть хозяйством опытным, своего рода естественной лабораторией,

1

Приказ № 1

с Сентября 1930 принят на должность егеря Лапландского заповедника Архипов, Аркин Калинович.

Завед. Лапл. Заповедн Г. Крепс.

Приказ № 2.

с Сентября 1930 принят на службу в должности наблюдателя Лапландского заповедника Семенов-Тян-Шанский, Олег Измайлович.

Завед. Лапландск заповедником
Г. Крепс

Приказ № 3

1 Октября 1930 зачислен на должность егеря Лапландского заповедника Васильев, Андрей Борисович

Завед. Лапл. заповедником
Г. Крепс

Приказ № 4

Сего 9 Января 1931 г., завед. Лапланд. заповедником Г. Крепс уходит в разрешенный мне очередной отпуск и оставляю своим заместителем наблюдателя заповедника Семенова-Тян-Шанского, Олега Измайловича

Завед. запов Г. Крепс

Приказ № 5.

9 Января 1931 г., ввиду отбытия заведующего заповедником Г. М. Крепса в отпуск я временно вступаю в должность заведующего Лапландским заповедником

Наблюдатель заповедника О. Семенов-Тян-Шан

где должны были изучаться и испытываться методы охотничьего хозяйства, где должны проходить практика студентов-охотоведов и воспитываться кадры практических работников по охотничьему хозяйству Советского Союза.

Широкие задачи, поставленные заповедником, и исключительно благоприятные, естественно-исторические и организационные условия обеспечили бы ему широкую поддержку государственный учреждений и общественных организаций, заинтересованных в поднятии охотничьего хозяйства как нашего Союза вообще (Наркомзем, Комитет Севера, Наркомпрос), так и в хозяйственном и культурном развитии Мурманского округа и Карелии в частности (Ленинградский облисполком, Мурм. окрисполком, Колонизац. отдел Мурманск. ж. д. и др.).

Осуществление плана организации заповедника началось с весны этого года, когда было приступлено к постройке двух домов для персонала заповедника и остолблению его границ.

Но в течение минувшего лета произошли очень важные события. Открытие экспедицией акад. А.Е. Ферсмана богатых месторождений полезных ископаемых в пределах самого заповедника и окружающих его угодий совершенно изменят экономику нашего района.

По предварительным данным геологической разведки, произведенной Кольской экспедицией Академии наук, выяснилось, что:

1) в центральной части Монче-тундры (массив Реут-чокки) имеются богатые залежи магнитного железняка (запас не менее 10 000 000 тонн);

2) в предгорьях Монче-тундры (горы Ниттис, Поаз-уайвенч, Нюд-уайвенч) имеются залежи, и, по предположению акад. Ферсмана, весьма значительные, пирротина – руды, содержащей сернистые соединения меди и никеля.

Приведенные данные с несомненностью указывают, что район Лапландского заповедника в ближайшие же годы станет, наравне с апатитовым районом, одним из центров горной промышленности

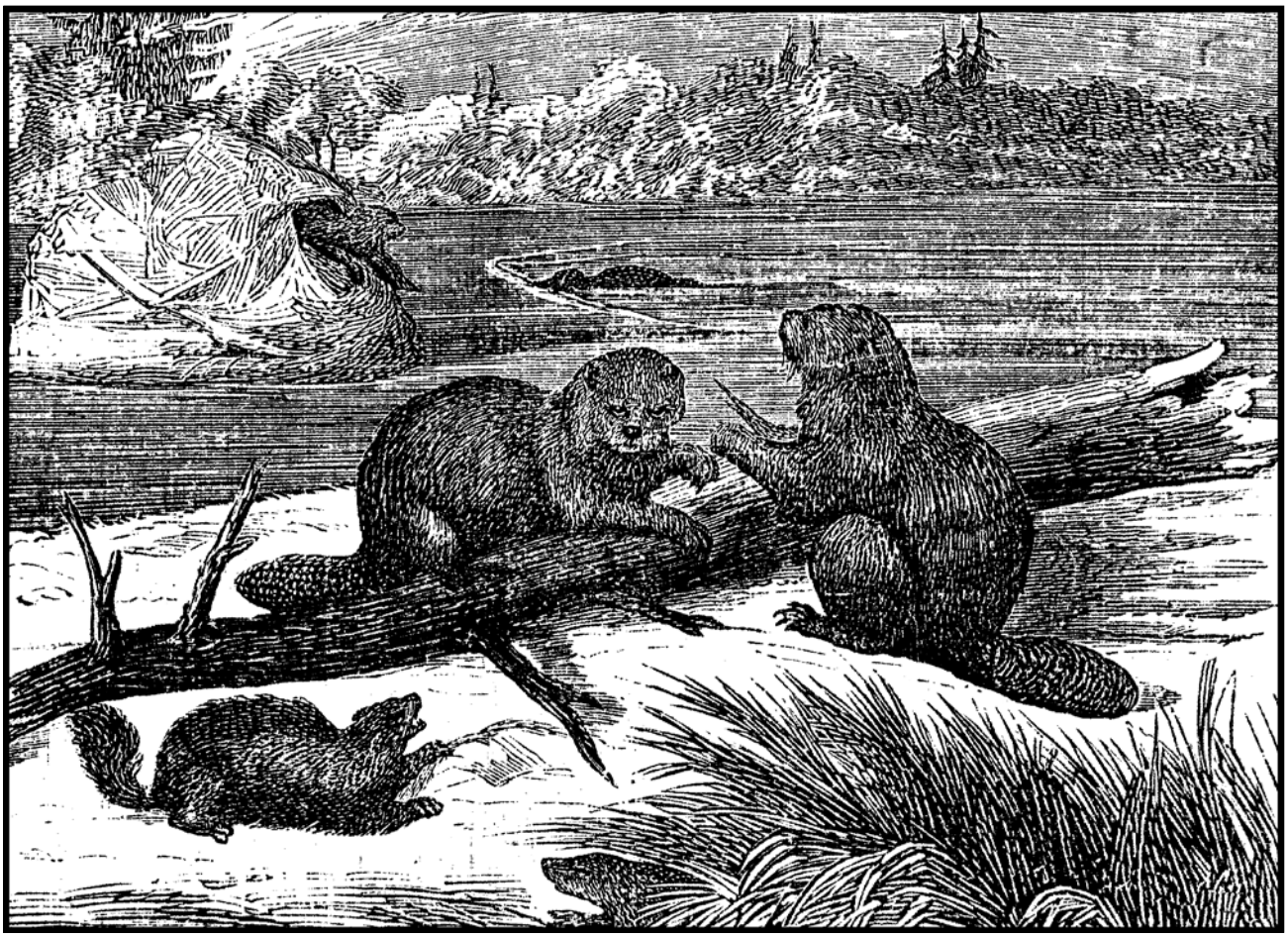
Приказ № 29

Сего 28 Мая 32 г. объявляется по Лапландскому Заповеднику, что за обнаружение перезимовавшей особи, выпущенной на р. Чуне назначается премия в разм. 25 (двадцать пять) руб.

Зав. заповедн. Г. Крепс

Лапландии и окружающие его угодья явятся районом колонизации и интенсивной промышленной эксплуатации. Само собой разумеется, что охотничье хозяйство несовместимо с хозяйством горнозаводским и, как тип более низкий и примитивный, должно уступить место горному. Таким образом, в силу совершенно новых обстоятельств идея Лапландского заповедника в настоящее время становится нецелесообразной и дальнейшие работы по осуществлению ее должны быть оставлены.

Все произведенные до сего времени работы по организации заповедника (постройки, заготовка леса,



приобретение снаряжения и пр.), наравне с исследовательскими работами, целиком могут быть использованы для организации намечающейся новой промышленной единицы.

К великому моему, как одного из инициаторов и организаторов Лапландского заповедника, сожалению, считаю своим долгом изложить существующее положение вещей для своевременного принятия необходимых мер.

Заведующий Лапландским заповедником Г. Крепс».

Письмо это не так давно было обнаружено в Государственном архиве Мурманской области. Резолюция на этом письме (от 31 октября 1930 года) председателя Мурманского окрисполкома Кандратьева говорит нам о его желании получить разъяснения от академика Ферсмана: насколько серьезно открытие месторождения в Монче-тундре может повлиять на судьбу Лапландского заповедника. В адрес А.Е. Ферсмана было отправлено следующее письмо:

«Президиум Мурманского окрисполома просит Вас, при очередной поездке в район Хибинских разработок, не отказать в любезности сделать на заседании Президиума ОИК'а сообщение о вновь открытых Вами месторождениях полезных ископаемых в пределах Лапландского заповедника и окружающих его угодий, в целях выяснения значения обнаруженных месторождений, связанных с вопросом дальнейшего существования Лапландского заповедника.

О времени, когда Вы сможете сделать данное сообщение, – не откажите [в любезности] поставить в известность нас.

Председатель Мурманского Окрисполкома: Кандратьев.

Секретарь Окрисполкома: Карандеев».

Неизвестно, чем закончилась эта переписка, но думается, что письмо Крепса было важным тактическим шагом, для решения судьбы его заповедного детища. Так или иначе, но Лапландский заповедник был сохранен, хотя часть его территории (именно восточная часть Монче-тундры площадью около двух тысяч гектаров, на которой работали поисковые партии) была безвозвратно утрачена.

А тогда, в ноябре 1930-го, вернувшись из Ленинграда, Герман Михайлович решает на время приостановить строительство кордона на Монче-губе и еще до наступления зимы поселиться со своими первыми сотрудниками на

кордоне «Чунозеро». Жилье там было почти готово, сруб полностью проконопачен, накрыт крышей, печь сложена, не хватало только окон и дверей, но и они уже были изготовлены в Хибинах, оставалось только перевезти их по воде и установить на место.

Из воспоминаний О.И. Семенова-Тян-Шанского.

«Осенью 1930 года морозы наступили рано, в середине октября Воче-ламбина стала и преградила путь на Чунозеро. Зима, однако, редко наступает с первой же попытки, и Герман Михайлович надеялся. Так и случилось, в октябрьский праздник наступила оттепель, снег стаял, и, переждав еще несколько дней, утром 13 ноября мы выехали из Хибин на двух карбасах. Больший из них назывался «Гордый нос», на нем ехали плотники Максимов и Митрофанов со строительными материалами

и другими грузами. На меньшем – «Кривом носе» – Г.М. Крепс, А.Б. Васильев и я. Пока дул попутный ветер, мы шли под парусами, остальную часть пути на веслах. В Воче-ламбину мы вошли уже в сумерках, хотя она и была открыта, по вечерам подморозило, и вода на глазах покрывалась льдом. Войдя в устье реки, мы причалили к берегу и стали устраиваться на ночлег.

На берегу Нижней Чуны стояла добротная саамская вежа – в форме шалаша с двускатной крышей из плах, покрытых пластами березовой коры, мха и дерна, с дощатыми торцовыми стенками, в одной из которых была дверь, и земляным полом. В центре вежи – обложенное камнями огнище, здесь разводится костер; дым выходит в «реппень» – широкую щель на месте конька, между скатами крыши. Та же щель служит и окном для освещения вежи. Люди спят на подстилке из еловых лапок по обе стороны от костра. У глухой стенки находится низкая подставка для посуды, а дрова кладут по обе стороны от двери. Поддерживая огонь всю ночь, в веже можно спокойно спать даже в самую морозную погоду.

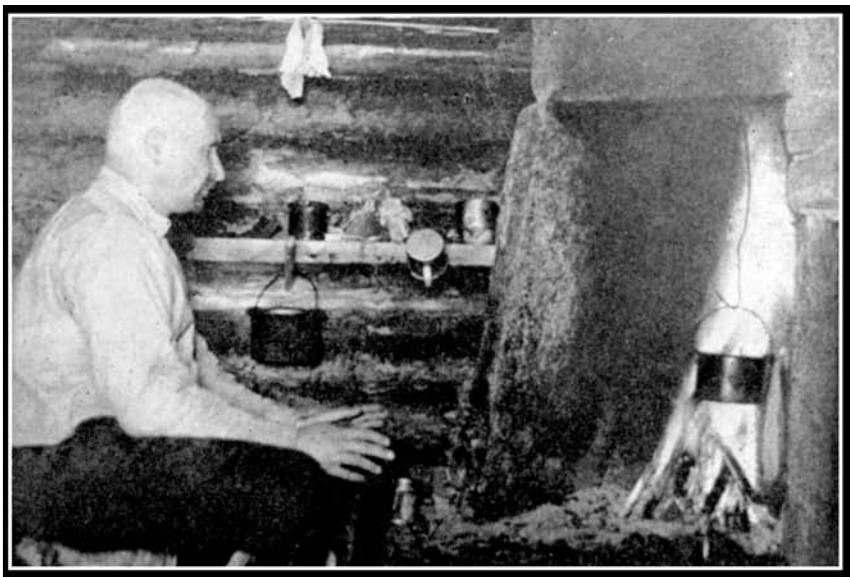
А эта ночь была по-настоящему морозной. Утром Воче-ламбина уже стояла, а по Чунозеру под ясным небом еще гуляла волна. На противоположной стороне озера, за темным лесом, белела покрытая снегом Чуна-тундра.

Первым делом надо было поднять в порог оба карбаса с грузом. Опытные люди, наши плотники (по национальности – карелы) и Крепс, орудовали в лодках, отталкиваясь шестами. Васильев и я тянули лодки за веревки с берега. Воды в реке было

достаточно, и часа через два мы уже плыли под парусами по Чунозеру. Причалив у пустого кордона, мы разгрузили карбасы и принялись за работу: плотники вставляли оконные рамы и навешивали двери, остальные пилили дрова и готовили обед. Обедать и спать нам пришлось хоть и в тепле, но на полу: никакой мебели в избе еще не было, ее предстояло делать из привезенных с собой досок и брусьев.

Кордон стоял в лесу, на каменистом берегу Чунозера, у подножья Ель-нюна, крайнего юго-восточного отрога Чуна-тундры, в углу заповедника. Южная граница его проходила по Чунозеру, восточная – по ручью Ельявр-уаю и озеру Ель-явру. Чтобы охотиться, достаточно было переправиться на южную сторону Чунозера либо пройти четыре километра вдоль берега на восток. В те годы дичи было достаточно, и мы редко возвращались с пустыми руками; помногу дичи не приносили, но на еду обычно хватало.

16 ноября Чунозеро стало полностью, и через несколько дней мы уже свободно ходили по льду, и Герман Михайлович организовал ловлю рыбы из-подо льда. Кроме сеток для этого надо было иметь «стоянку» (тонкую веревку), лопату и вытесанное из длинной елки «норило» – так называется тонкая планка, с помощью которой пропускают подо льдом стоянку, а за ней и сетку. Таким способом ловят рыбу подо льдом по всему озеру (кстати говоря, город Норильск назван по реке Норилке, на которой он стоит: очевидно, что и на ней ловили рыбу тем же способом).



СОКОЛОВ-МИКИТОВ Иван Сергеевич (1892-1975), замечательный русский писатель, в 30-х годах прошлого столетия водил дружбу с Германом Крепсом и Олегом Семеновым-Тян-Шанским, несколько раз гостил в Лапландском заповеднике. Написал много о людях заповедника, о природе Лапландии

На фото: И.Соколов-Микитов в избушке у комелька на Верхней Чуне

Весна в Чуне

ДОМИК В ЧУНЕ

Я гляжу на небо, где тоненькой
лись косяки пролетающих на свою
этих птиц — на север. В полете он
между собою. Слабыми звуками дон
трубные голоса.

Воспоминания детства с необычайн
во мне. Я вижу себя на берегу рек
плывут над землею. Прозрачные ско

Родина! Особенно звучит для меня
глубокого смысла. Я вижу необъятн
щиеся урожаем. Теплый ветер проле
нимая цветочную пыль. Обширна и м
шая нас страна. Неиссякаемы и полн

Осень в Чуне

НА «РОСОМАХЕ»

Золотою на Севере осенью довелось мне первый раз побывать в лесах дикой Чуны, богатых глухариной охотой. Вместе с московскими учеными-охотниками, приехавшими на побывку, мы плыли через большое и бурное озеро на «Росомахе». Звериное имя нашей парусной лодки невольно обращало нас в куперовских героев.

В осеннее время над Имандрой нередко проносятся сильные бури. Точно древние мореплаватели, распустив

Печь у нас была по конструкции русская, но сработала ее одна карелка из дикого камня немного по-своему, только под и труба были сложены из кирпича. Под челом печки был подтоп с плитой, на ней мы и готовили, а в углу был сделан по заказу Крепса маленький камелек, на котором можно было согреть чайник.

Чунозеро, в сущности, небогато рыбой, именно поэтому до организации базы заповедника на нем никто особенно и не промышлял, но все же рыбная ловля и охота нас исправно кормили, а остальные продукты мы по случаю привозили из Хибин – кроме хлеба, его мы пекли сами!

Из нашей компании только я умел печь хлеб, но скоро эту премудрость освоили и остальные. Мы пекли его по особому рецепту, муку замешивали не на теплой воде, но заваривали крутым кипятком, а закваску вносили позднее, когда тесто остывало. Утром добавляли муку и месили тесто как обычно. Заварной хлеб отличается от обыч-

ного темным цветом, сладковатым вкусом и способностью неделю оставаться свежим, не черствея.

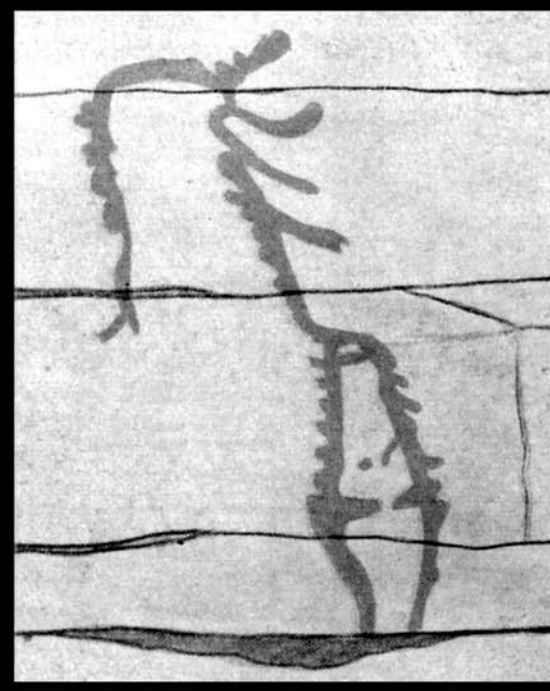
Кроме нас троих, в штате заповедника был еще один наблюдатель, по современной терминологии – лесник, саам Архип Калиныч Архипов, проживающий в Монче-губе, где он пас оленей, как своих, так и принадлежавших заповеднику. В декабре, когда лед на Имандре окреп и покрылся снегом, он приехал на Чуно-зеро на оленях, четырех с упряжью и санями оставил нам, а на собственных уехал обратно и по пути отвез в Хибины обоих плотников, которые к тому времени достроили баню и сделали нам два стола, три топчана, несколько табуретов и скамеек.

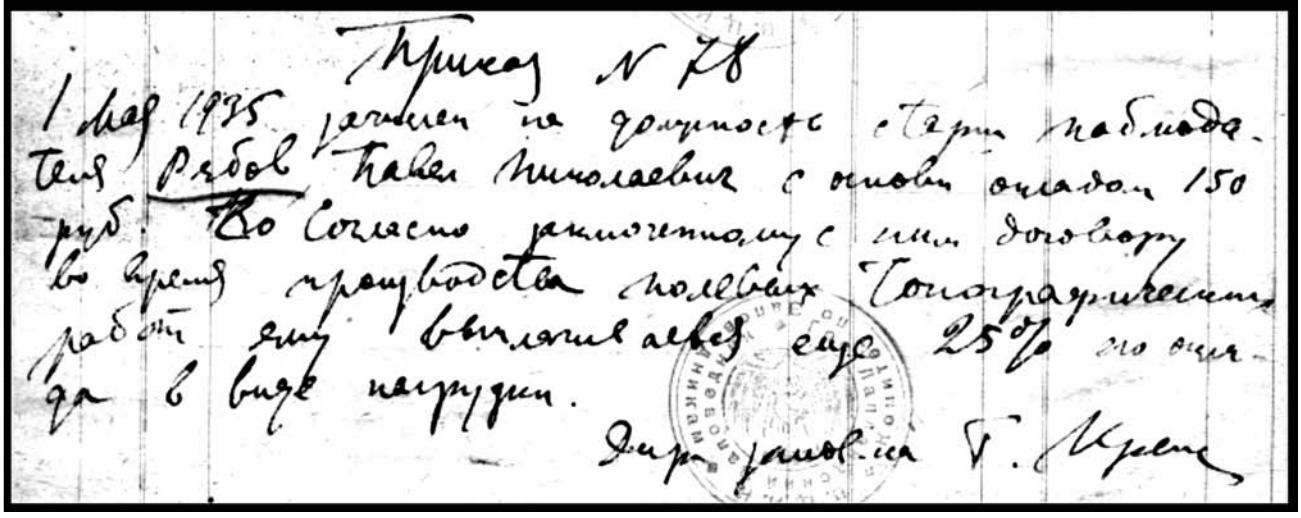
В отличие от лошадей, домашних оленей почти не кормят, как и дикие, зимой они питаются ягелем, выкапывая его копытами из-под снега. Однако их надо было держать на привязи, без этой предосторожности они сразу убежали бы в Монче-губу.

Раскопанный при кормежке снег смерзается и до весны не поддается вторичному раскапыванию. Перевязывая каждый день оленей на новое место, мы с каждым днем все дальше отводили их от дома. Запрягают оленей либо в ненецкую шлейку, либо в карельский деревянный хомут; управляют ими «игной» – так называется единственная левая вожжа, а погоняют «хореем» – шестом с пуговкой на конце. Усвоить обращение с оленями не представляло труда, позднее мы наловчились и ловить их «чивистигой» (арканом). Перефразируя Пушкина, мы шутили: «Не мог он игны от хорея, как мы ни бились, отличить».

Как и летом, зимний путь в Хибины у сотрудников заповедника проходил по озерам,

РЯБОВ ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ, (1904-1978), художник-график, открыватель одной из самых древних карт на земле - каменной карты Байкала (1 век до н. э.), работал в Лапландском заповеднике в 1935-36 гг. топографом и художником





Приказ № 78

1 мая 1935 зачислен на должность старш наблюдателя Рябов Павел Николаевич с окладом 150 руб. Согласно заключенному с ним договору во время производства полевых топографических работ ему выплачивается еще 25% по окладу в виде надбавки.

Директор заповедника Г. Крепс

но они частенько сокращали его, поворачивая с Воче-ламбины через Кислое озеро в Кислую губу, которая находилась прямо против Хибин. При этом они проезжали два перешейка лесом, но путь тогда сокращается с 40 до 28 километров. Ездили не чаще двух раз в месяц, санную колею за это время заносило снегом, и каждый раз приходилось прокладывать дорогу по цельному снегу заново, ввиду чего путь в один конец у них занимал целый день. В окрестностях Хибин после больших лесных пожаров было плохо с ягелем, и оставаться с оленями больше чем на одну ночь было невозможно. Утро на станции Хибины уходило на покупки, почту и прочее, и ехать домой приходилось обычно ночью, в лучшем случае при свете луны или северного сияния, а то и совсем в полной темноте. Выбирать погоду не

199

копия. 1 / Наркомзем. 2 / Ленинградский облисполком. 3 / Кировская окружная прокуратура. 4 / Колл. Академия им. Ленина. 5 / Ленинградский Совет Мурманской р. Д., 6 / Коллег. Об-ва Охраны Природы.

Заведующего Лапландским заповедником ГЕРМАНА КРЕПСА.

Организация Государственного Лапландского заповедника преследовала две задачи. Первой и основной являлось поддержание и возрождение охотничьего промысла в пределах Мурманского округа и сев. части А.К.С.С.Р., второй – сохранение для будущего характерного участка девственной природы центральной Лапландии для целей общеобразовательных и научных.

Поднятие производительности охотничьих угодий Мурманского округа и сев. Карелии, увеличение их экономической ценности было осуществлено: во-первых одним изъятием из эксплуатации обширной заповедной территории, которая являлась бы естественным расселительным резервом промысловых животных, с другой – целым рядом искусственных охотохозяйственных мероприятий, из которых первоочередными являлось – восстановление на нашей территории истребленного здесь ранее бобра, заселение куропатки, организация солонцов и кормушек для копытных и целый ряд других мероприятий, которые могут быть использованы для организации зарождающейся новой промысловой единицы.

К великому моему, как одному из инициаторов и организаторов Лапландского заповедника, сожалению, считаю своим долгом изложить существующее положение вещей для своевременного принятия необходимых мер.

Завведующий Лапландским заповедником

/ Г. КРЕПС /. Г. Крепс

Ленинград, 28 Октября 1930 года.

Г. М. КРЕПС

Лапландский заповедник

Окончание. Начало см. в номере от 14 сентября.

К другим обитателям наших рек и озер следует отнести **лебедя-кликуна** и несколько пород **уток.** Чаще других попадаются гоголь, большой и длинноносый крохаль, чирок-свистунок, свиязь; реже — черная утка — синьга и шилохвост. Из **хищных птиц** обычны беркут, орлан-белохвост, скопа и ястребиная сова. Встречаются, но не часто, ястреб-тетеревятник, филин сарыч-зимняк. **Реки и озера обильны рыбой.** Окунь, щука, хариус, сиг, кумжа, голец, налим, ряпушка и снеток обитают в водах Кольского полуострова.

обитало огромное количество диких оленей, но охота почти истребила этих прекрасных животных. В настоящее время охота на дикого оленя воспрещена по всему Мурманскому округу, а организацией Лапландского заповедника создан мощный очаг его размножения. Район Чуна-тундры является одним из основных мест концентрации стад дикого оленя в зимнее время. Раньше здесь шла хищническая охота: согнанному снегами и зимней бескормицей оленю некуда было уйти из малоснежной и кормной тундры. Нередко число убитых на охоте оле-

бывает трудно добыть себе пищу. В это время года тундрянка нередко пользуется трудами диких оленей: олени в поисках ягеля твердыми копытами разбивают настоящую корку, и часто можно видеть тундрянок или их следы по копальным местам диких оленей.

В прежние времена, еще лет сто тому назад, по рекам и озерам Кольского полуострова водились речные бобры. Беспощадное преследование их охотниками в 80-х годах прошлого столетия окончательно истребило это замечательное животное.

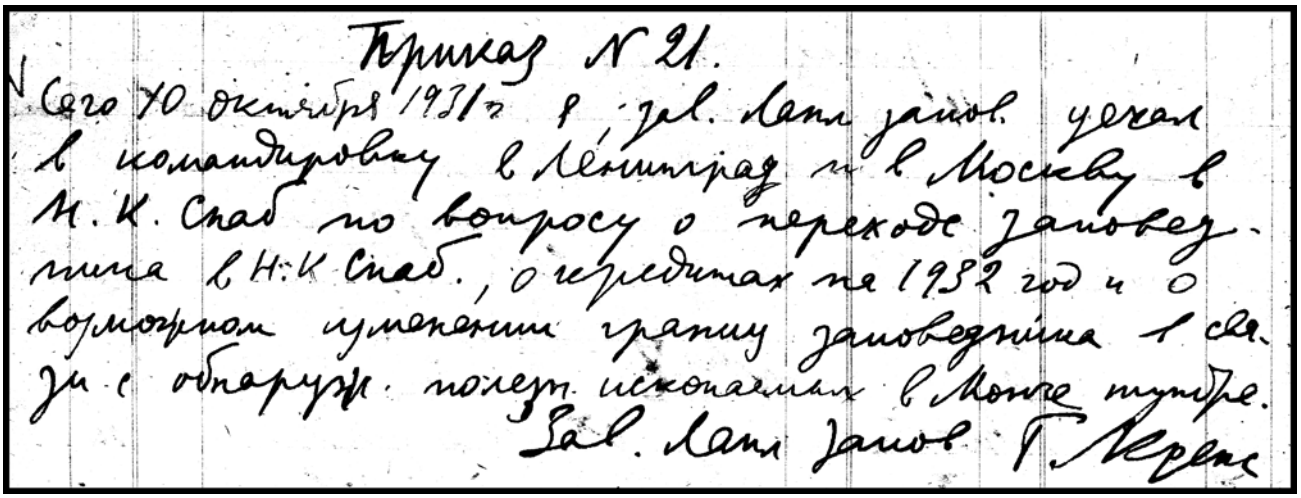
Бобр, дающий прекрасный мех и особое пахучее вещество — «бобровую струю», употребляемую в парфюмерной промышленности, должен быть восстановлен в благоприятных для него местах. Первые опыты по реакклиматизации (вос-

приходилось, случалось, что возвращались и в сильную стужу, и в метель. Но даже по возвращению домой нельзя было сразу согреться и отдохнуть, сначала надо было идти в лес, ставить оленей на корм, и только потом уже топить печи».

Несмотря на все трудности, первые три зимы в Лапландском заповеднике его сотрудники обошлись без единого несчастного случая. Ежегодно проводимые учеты диких оленей давали обнадеживающие результаты. Уже в конце 30-х годов только на охраняемой территории численность «дикарей» увеличилась почти в десять раз. Это был несомненный успех: задачу по восстановлению западной популяции диких северных оленей заповедник последовательно и вполне успешно решал!

Выполняя задачу обогащения природы заповедника и окрестных угодий, как было тогда принято, в 1931 году в реку Чуну выпустили 38 ондатр, а в 1934 году из Воронежского заповедника привезли для восстановления в составе заполярной фауны 8 бобров. Однако дикий северный олень останется здесь на долгие годы главным охраняемым и исследуемым видом. Именно через призму «дикаря» оценивался тогда и весь результат научной и охранной работы.

В 1935 году Лапландский заповедник становится государственным и переходит в ведение Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦКа. Для заповедника начинался наиболее плодотворный период. Развитию его научной деятельности способствуют известные ученые и молодые энтузиасты, многие из которых впоследствии станут широко известны в научном мире своим участием в становлении заповедного дела России. Среди них: Г.Д. Рихтер, И.Г. Эйхфельд, Ю.Д. Цинзерлинг, Б.Н. Куплетский, А.А. Насимович, А.В. Яблоков, Б.М. Житков, Т.П. Некрасова,



Приказ № 21.

Сего 10 октября 1931 г. я, зав. Лапл. запов. уехал в командировку в Ленинград и в Москву в Н.К. Снаб по вопросу о переходе заповедника в Н.К. Снаб., о кредитах на 1932 год и о возможном изменении границ заповедника в связи с обнаруж. полезн. ископаемых в Монче тундре.

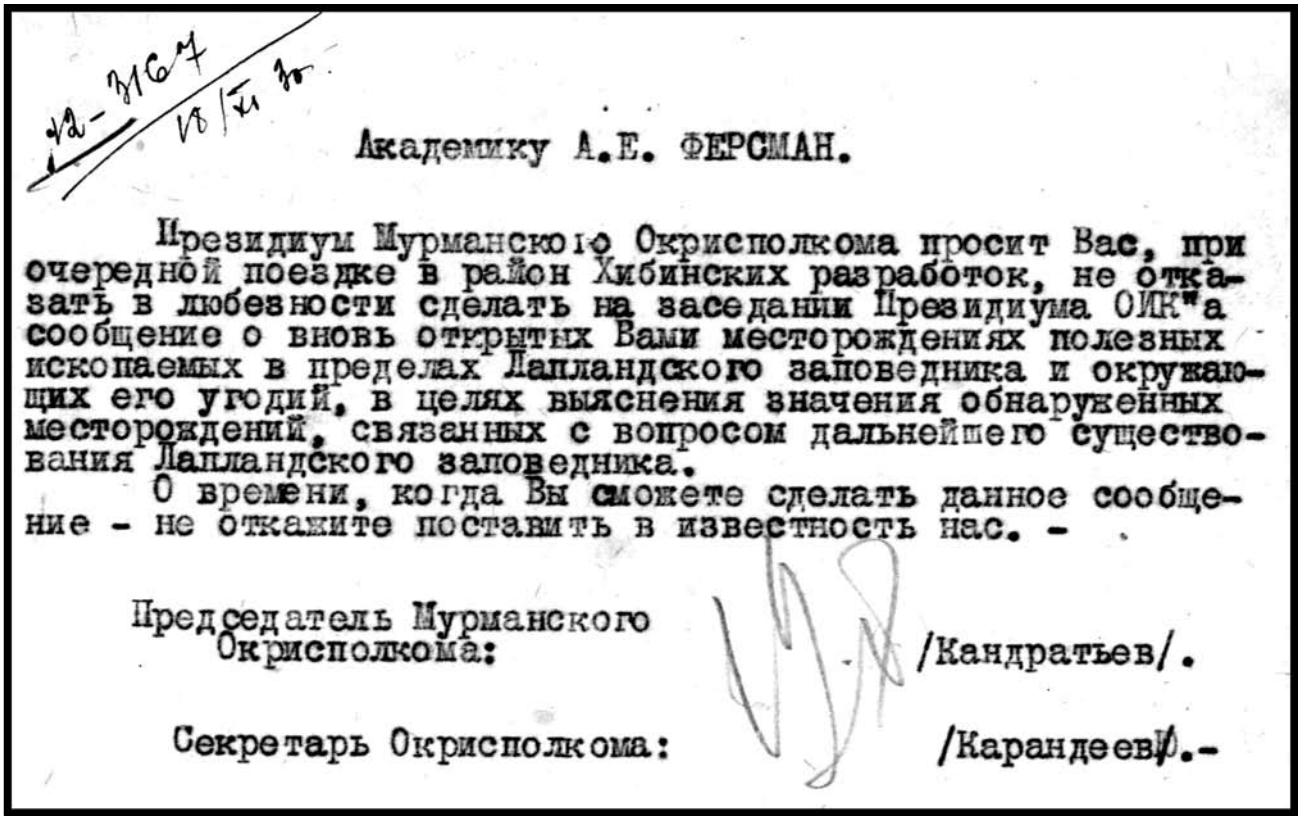
Зав. Лапл. запов. Г. Крепс

Р.Р. Штильмарк, Н.М. Пушкина, В.Г. Клейнберг, Т.В. Кошкина, П.А. Мантейфель, М.И. Владимирская, Г.А. Новиков и многие другие.

Но не только «хлебом единым» в свои первые годы жил Лапландский заповедник. Известные художники и писатели приезжали в заповедный уголок северной природы. В самых дружеских отношениях Крепс находился с художниками Н.К. Хотулевым, П.А. Черкесом, П.Н. Рябовым, И.В. Вальтер, А.П. Шнейдер. Некоторые их работы, подаренные Г.М. Крепсу, бережно хранят его родные и близкие, а несколько замечательных акварелей украшают сегодня экспозицию Дома-музея Г.М. Крепса.

Вот как происходил один из таких «десантов» летом 1935 года. Заповедник тогда посетила группа «высокопоставленных» экскурсантов из Москвы, в числе которых были писатель И.С. Соколов-Микитов, директор Московского зоопарка профессор П.А. Мантейфель с братом-ботаником и художник Н.К. Хотулев.

Единственный путь от усадьбы заповедника до ближайшей железнодорожной станции проходил в те годы по озеру Имандра. Зимой транспортным средством служили олени, летом – небольшая парусная лодка под названием «Росомаха». Это были нелегкие, а подчас и рискованные рейсы, особенно в



№2-3167
18/XI 30

Академику А.Е. ФЕРСМАН.

Президиум Мурманского Окрисполкома просит Вас, при очередной поездке в район Хибинских разработок, не отказать в любезности сделать на заседании Президиума ОИК"а сообщение о вновь открытых Вами месторождениях полезных ископаемых в пределах Лапландского заповедника и окружающих его угодий, в целях выяснения значения обнаруженных месторождений, связанных с вопросом дальнейшего существования Лапландского заповедника.

О времени, когда Вы сможете сделать данное сообщение - не откажите поставить в известность нас. -

Председатель Мурманского Окрисполкома: /Кандратьев/.

Секретарь Окрисполкома: /Карандеев/.-

осеннее время, когда над Имандрой проносятся настоящие штормы.

Не избежали приключений в бурных водах Имандры и прибывшие в заповедник гости. «Росомаху» изрядно потрепало, был сломан руль, и заканчивать плавание пришлось на веслах. И.С. Соколов-Микитов в своей книге «На пробужденной земле» рассказывает: «Как это часто бывает, благополучно закончившееся опасное путешествие нас даже развеселило. Сидя на корме «Росомахи», мы посмеивались над нашим кормчим Олегом Семеновым-Тян-Шанским. Мокрый до нитки, он мужественно сидел на ветру и декламировал любимые стихи Фета, никак не соответствовавшие обстановке. С не меньшим хладнокровием и усмешкой относился к постигшему нас несчастью московский профессор-зоолог... Подшучивая над Олегом, собиравшим остатки разбитого руля «Росомахи», рассказывал он о приключениях на отдаленнейших сибирских реках.

– Самое главное, – поучал дядя Петя, – спокойно относиться ко всякой напасти. Мы, путешественники и охотники, должны любить приключения, а опасности нас привлекают. Не потому ли с большей охотой идем мы на опасного зверя? Опасные приключения хорошо закаляют молодых путешественников, а нас, стариков, возвращают к романтическим временам юношеских мечтаний, очаровательнее которых нет ничего в жизни...»

Вот наконец и Чунозерская усадьба заповедника. Как напишет позднее писатель В.В. Чарнолуский в своей замечательной книге «В краю летучего камня»: «Посмотреть со стороны – жизнь здесь идет тихо и медленно, словно бы сонно, как в усадьбе Обломова. Однако это первое впечатление обманчиво. Таков уж характер здешней работы – тихая, обращенная внутрь, она связана с углубленным изучением природы. Ихтиологи еще засветло уехали на озеро. Далеко, на самом горизонте, едва движется черная точка – их лодка. Зоологи и геоботаники отправились на полевые работы. Там, в лесу или на «высоких тундрах», или где-нибудь у озерка будут они ночевать у костров, а днем бродить среди

лесного многообразия и озерного раздолья, разыскивая нужные им растения. Лесная охрана несет караул на своих кордонах, они редко появляются в усадьбе. Наблюдатели и студенты-практиканты тоже ходят где-нибудь в местах, им назначенных, – там, где олень редко бывает. Это делается для того, чтобы не потревожить пугливых животных. Все сотрудники заповедника берегут быт диких оленей как зеницу ока. Это необходимо. Лихие люди, браконьеры, нет-нет, да и наведаются в угодья заповедника. Вернутся ученые люди из тундр, из лесов, усядутся за письменные столы, к микроскопам, разложат свои находки – и снова тишина».

Из воспоминаний Р.Г. Крепса (сына Г.М. Крепса):

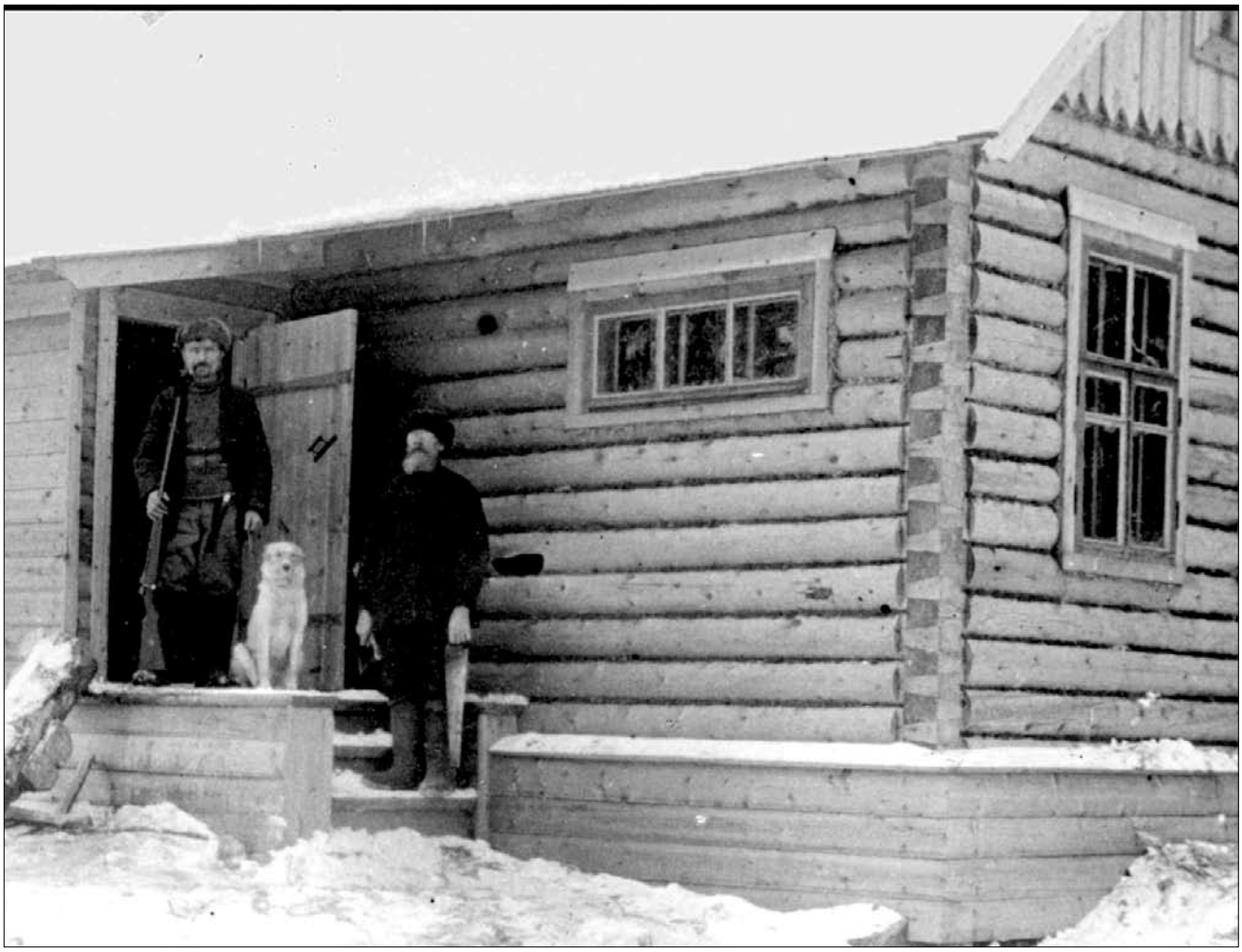
«Впервые в заповеднике я побывал в июне 1936 года. Бабушка Аня поручила меня своей племяннице, тёте Зиге, отважной полярнице, участвовавшей в спасении экипажа «Челюскина». Мы сошли с ней на станции Хибины и некоторое время пожили на сельскохозяйственной станции у Иогана Эйхфельда. И оттуда почти сорок километров до заповедника плыли на моторном карбасе с красивым названием «Росомаха». Это было целое путешествие со штормом, пришлось даже переночевать на каком-то островке и на утро добираться до порожистой и непроходимой для больших лодок реки Нижней Чуны, где, оставив лодку, уже шли пешком километра четыре по берегу Чунозера. У ручья с саамским названием Ельявр нас уже поджидал другой карбас. И мы поплыли, а сидящий на корме егерь забросил дорожку с блесной, и, пока мы ехали до базы заповедника, он вытащил даже несколько прекрасных кумж. Через несколько дней сюда на базу приехала моя мама (Фаина Крогиус), и мы вместе с отцом отправились по Чунозеру на западный его конец – до речки Верхняя Чуна. На берегу стояла маленькая избушка лесника Леонида Кокорина. Перекусив, мы отправились вверх по Чуне и вдруг на небольшом

бугорке у речки увидели тетёру с выводком птенцов. Мы стали подходить все ближе и ближе, а тетерка никуда не уходила и всё крутилась возле каких-то зарослей. Оказалось, что кусты были увешаны спелыми гроздьями красной смородины. И отец тут же сделал из бересты несколько коробов, и мы набрали туда ягоды и ели их с большим удовольствием. Это было удивительно для меня, вроде бы Север, дикое безлюдное место, и тут растет крупная, почти садовая ягода. Вместе с отцом мы побывали в самых отдаленных уголках заповедника, любуясь неповторимой красотой этих мест, наблюдая животный мир, населяющий таежные леса, прозрачные озера и синие горы Севера. Это было лето 1936 года, мне было 9 лет».

«Кокоринская» избушка на Чунозере приютила в своё время и писателя И.С. Соколова-Микитова.

«Я помню, – пишет Иван Сергеевич, – маленький домик и отразившиеся в воде маковки деревьев. Упавшие листья сплелись у берега в пестрый ковер... Огонь потрескивает в очаге, сложенном из камней. В охотничьем котелке мы варим нашу уху. Дорогие приятели, любители вкусно покушать, вы не едали такой ухи! Мы сами потрошим и чистим рыбу, трепещущую в наших руках. Как чудесно красива эта украшенная радужными блесками живая, трепещущая рыба! Маленький зверек-хищник показывается из-под камня. Ожидая подачки, смело глядит на нас бусинками глаз... Стараясь не шевелиться, мы долго любуемся нашим милым гостем. Вот я бросаю ему внутренности рыбы, и, ухватив их, он точно проваливается под большой камень», – писал Соколов-Микитов в своем рассказе «Осень в Чуне».

Мастерски владея богатейшей палитрой русского языка, И.С. Соколов-Микитов создал замечательные новеллы, навеянные неповторимой красотой Русского Севера. С восторгом и любовью рассказывает он в своих книгах о мужественных людях, изучающих, охра-



Приказ № 83

8 окт. 1935. За инициативную работу по розыску месторождения глины поблизости от усадьбы заповедника на Чунозеро, что значительно удешевило и облегчило добычу, транспорт и успешное проведение сплава при недостаточном оборудовании и малом рабочем звене рабочие заповедника Лукин П.П. и Кортилов, И.Р. награждаются по 50 (пятьдесят) рублей каждый

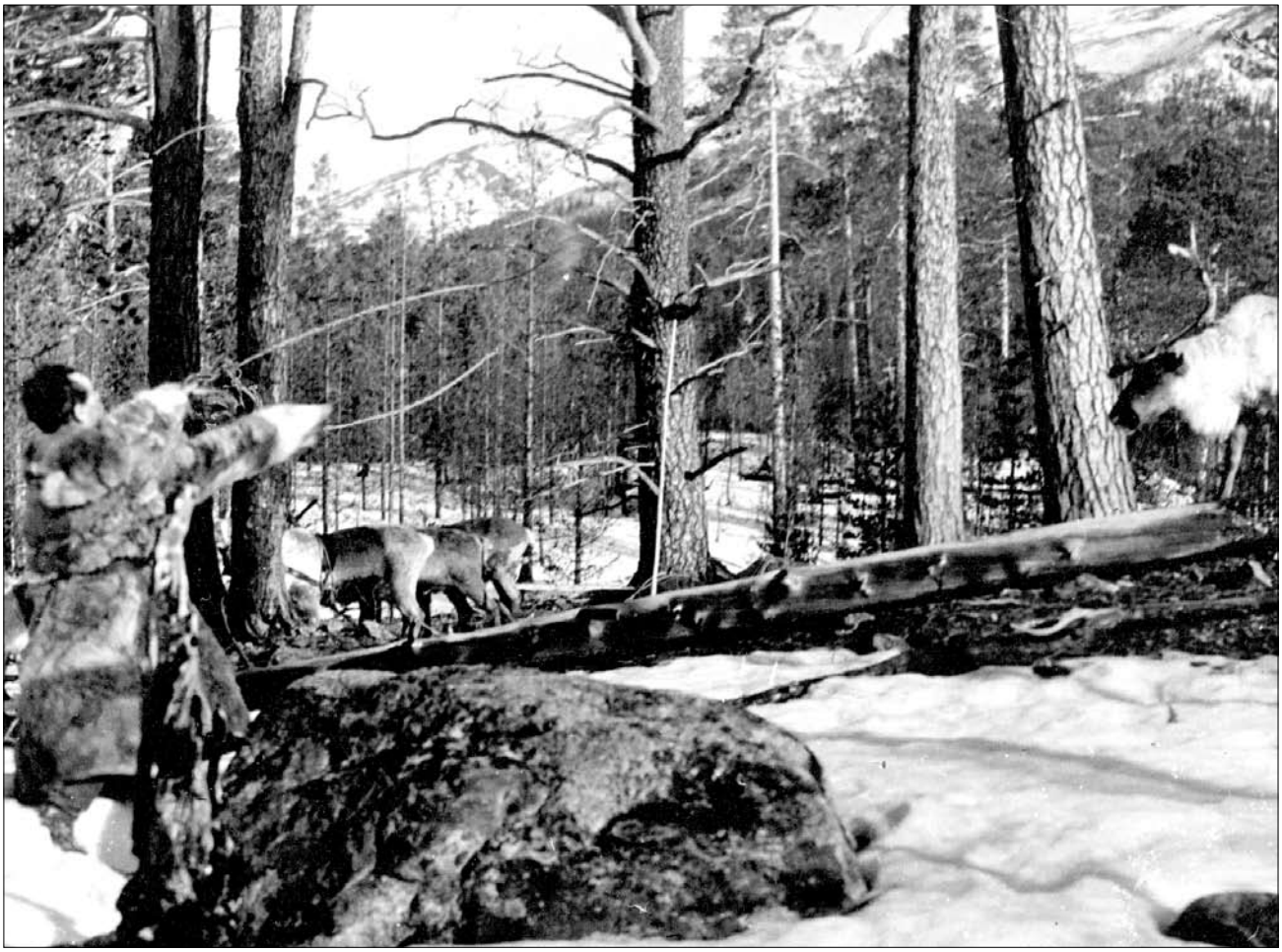
Директор Лапландского заповедника

Крепс

няющих и преобразующих природу заполярного края. Именно таким было общее дело для Ферсмана, Рихтера, Архипова, Эйхфельда, Семенова-Тян-Шанского, Крепса, которым замечательный русский писатель посвятил многие страницы своих книг.

В журнале «Советское краеведение» Г.М. Крепс писал: «Перед мощной поступью проводимого правительством промышленного освоения и заселения Кольского полуострова девственная природа его вынуждена отступить. Но в отличие от капиталистического хищнического хозяйства плановое социалистическое развивается гармонически, всесторонне, и поэтому, наряду с развитием крупной промышленности и сельского хозяйства, перспективам сохранения и разумного использования дикой природы отводится подобающее место в экономике нашего (Мурманского. – *В. Б.*) округа».

Каждое начинание Германа Михайловича подтверждало справедливость этих строк. Под его редакцией выходит книга о Лапландском заповеднике и первый сборник научных трудов. Так, благодаря организаторскому таланту первого директора и плодотворности исследований Лапландский заповедник в короткий срок становится одним из самых замечательных очагов науки на Крайнем Севере...



Список иллюстраций к главе "Начало заповедника"

Стр. 172 – первый аншлаг Лапландского заповедника на Монче-тундре (на русском и финском языках), апрель 1930 г. Фото Г.М. Крепса

Стр. 173 – установка аншлагов на территории Лапландского заповедника. Фото Г.М. Крепса

Стр. 174 – куокса, временное жилище плотников на Чунозере. Фото Г.М. Крепса

Стр. 174 – артель плотников в Лапландском заповеднике, весна 1930 г. Фото Г.М. Крепса

Стр. 175 – заготовка леса для строительства первого домика Лапландского заповедника. Фото Г.М. Крепса

Стр. 176 – первая страница из книги приказов по Лапландскому заповеднику, 1930–1931 гг.

Стр. 177 – лесная охрана Лапландского заповедника (Ф. Архипов и А. Кокорин). Фото О.И. Семенова-Тян-Шанского

Стр. 178 – выпуск ондатры в старицу р. Чуна, 28 августа 1931 г. Фото Г.М. Крепса

Стр. 179 – выпуск бобров в Лапландском заповеднике (на заднем плане Г.М. Крепс). Река Чуна, 1934 г.

Стр.179 – лапландские бобры (со старинной гравюры)

Стр. 180 – доставка бобров на реку Нявку 14 сент. 1937 г. Впереди лесник А. Архипов и С. Топольский

Стр. 181 – выпуск бобров в Лапландском заповеднике 8 августа 1934 г. (Г.М. Крепс и сотрудник Московского зоопарка Шамыкин)

Стр. 182 – первые сотрудники Лапландского заповедника (в центре Г.М. Крепс и О.И. Семенов-Тян-Шанский), 1933 г.

Стр. 184 – Г.М. Крепс с живой ондатрой в день выпуска 17 сентября 1932 г. в воды Воче-Ламбины

Стр. 184 – у ночного костра в Лапландском заповеднике Г. Крепс и А. Васильев

Стр. 185 – Олег Семенов-Тян-Шанский отогревает новорожденного олешка в Лапландском заповеднике (а спугнутая «мамаша» притаилась в зарослях березняка)

Стр. 186 – материал со стенда из Дома-музея Г.М. Крепса об П.М. Рябове

Стр. 187 – народный артист Борис Бабочкин (в центре), директор Лапландского заповедника П. Атрохин (слева) и биолог Л. Белопольский, октябрь 1937 г. Фото О.И. Семенова-Тян-Шанского

Стр. 187 – гости Лапландского заповедника: писатель И.С. Соколов-Микитов и директор Московского зоопарка проф. П.А. Мантейфель со своими братьями, лето 1935 г.

Стр. 188 – письмо Г.М. Крепса о судьбе Лапландского заповедника в связи с открытием полезных ископаемых в Монче-тундре

Стр. 189 – статья Г.М. Крепса «Лапландский заповедник» в двух номерах газеты «Кировский рабочий», сентябрь 1935 г.

Стр. 189 – приказ Г.М. Крепса о командировке в Москву по делам заповедника

Стр. 190 – академик А.Е. Ферсман с куском апатитовой руды

Стр. 190 – письмо председателя Мурманского окрисполкома Кандратьева А.Е. Ферсману о судьбе Лапландского заповедника

Стр.191 – геологи-геодезисты в Монче-тундре

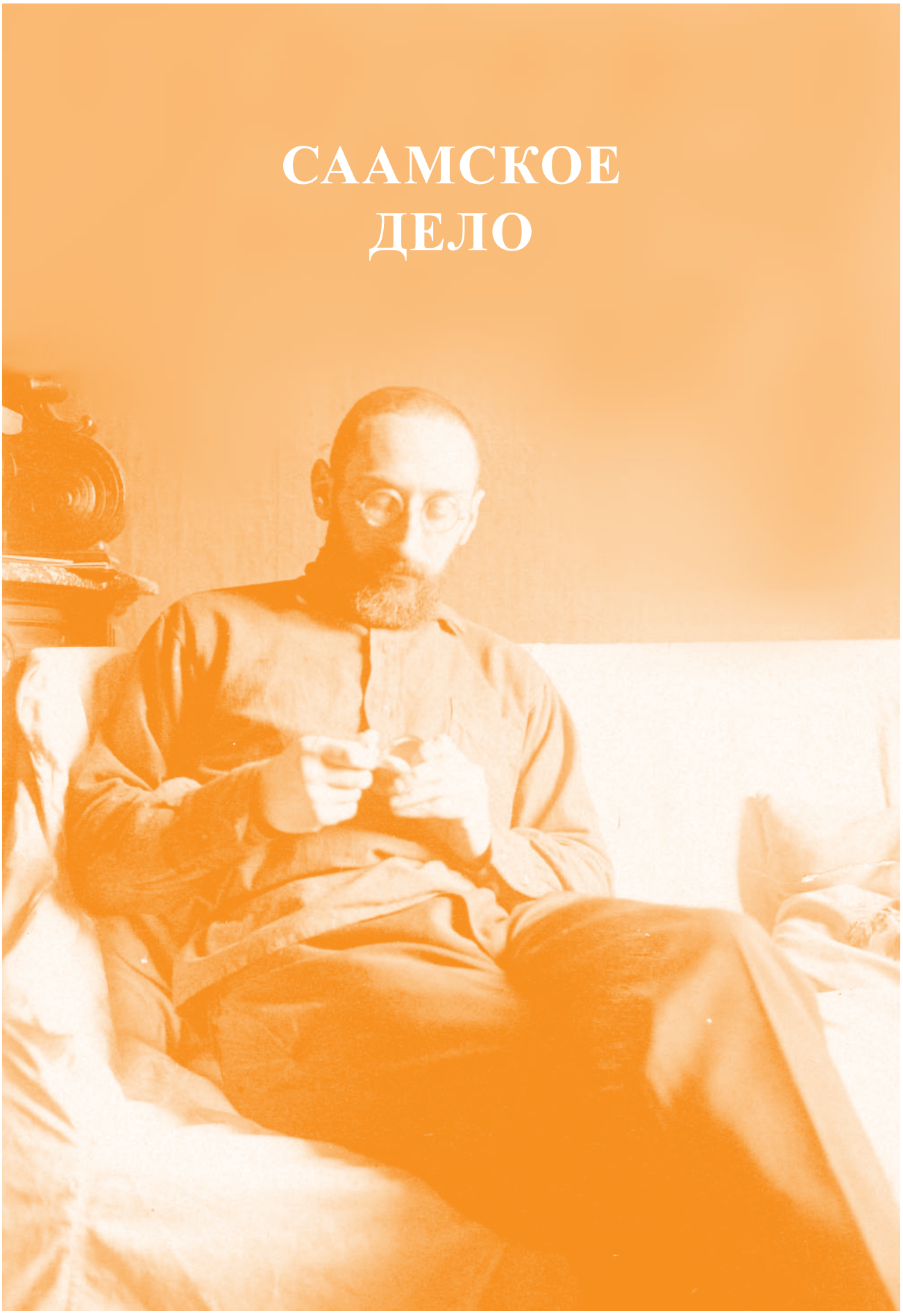
Стр. 192-193 – Чунозерская усадьба весной 1946 г.

Стр. 194 – приказ Г.М. Крепса о премировании рабочих заповедника П.П. Лукина и И.Р. Корнилова (на крыльце)

Стр. 195 – обложка первой книги о Лапландском заповеднике (авторы: Крепс Г.М., Семенов-Тян-Шанский О.И. Москва, 1937 г.)

Стр. 195 – егерь Лапландского заповедника Алексей Сергин чивистигой (арканом) ловит ездового быка, выпущенного на кормежку. Фото О.И. Семенова-Тян-Шанского

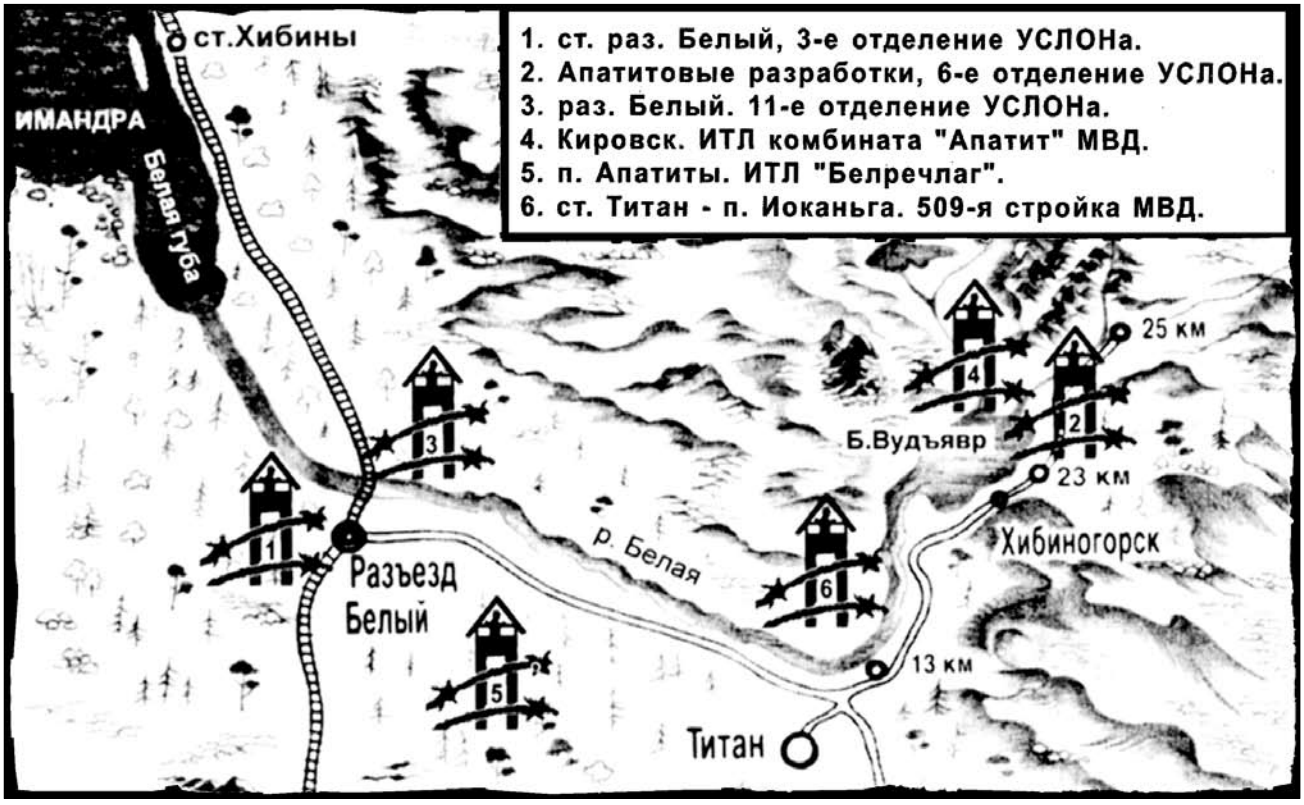
СААМСКОЕ ДЕЛО



СААМСКОЕ ДЕЛО

Но не всё так гладко и поэтично было в первые годы существования Лапландского заповедника. Из воспоминаний О.И. Семенова-Тян-Шанского мы узнаем также, что только благодаря незаурядному организаторскому таланту первого директора заповеднику удалось отстоять свою научную независимость и не раствориться в организациях, связанных с охотничьим хозяйством. Только за первые годы своего существования он переходил в ведение Наркомзема, Союзлеспрома, Наркомснаба, Всекохотсоюза, Союззаготпушнины. Многие километры административных коридоров пришлось прошагать Крепсу, бескомпромиссно защищая на самых высоких инстанциях интересы молодого научного учреждения. Многие недели и даже месяцы ему приходилось быть в отъезде, что-то согласовывая, доказывая, выбивая средства для существования заповедника...

А в редакциях районных и областных газет стали появляться «сигналы» о разгуле браконьерства и пьянства среди сотрудников заповедника. Некто Давыдов в газете «Кировский рабочий» написал о срыве научных программ, а также о необходимости проверить на лояльность советской власти строптивого директора и его подчиненных. От знакомых Крепс уже не раз слышал, что многие его друзья охотники-саамы подозреваются чуть ли не в подготовке

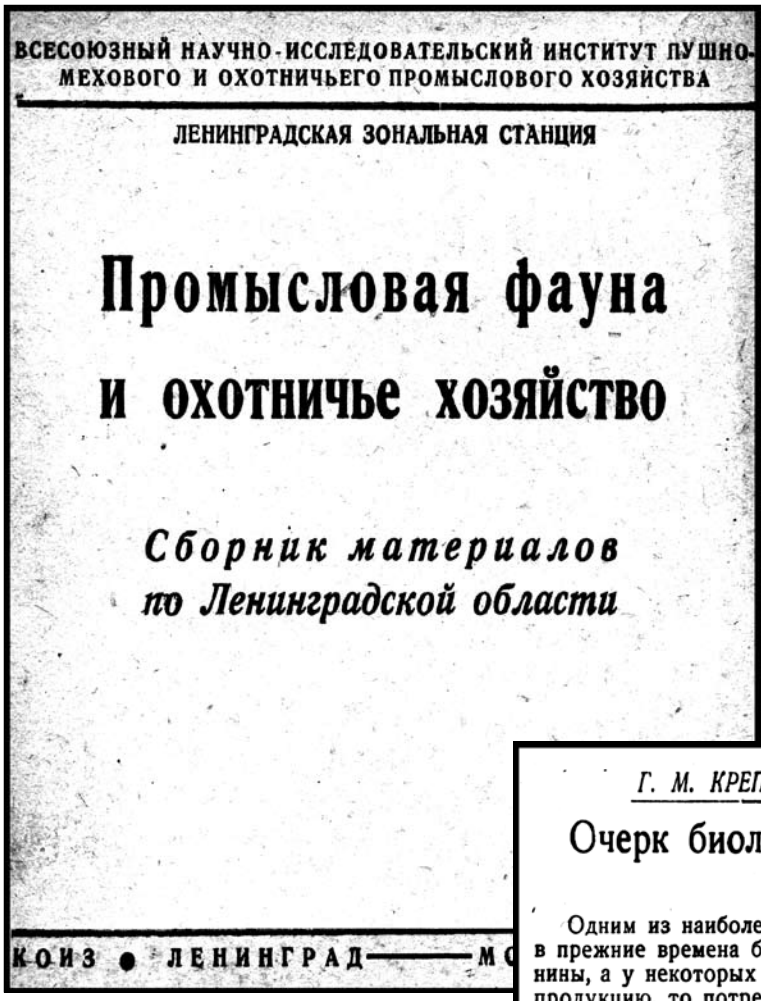


государственного переворота, и Герману Михайловичу приходилось теперь публично отзываться на явно несправедливую критику.

Так, в номере того же «Кировского рабочего» за 14 сентября 1935 года в статье «Лапландский заповедник» Герман Михайлович пишет:

«В настоящее время охота на дикого оленя воспрещена по всему Мурманскому округу, а организацией Лапландского заповедника создан мощный очаг его размножения. Район Чуна-тундры является одним из основных мест концентрации стад дикого оленя в зимнее время. Раньше здесь шла хищническая охота: согнанному снегами и зимней бескормицей оленю некуда было уйти из малоснежной и кормной тундры. Нередко число убитых на охоте оленей определялось количеством имеющихся винтовочных патронов. Теперь эта вошедшая в заповедник местность служит резерватной территорией и местом изучения дикого оленя. Недалеко то время, когда можно будет на смежной с заповедником территории приступить к планомерной эксплуатации дикого оленя в организованном здесь охотничьем хозяйстве».

Вместе с тем, Крепс замечает, что «работа Лапландского заповедника до сих пор протекала в весьма ненормальных условиях; острый недостаток средств неоднократно ставил вопрос о самом существовании заповедника. Чрезвычайно тяжелые жилищные и культурно-бытовые условия и явно недостаточный штат приводили к тому, что значительная часть энергии и времени сотрудников непроизводительно уходила на элементарное выживание и т. п. Но с января 1935 года наступила новая эра в жизни Лапландского заповедника. По постановлению правительства он был включен в систему государственных заповедников Комитета по заповедникам при ВЦИК, получил твердое


ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПУШНО-МЕХОВОГО И ОХОТНИЧЬЕГО ПРОМЫСЛОВОГО ХОЗЯЙСТВА

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЗОНАЛЬНАЯ СТАНЦИЯ

Промысловая фауна и охотничье хозяйство

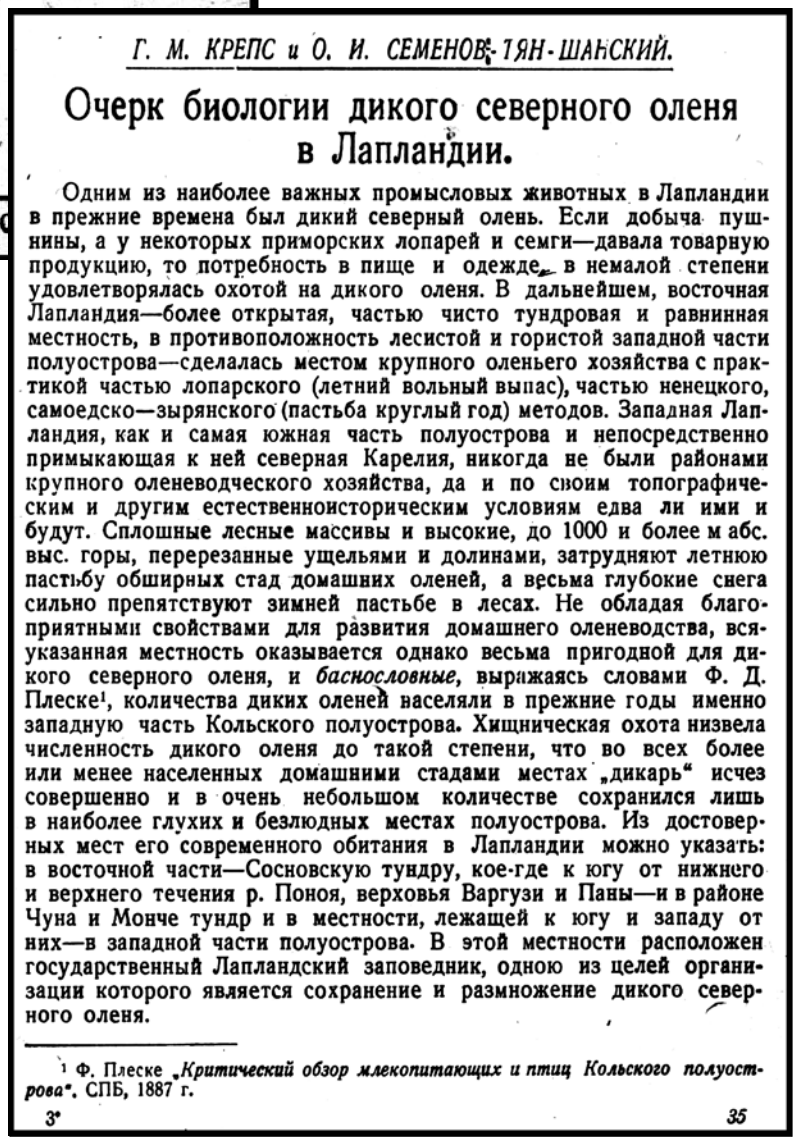
Сборник материалов по Ленинградской области

КОИЗ • ЛЕНИНГРАД

положение, установки для работы и широкие перспективы для развернутой научно-исследовательской работы».

Здесь следует также заметить, что Г.М. Крепс не был членом КПСС (что для руководящих работников было обязательным условием). Поэтому, когда эхо 37-го года прокатилось по Кольской земле и докатилось до заповедника, Крепсу пришлось поплатиться за свой решительный и бескомпромиссный характер. Первым делом его лишают права ношения личного оружия, затем понижают в занимаемой должности до заместителя по научной части. Друзья все чаще советуют Герману Михайловичу покинуть Кольский полуостров: его имя видели в черных списках недремлющих органов вместе с именами Алымова и Кандратьева, самыми активными помощника Крепса в деле организации заповедника.

Здесь нам приходится коснуться одного из самых громких «преступлений», якобы выявленных и разоблаченных органами НКВД на Кольском полуострове. Речь идет о «деле Алымова и К°», когда большую группу саамов арестовали по обвинению во вредительстве: мол, падеж оленей – это их дело, лесные пожары – тоже. Но вредительство, решили в НКВД, – уже пройденный этап в нашей политике. Классовая борьба по мере продвижения к коммунизму ужесточается: саамы должны перейти от вредительства к саботажу и диверсиям, пусть они объединяются в повстанческую организацию


Г. М. КРЕПС и О. И. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ.

Очерк биологии дикого северного оленя в Лапландии.

Одним из наиболее важных промысловых животных в Лапландии в прежние времена был дикий северный олень. Если добыча пушнины, а у некоторых приморских лопарей и семги—давала товарную продукцию, то потребность в пище и одежде, в немалой степени удовлетворялась охотой на дикого оленя. В дальнейшем, восточная Лапландия—более открытая, частью чисто тундровая и равнинная местность, в противоположность лесистой и гористой западной части полуострова—сделалась местом крупного оленьего хозяйства с практикой частью лопарского (летний вольный выпас), частью ненецкого, самоедско—зырянского (пастьба круглый год) методов. Западная Лапландия, как и самая южная часть полуострова и непосредственно примыкающая к ней северная Карелия, никогда не были районами крупного оленеводческого хозяйства, да и по своим топографическим и другим естественноисторическим условиям едва ли ими и будут. Сплошные лесные массивы и высокие, до 1000 и более м абс. выс. горы, перерезанные ущельями и долинами, затрудняют летнюю пастьбу обширных стад домашних оленей, а весьма глубокие снега сильно препятствуют зимней пастьбе в лесах. Не обладая благоприятными свойствами для развития домашнего оленеводства, вся указанная местность оказывается однако весьма пригодной для дикого северного оленя, и *баснословные*, выражаясь словами Ф. Д. Плеске[1], количества диких оленей населяли в прежние годы именно западную часть Кольского полуострова. Хищническая охота низвела численность дикого оленя до такой степени, что во всех более или менее населенных домашними стадами местах „дикарь" исчез совершенно и в очень небольшом количестве сохранился лишь в наиболее глухих и безлюдных местах полуострова. Из достоверных мест его современного обитания в Лапландии можно указать: в восточной части—Сосновскую тундру, кое-где к югу от нижнего и верхнего течения р. Поноя, верховья Варгузи и Паны—и в районе Чуна и Монче тундр и в местности, лежащей к югу и западу от них—в западной части полуострова. В этой местности расположен государственный Лапландский заповедник, одною из целей организации которого является сохранение и размножение дикого северного оленя.

[1] Ф. Плеске „*Критический обзор млекопитающих и птиц Кольского полуострова*". СПБ, 1887 г.

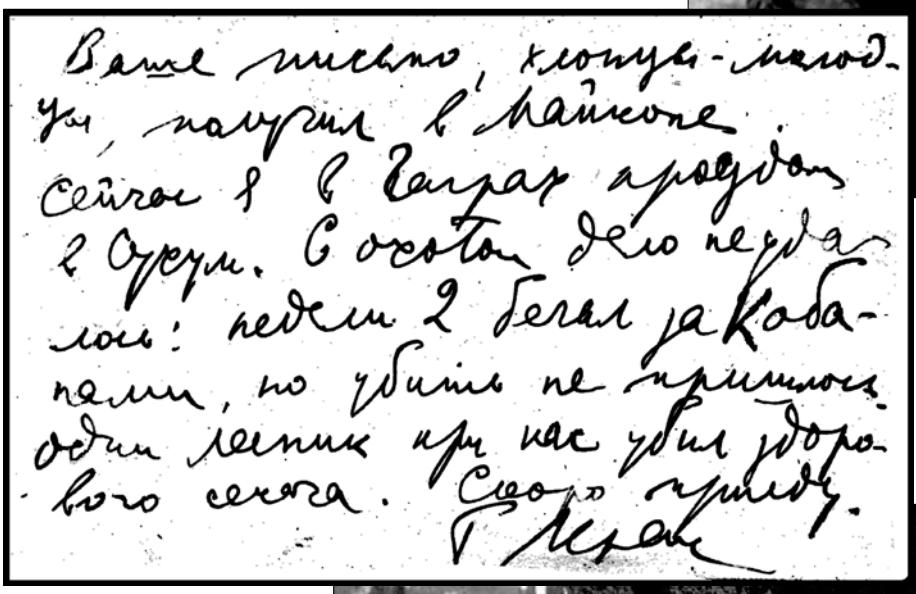
3* 35

с целью создания Лопарской республики и вхождения в состав Финляндии.

Сейчас, по прошествии времени, можно определенно сказать, что органы НКВД пытались связать воедино два тогдашних «громких дела» – «финское» и «саамское». Саамы гордились дружбой с «большим начальником Алымовым», часто искали у него защиты от притеснений местных властей. За это и зацепились на следствии. Вопросы посыпались как из рога изобилия: «Кто из саамов предъявлял претензии к советской власти?», «Кто из оленеводов поддерживал связь с Финляндией?», «Есть ли враждебные настроения среди саамов?» – Алымов отвечал коротко и ясно: «Нет таких», «Ничего об этом не знаю».

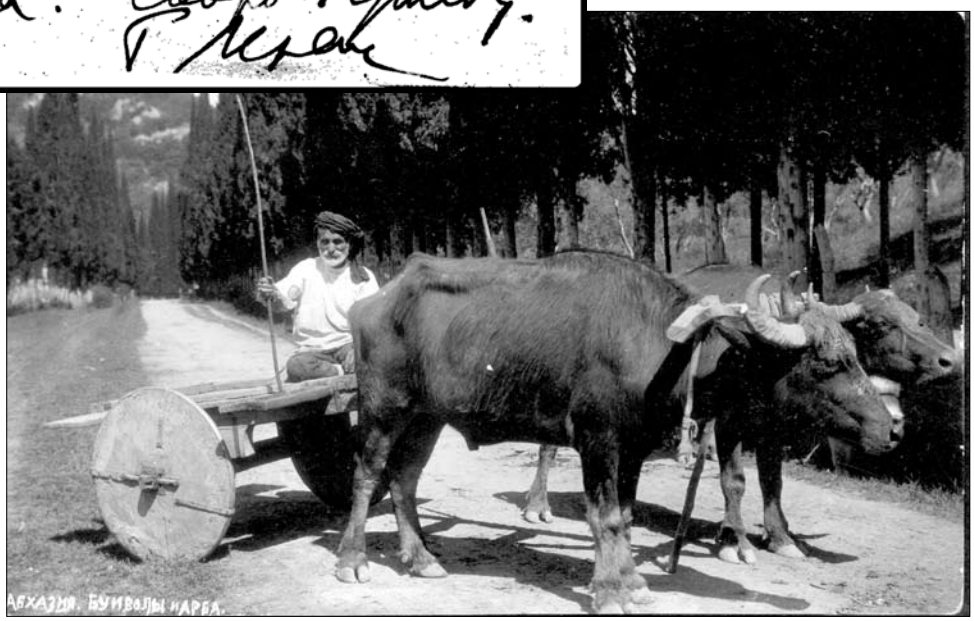
А вот еще одна выписка из протокола допроса Алымова. Следователь: «Ваша деятельность по организации заповедника, есть не что иное, как ширма для прикрытия шпионской и диверсионной работы. Вы – хорошо замаскировавшийся враг народа». Допрашиваемый категорически отрицает: «Никакой работы во вред советской власти я не вел».

В итоге разбирательства пятнадцать человек, проходивших по «саамскому делу», включая и самого Алымова, были расстреляны. Большинство из них – саамы. Самому старшему – знаменитому в Ловозерской тундре охотнику И.И. Артиеву было



Ваше письмо, хлопцы-молодцы, получил в Лайконе. Сейчас я в Гаграх проездом в Сухум. С охотой дело передалось: пешком 2 бегал за кабанами, но убить не пришлось. Один лесник при нас убил здорового секача. Скоро приеду.

Г. Алымов



Задачи и история Лапландского заповедника.

Кольский полуостров, Мурманский округ Ленинградской области, та страна, что иначе еще именуется Русской Лапландией, является одним из своеобразнейших районов европейской части нашего Союза. Коснется ли это строения поверхности, климата, недр, коснется ли животного населения, распределения растительности, коснется ли истории человеческого общества и хозяйственного развития – во всех отношениях страна эта имеет резко выраже

Восточная оконеч
подымающаяся в виде
ных гор, омываемая
ский полуостров, по
ся по диагонали на
чун и северо-восточ
зон, в две географ

Колосадьное рас
луострова, главны
ская промышленность
рыческие
иконы, сиги,
ду с крупными
охотоводческое,
занимающаяся охот
ся животными и с

Животный мир
го своеобразного,
пространствия нескол
другие – свои
ные полуострова, до
рек Европейского.

Данные об учете промысл. животных в Лапландской охотпромбиостанции.

I Любит. участок (№) 27650 га.
Учет на 1/VIII 31.

Пройдено по вицарам 190 км { с собак 38 / без соб. 152
Ширина площади с соб. 70 м.
— — — — без соб. 7 м

Итого пройдено: с соб. 266 га
без соб. 106 га
372 га.

Отношение площади района к площади пробы: 5763 : 372 = 14,7
% проб. площади 6,8%.

Встречено:
кат. А (гуск., ряб., тет., бел. куп.) 263
кат Б. (бек, дуп., валодн.) 33
случ В. (дятл, белка, мед.) 7 303
А. 100 га (1 км²) 71 А + 9 Б + 2 В

этой же, примерно, границы придерживается лесной тетерев, кеммнг /Myopus schisticolor/. Тайга, доходит с юга до средней части озера Имандра, не выручаясь, или будучи на полной

57 лет, младшему – Никону Герасимову, окончившему Институт народов Севера,– всего 27. Еще около тридцати получили «десять лет без права переписки».

Как уже отмечалось выше, расстрелян был и ближайший друг Германа Крепса – Федор Архипов. И то, что Г.М. Крепсу удалось избежать репрессий, можно назвать настоящим чудом. Ведь не избежал же их его родной брат Евгений, арестованный в апреле 1937 года и отбывавший ссылку на Колыму. Документов того времени почти не сохранилось. Но факт остается фактом: московским друзьям Германа Михайловича в Комитете по заповедникам (в том числе и его председателю В. Макарову) вовремя удалось устроить переход Крепса на работу в Алтайский заповедник. Только это и спасло ему жизнь...

Из воспоминаний Р.Г. Крепса (сына Г.М. Крепса):

«Что касается ухода отца из Лапландского заповедника и переезда на Алтай, то у него было много хороших друзей не только среди ученых и высоких чиновников, но были у него знакомые даже и в тех самых «органах», что в те годы было обычным явлением и не только в Хибинах. Многих приверженцев Кирова и Ферсмана, которые изучали природу и строили Кировск и Мончегорск в 35-м, 36 году уже репрессировали, и кому-то из них (не помню уже фамилий) отец даже пытался как-то помочь. И те, в «органах», говорили отцу вроде бы в шутку: «Мы и тобой скоро займемся. У тебя ведь национальность, какая? И работаешь ты где – в пятидесяти километрах от границы! Так что, уезжал бы отсюда подобру-поздорову!»

Но и на Алтае отца не оставили в покое «известные» люди. Вызывали и спрашивали: «Что-то всё места вы выбирает себе для работы возле границы? (а южная граница Алтайского заповедника находилась рядом с нашей границей с Монголией.) Уж не бежать ли собираетесь? Лучше бы Вам отсюда уехать куда-нибудь». И отец уехал. Последние два-три года перед войной он работал недалеко от Москвы (вдали от всех иностранных государств и госграниц) заместителем директора по научной части Центрально-лесного заповедника (возле ст. Нелидово, Калининский район)».

Недавно охотничью секцию Обогатительной фабрики посетил директор Лапландского заповедника т. Крепс. На снимке: охотники-обогатители слушают лекцию т. Крепса (у карты). Фото Н. Нещерова.

В Мурманский Окрисполком

При сем препровождается утвержденное Комитетом по Заповедникам при Президиуме ВЦИК Положение о Лапландском Гос. Заповеднике

Утверждено

ПОЛОЖЕНИЕ

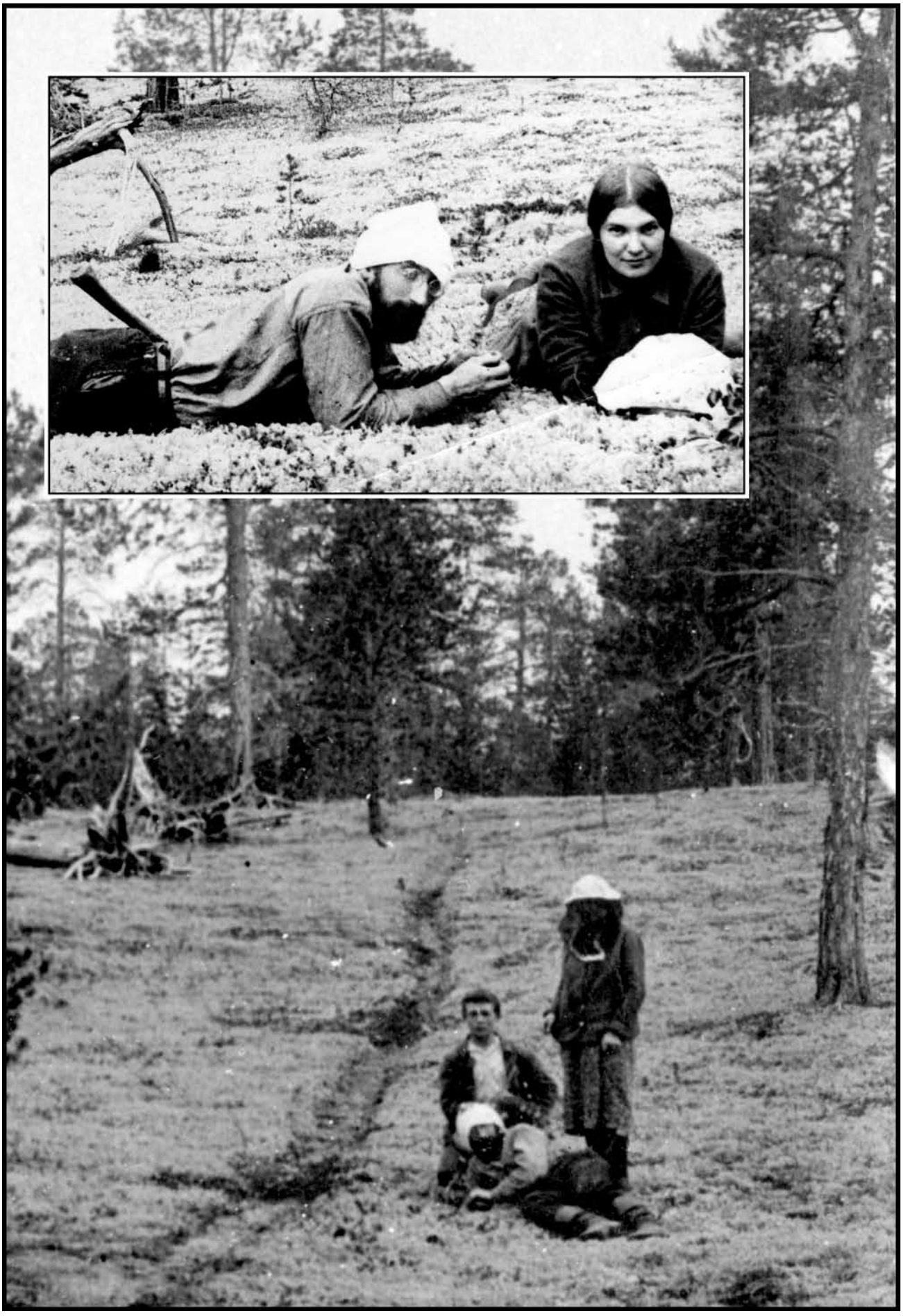
О ЛАПЛАНДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ЗАПОВЕДНИКЕ.

Во исполнение постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 1/IУ-34 г. "Положения о Заповедниках" п.13, Комитет по Заповедникам при Президиуме ВЦИК утверждает следующее индивидуальное Положение о ЛАПЛАНДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ЗАПОВЕДНИКЕ.

1.ТЕРРИТОРИЯ ЗАПОВЕДНИКА.

1. Лапландский Гос.Заповедник площадью около 200000 га расположен в пределах Кировского и Кольско-Ловерского районов Мурманского округа Ленинградской области и имеет следующие границы:

...ской и Бобинской дачами бывш. Имандра



А что касается Алтая и примыкающего к нему района, то Г.М. Крепсу этот регион был уже знаком. В 1928 году в качестве геоботаника он принимал участие в лимнологической экспедиции Г.Ю. Верещагина, основателя Байкальского стационара Академии наук. Маршрут экспедиции проходил по северо-восточному берегу Байкала. Хотя акватория озера расположена на 54–55° северной широты, природные и климатические условия Забайкалья были во многом схожи с заполярными (это и привлекло сюда Крепса). Вот новая, хотя и вынужденная встреча с природой Сибири. Герман Михайлович вновь увидел полюбившиеся ему места. Несмотря на занимаемую должность (заместитель директора по научной части), Крепс был довольно редким гостем усадьбы заповедника. В те годы его контора находилась на северном берегу Телецкого озера, в небольшом поселке Яйлю.

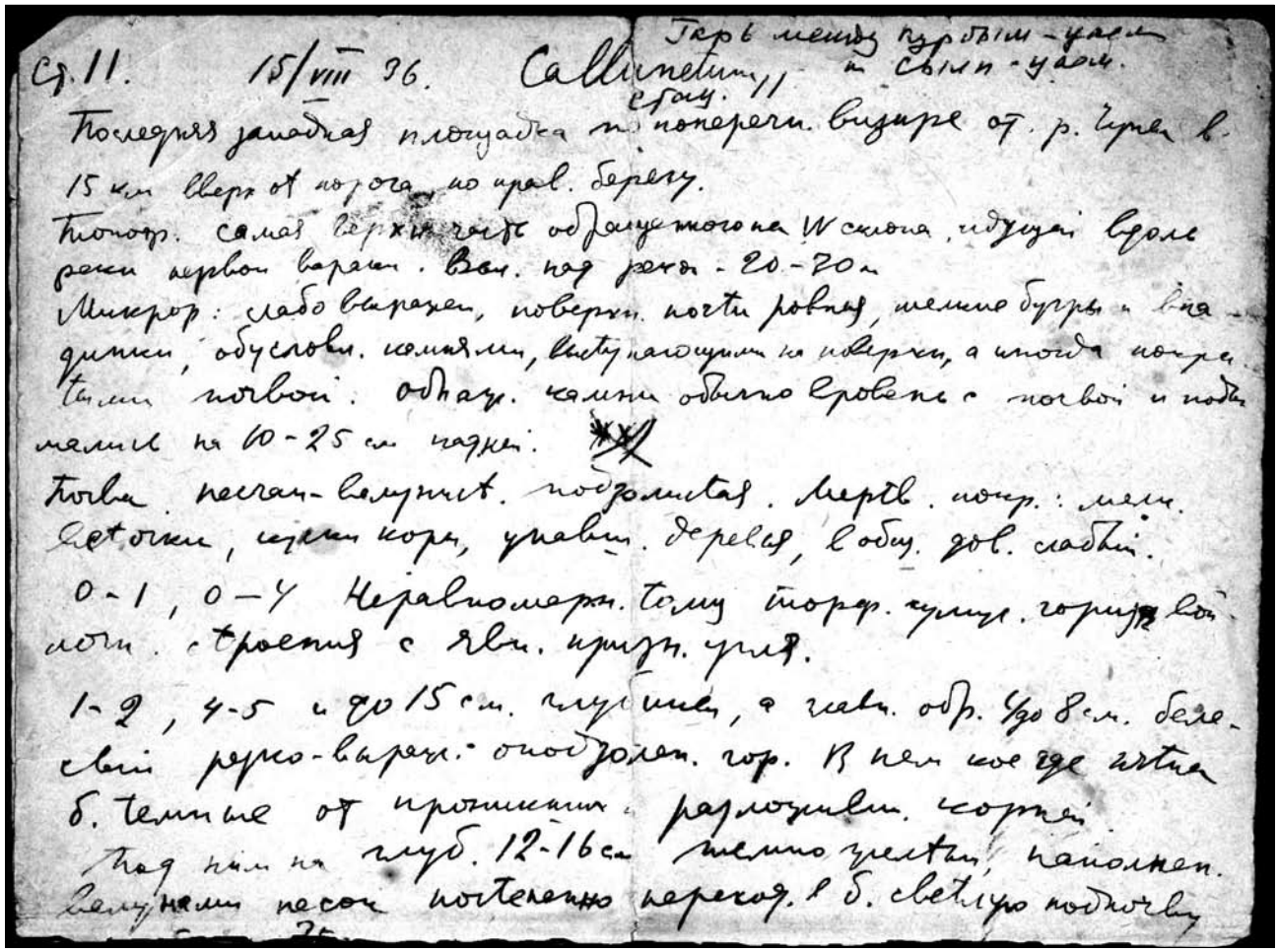
Свою деятельность в заповеднике Герман Михайлович начинает с изучения биоценозов высокогорных лугов – еланей. Не одну сотню трудных километров преодолел его отряд, занимаясь геоботаническим картированием. Почти постоянно ему приходилось работать на высотах, превышающих две и даже три тысячи метров над уровнем моря.

Однажды в заповедник прибыла исследовательская группа Института географии Академии наук СССР, руководимая геоморфологом М.С. Калецкой. Один из участников этой экспедиции, профессор А.В. Живаго, рассказывает: «На причале у поселка Яйлю к нам подошел высокого роста человек в очках и предложил свою помощь в разгрузке экспедиционного имущества. Он же нас познакомил с сотрудниками заповедника. А вечером мы уже пили чай в маленьком домике на окраине поселка, где Г.М. Крепс занимал две комнаты, буквально заваленные книгами, гербарными сетками, седлами, вьючными ящиками с еще не разобранными коллекциями. Весь жар своей души Герман Михайлович отдавал работе. По нескольку раз в году он отправлялся в свои путешествия, подолгу жил высоко в горах, на границе леса в палатке или просто в шалаше». Скоро геоморфологи отправились в свое длительное путешествие. «На втором году нашей работы на Алтае, – продолжает Александр Васильевич, – мы снова встретились с Крепсом. Помню, на зеленом лугу паслись стреноженные кони, горел костер, а у входа в

палатку, рядом с деревянными распялками, на которых вялились многочисленные хариусы, сидел Герман Михайлович и что-то записывал в дневник. Два наблюдателя-алтайца из охраны заповедника готовили ужин. Это была радостная встреча. Уже два месяца как Г.М. Крепс со своими товарищами жил без всякой связи с внешним миром, и первые часы ушли на изложение новостей и просмотр привезенных нами писем. Лишь глубокой ночью мы улеглись в спальные мешки, а Герман Михайлович в свою неизменную «ровушку» – сшитый им самим мешок из шкуры оленя, неизменный спутник всех его путешествий».

Поскольку научные планы исследователей во многом совпадали, Г.М. Крепс согласился на весь полевой сезон стать проводником объединенной экспедиции в верховья рек Чулышман и Абакан. По еле заметным тропам в горах и просторам альпийских лугов он вел караван. Путникам не раз приходилось удивляться тому, как безошибочно выбирал он на крутых склонах удобные места для прохода лошадей с тяжелыми вьюками. То же повторилось и в зоне горной тундры, когда отряд достиг озера Джулу-Куль. «Просто удивительно, – отмечает А.В. Живаго, – как хорошо знал Г.М. Крепс, казалось, всю высокогорную зону Русского Алтая».

Более двух лет Крепс изучал растительность в районах Чулышманского нагорья и Абаканского хребта. Случалось ему побывать и в настоящих переделках. Профессор Живаго вспоминал, как ранней весной 1939-го Крепсу пришлось вступить в неравный бой с браконьерами: «Группу из четырех человек он заметил в бинокль на склоне одного из ущелий. Звуки выстрелов, долетевшие до Германа, не оставляли сомнений в их преступных целях. Это было время отела оленей, когда они становятся легкой добычей. Пальнув несколько раз в воздух, Крепс стал приближаться к незнакомцам. Те ответили несколькими выстрелами, и одна пуля чиркнула по скале совсем рядом от Германа. Но, видимо, почувствовав его решительность и даже не подозревая, что



им угрожает всего лишь один человек(!), браконьеры решили спешно ретироваться».

Осенью 1939 года, собрав богатейший гербарий и значительный фактический материал, Крепс возвращается в Москву. Работа в высокогорных областях Алтая не прошла бесследно для его здоровья. Врачи находят у него начало серьезного легочного заболевания. Однако деятельная натура Германа Михайловича не позволяет ему сделать даже небольшую передышку для обследований. Закончив отчеты о работе в Алтайском заповеднике, он пишет ряд статей о промысловых животных для «Географического словаря Кольского полуострова», а в начале 1940 года Крепс получает назначение на работу в Центральный лесной заповедник.

Организованный в 1930 году вслед за Лапландским, Центральный лесной заповедник расположен в северо-западной части Среднерусской возвышенности. Нужно сказать, что этот район давно уже привлекал внимание Г.М. Крепса. По литературным источникам ему было известно, что в середине 20-х годов в лесных массивах Холмско-Бельского полесья держались небольшие стада дикого северного оленя, очевидно забредавшие сюда из более северных областей. Необычными были и природные особенности района заповедника. Так, еще в старинных работах по Тверской губернии можно было найти сведения о более коротком (схожем с заполярным) вегетационном периоде – о короткой весне и ранней осени. Флора и растительность здесь, по словам натуралиста А.А. Бакунина, «составляет как бы переходную ступень от угрюмой растительности Севера к более роскошной флоре средней полосы России».

Помимо работы по оленьей тематике, Г.М. Крепс в заповеднике сдружился с почвоведом Н.Н. Соколовым. Некоторые исследования, проведенные ими совместно, привели к интересным открытиям. Так, при глубинном бурении лесных почв ими были обнаружены межледниковые отложения, о существовании которых в данной местности никому ранее

О саамских оленях

Коренным первоначальным населением Кольского полуострова являются саами, — небольшая, родственная финнам народность, населяющая север Европы. В Швеции, Норвегии, Финляндии и в СССР насчитывается около 25.000 саами, при-ом в СССР — около 2.000 человек.

Одним из исконных занятий саами было оленеводство. И теперь, несмотря на быстрое развитие промышленности и сельского хозяйства Кольского полуострова, в хозяйстве местного населения и Мурманского округа оленеводство занимает видное место и имеет широкие перспективы развития.

Северный олень используется очень дит по самым бездорожным и неудобным местам.

Основная работа оленя — по санному пути. И здесь, в тех местах, где растет ягель — зимний корм оленя, олений транспорт может успешно конкурировать с конным, требующим заготовки фуража, постройки конюшен и т. д. Основная работа производится на холощеных самцах-быках, как их называют в отличие от ирвасов — самца-производителя. Работа на важенках — самках — допустима лишь в первую половину зимы, иначе страдает приплод. Ирвасы сбрасывают рога к ноябрю, быки — в разное время в течение всей зимы, важенки — в мае, когда происходит отел. За лето и

которое применение в приготовлении оленьей упряжки и других поделках.

Число домашних оленей в Мурманском округе определяется в 65 — 70 тысяч голов; количество диких оленей, в сильнейшей степени истребленных хищнической охотой прежнего времени и теперь постепенно восстанавливающихся, вероятно, не превышает 1.000—1.500 штук. Охота на них воспрещена.

Разнообразные природные условия различных частей нашего округа, а также причины культурно-исторического характера обусловили различные способы ведения оленного хозяйства в разных его местах.

не было известно. Это открытие в некоторой степени объясняло загадочные особенности местного ландшафта. По мнению исследователей, льды последнего оледенения территорию заповедника не покрывали, однако ледник подступал достаточно близко, оставив следы своего влияния. В условиях вечной мерзлоты оплывание глинистых масс вело к сглаживанию крутых склонов. После отдыха ледника и оттаивания верхнего слоя мерзлоты началось постепенное заболачивание плоских водоразделов. Именно благодаря этим особенностям рельефа территория заповедника и его окрестностей не подвергалась хозяйственной эксплуатации и осталась покрытой нетронутыми лесами и водораздельными болотами.

Война застала Крепса на полевой работе в заповеднике. Из Москвы шли циркуляры о срочной эвакуации, но Герман Михайлович все медлил с отъездом. Он отбирал и упаковывал архивные материалы и наиболее ценные экспонаты музея...

IV ГОД ИЗДАНИЯ ЦЕНА 40 КОП.

ПРИРОДА И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ОРГАН ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПРИРОДЫ И МЕЖДУВЕДОМСТВЕННОГО КОМИТЕТА СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ РСФСР

№ 9—10 1931

Государственный Лапландский заповедник

Организация Гос. лапландского заповедника преследует 2 задачи. Первой и основной является поддержание и поднятие охотничьего промысла в пределах Мурманского округа и северной части АКССР, второй — сохранение для будущего характерного участка своеобразной девственной природы внутренней Лапландии для целей общеобразовательных и научных.

Поднятие производительности охотничьих угодий Мурманского округа и Северной Карелии, увеличение их охотпродукции должно осуществляться, во-первых, уже одним наличием нетронутой, достаточно обширной территории, кото-

общесоюзной точки зрения. Район Лапландского заповедника представляет выдающийся интерес с географической и общеобразовательной точки зрения, как местность, концентрирующая на небольшом пространстве ряд разнообразных ландшафтов таежных и горнотундровых, населенных к тому же и по сей час их характерной фауной.

Территория Лапландского заповедника занимает около 250 000 *га* и лежит в западной части Кольского полуострова в 40 *км* от линии Мурманской ж. д. (ст. Анатины, Хибины, Имандра) и 10—25 *км* к западу от западных берегов озера Имандра.

Список иллюстраций к главе "Саамское дело"

Стр. 198 – лагеря Управления Соловецких лагерей особого назначения (УСЛОН) в районе Хибинских гор

Стр. 199 – объекты УСЛОНа на территории Мурманской области

Стр. 201 – Г.М. Крепс на охоте

Стр. 201 – открытка Г.М. Крепса из Абхазии в Лапландский заповедник из отпуска: «Ваше письмо, хлопцы-молодцы, получил в Майкопе. Сейчас в Гаграх проездом в Сухум. С охотой дело не удалось: недели две бегал за кабанами, но убить не пришлось. Один лесник при нас убил здорового секача. Скоро приеду. Г. Крепс»

Стр. 201 – лицевая сторона открытки с письмом Г.М. Крепса из Абхазии

Стр. 202 – черновые записи Г.М. Крепса: первая страница книги о Лапландском заповеднике и листок с данными об учете промысловых животных для Охотпромбиостанции

Стр. 203 – вырезка из газеты «Кировский рабочий»: Г.М. Крепс знакомит сотрудников треста «Апатит» с правилами охоты в лесах Мурманской области

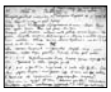
Стр. 204 – сопроводительное письмо Г.М. Крепса к первому «Положению о Лапландском государственном заповеднике»

Стр. 205 – Герман Крепс, Андрей Васильев и Екатерина Бокова (в сетке от комаров). Ягельный бор в долине р. Чуны, июнь 1931 г. Фото О.И. Семенова-Тян-Шанского

Стр. 205 – Герман Крепс и Екатерин Бокова в бору на Чуне, 26 июня 1931 г. Фото О.И. Семенова-Тян-Шанского

Стр. 206 – свадьба Германа Крепса и Екатерины Боковой на ст. Хибины (в доме ПОСВИРа). Слева направо: Герман Крепс, неизв. лицо, Екатерина Бокова, Олег Семенов-Тян-Шанский, Иоган Эйхфельд, неизв. лицо (Екатерина Николаевна Бокова-Крепс, биолог, после окончания Московского университета с 1931 года работала на Хибинской агростанции (ПОСВИР), где и познакомилась со своим будущим мужем)

Стр. 207 – Герман Крепс, Екатерина Бокова-Крепс с дочкой Машей (умерла в раннем возрасте)



Стр. 208 – часть страницы из геоботанического дневника Г.М. Крепса о возобновлении растительности на гари в Лапландском заповеднике, 15 августа 1936 г.

Стр. 209 – статья Г.М. Крепса «О саамских оленях». Газета «Кировский рабочий», 1935 г.

Стр. 209 – статья Г.М. Крепса «Государственный Лапландский заповедник» в журнале «Природа и социалистическое хозяйство», 1931 г.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен...

«19 октября». А.С. Пушкин

Начало Великой Отечественной войны прервало работу многих исследовательских коллективов. Вскоре опустело и управление Центрального лесного заповедника.

Из воспоминаний Р.Г. Крепса (сына Г.М. Крепса):

«В октябре месяце 1941 года я был эвакуирован вместе с другими детьми ленинградского интерната, где учился, в город Горький. Прошло немного времени, и вдруг под вечер в интернатской комнате открывается дверь, и заходит мой отец. Я страшно обрадовался, бросился к нему, а он вытянул руку ладонью вперед и слегка улыбается: «Только обнимай осторожно, сынок, – у меня, по-моему, сломаны ребра». Вот что он мне тогда рассказал.

Когда началась война – у отца было очень плохое зрение и его призвали лишь в рабочий батальон, строивший где-то в районе станции Нелидово бетонные доты. В спешке не заметили, что из-за выступающих в окне амбразуры металлических стержней сократился обзор для обстрела. И отец был послан в соседний район на какой-то склад, получить ножовки для отрезания мешающих стрельбе стальных прутьев.

Целый день отец добирался до этого склада, а там ему сказали, что возвращаться уже поздно: везде немцы и здесь они тоже почти окружены. Так что вот тебе, «профессор» (это из-за круглых его очков), «бумага» на сборный пункт в Горьком и добирайся туда сам, как сможешь.

И отец, лесной житель, у него всегда был с собой такой маленький рюкзак, в нем компас, котелок, фляжка для воды не мешкая отправился в путь. На складе ему дали немного сухарей и сахара, и скоро по компасу он вышел на Владимирскую дорогу. Там он подсел в кузов груженой полуторки, которая вскоре попала под бомбежку. Машину воздушной волной перевернуло, и тяжелыми ящиками отцу сильно повредило ребра. В таком вот виде он и добрался до Горького. Это было 17 октября 1941 года.

На сборном пункте Горького отца признали и вовсе не годным для воинской службы, и месяца через два-три он поехал в Уфу, где начал работать санитаром в одной из больниц. Из писем отца я потом узнал, что он переехал в Стерлитамак и работает теперь в одном из совхозов главным агрономом. В этой должности он оставался до февраля 1944 года, когда получил важную депешу из Москвы. Председатель Комитета по заповедникам В.В. Макаров предлагал ему заняться восстановлением работы Центрально-лесного заповедника. И отец немедленно выехал.

Но случилось непредвиденное. По дороге в Москву отец соскочил на какой-то станции за кипятком и не заметил, как поезд тронулся. Все же он успел вскочить на подножку последнего вагона, но дверь в тамбур оказалась закрытой. Был конец зимы 1944 года, и за время езды на подножке до следующей остановки отец страшно промерз и в Москву приехал уже совершенно больной. Два месяца Герман Михайлович пролежал потом в московском госпитале, но так и не поправился. Сказались, конечно, и тропы высокогорного Алтая, и контузия 41-го года».

Всего два года не дожил Г.М. Крепс до своего пятидесятилетия. Незадолго до кончины он попросил своих родственников при возможности похоронить его в заповеднике на Кольском полуострове. Прошло три с половиной десятилетия и его желание было выполнено.

В своем письме (от 13 апреля 1977 года) директору заповедника А.М. Хохлову академик Е.М. Крепс писал: «Глубокоуважаемый Анатолий Михайлович!

Мы, жена покойного Германа Михайловича Крепса Екатерина Николаевна Бокова и брат его Евгений Михайлович Крепс, обращаемся к Вам с просьбой о захоронении урны с прахом Г.М. Крепса на территории заповедника. Г.М. Крепс был, как известно, инициатором создания заповедника, его организатором и первым директором.Олег Измайлович Семенов-Тян-Шанский сообщил нам о Вашем принципиальном согласии. Выбор места захоронения, естественно, предоставляется Вам.

Академик
Евгений Михайлович
КРЕПС

Служ. адрес: Ленинград К-223, пр. Тореза 52 тел. 44-20-45
Дом. адрес: Ленинград, П-137, ул. Даля д. 4, кв. 12

Тов. Кочаову Л.Д. В дело Г.М. Крепса. А. Хохлов 27/IV-77 г.

«13» апреля 1977 г.

ДИРЕКТОРУ ЛАПЛАНДСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

А. М. ХОХЛОВУ

Глубокоуважаемый
Анатолий Михайлович!

Мы, жена покойного Германа Михайловича КРЕПСА Екатерина Николаевна Бокова и брат его Евгений Михайлович Крепс, обращаемся к Вам с просьбой о захоронении урны с прахом Г.М.КРЕПСА на территории заповедника. Г.М.КРЕПС был, как известно, инициатором создания заповедника, его организатором и первым директором.

Олег Измайлович Семенов Тянь-Шанский сообщил нам о Вашем принципиальном согласии. Выбор места захоронения, естественно, предоставляется Вам. В случае благоприятного решения вопроса, нам бы хотелось установить на месте захоронения надгробную плиту с надписью:

ГЕРМАН МИХАЙЛОВИЧ КРЕПС. 1896 - 1944

О.И.Семенов Тянь-Шанский сообщил, что как он думает, каменную плиту можно заказать в Мончегорске. Все материальные расходы мы охотно возьмем на себя. Но будем Вам очень благодарны, если Вы могли бы помочь с изготовлением надгробной плиты.

Очень просим Вас сообщить нам Ваше решение, а также все вопросы, которые могут возникнуть в связи с захоронением в Ленинград Е.М.Крепсу на домашний адрес.

С искренним уважением

Е. Крепс
Е. Бокова-Крепс

Исполнено. 27/IV-77 г.

1-я ТИН. Зак. 4301. 11/V-68 г.

В случае благоприятного решения вопроса, нам бы хотелось установить на месте захоронения надгробную плиту с надписью:

«Герман Михайлович Крепс. 1896–1944»

О.И.Семенов Тянь-Шанский сообщил, что, как он думает, каменную плиту можно заказать в Мончегорске. Все материальные расходы мы охотно возьмем на себя. Но будем Вам очень благодарны, если Вы могли бы помочь с изготовлением надгробной плиты.

Очень просим Вас сообщить нам Ваше решение, а также все вопросы, которые могут возникнуть в связи с захоронением, в Ленинград Е.М. Крепсу на домашний адрес.

С искренним уважением, Е. Крепс, Е. Бокова-Крепс».

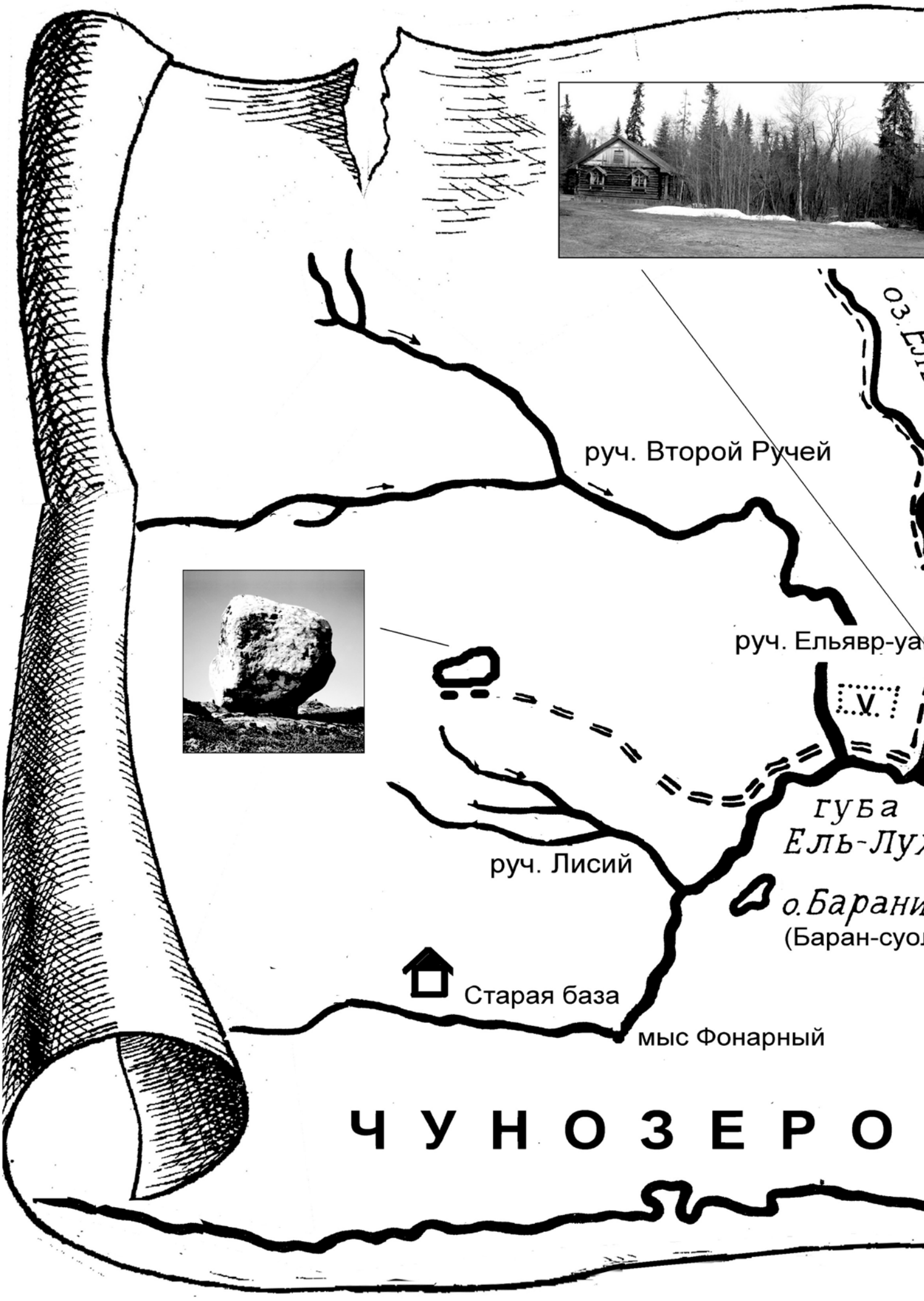
Летом 1978 г. центральная усадьба Лапландского заповедника принимала почетных гостей. На открытие памятника Г.М. Крепсу – строгого черного обелиска, установленного на берегу Чунозера, приехали его брат Е.М. Крепс, вдова Е.Н. Бокова-Крепс, сын Р.Г. Крепс, внук Евгений.

Своих первых посетителей принял Дом-музей Г.М. Крепса – первый домик, построенный на Чунозерской усадьбе заповедника. В торжественном митинге приняли участие представители Географического общества СССР, администрации городов Мончегорска и Апатиты, ученые Кольского филиала АН СССР, а также сотрудники Лапландского и Кандалакшского заповедников.

Выступающие говорили о том, как много успел сделать Г.М. Крепс для развития заповедного дела нашей страны. Им было опубликовано более 50 работ и научно-популярных статей. А сколько их осталось в черновиках и рукописях, переданных ученикам и товарищам! Честный и бескорыстный, он не стремился к высоким должностям и степеням, он просто работал. И каждый шаг его на земле был отмечен улыбкой и добрым делом. Древние утверждали, что «времена меняются, и мы меняемся в них». Это, несомненно, так. Благодаря научно-техническому прогрессу среда обитания человека, формирующая его как личность, существенно и быстро изменяется. На наших глазах растут новые города, возникают новые виды промышленности и транспорта, перекраиваются ландшафты. Но возникают, к сожалению, и «Красные книги» природы, которые из года в год пополняются все новыми и новыми видами флоры и фауны.

В книге отзывов Дома-музея Г.М. Крепса есть такие строки: «Лев Толстой писал однажды в своем дневнике о том, как добро и хорошо ожидать продолжения своей жизни в душах других людей. Едва ли Г.М. Крепс заботился об этом, но то, что память о нем поддерживается делами молодых людей, показывает, что и личность, и добрые красивые дела Германа Михайловича бессмертны!..»

...И словно памятник северной природы, стоит в центре Кольского полуострова Лапландский государственный заповедник, навсегда увековечив имя своего создателя – Германа Михайловича Крепса.


руч. Второй Ручей
руч. Ельявр-уа
губа
Ель-Лу
руч. Лисий
о.Барани
(Баран-суо
Старая база
мыс Фонарный
ЧУНОЗЕРО

КАРТА-СХЕМА
Чунозерской (Центральной) усадьбы Лапландского биосферного заповедника

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Могила Г.М. Крепса
- 1 Дом-музей Г.М. Крепса
- Тропа на оз. Ельнюн
- Тропа на гору Ельнюн
- Саамский сейд на горе Ельнюн
- Грунтовая дорога к автотрассе С.-Петербург-Мурманск
- Первый домик заповедника
- V Вертолетная площадка
- В.Ц. Визит-центр заповедника
- 2 Дом Деда-мороза
- 3 Квартира-музей О.И.Семенова-Тян-Шанского
- Могила О.И.Семенова--Тян-Шанского

Список иллюстраций к главе "Вместо эпилога"

Стр. 212 – памятник Герману Крепсу на Центральной усадьбе Лапландского заповедника

Стр. 213 – Вид на Центральную (Чунозерскую) усадьбу Лапландского заповедника с горы Ель-нюн

Стр. 214 – письмо Е.М. Крепса о захоронении урны с прахом его брата в земле Лапландского заповедника

Стр. 215 – выступает академик Евгений Михайлович Крепс

Стр. 215 – открытие экспозиции мемориального Дома-музея Г.М. Крепса

Стр. 216 – открытие Дома-музея Г.М. Крепса летом 1978 г. Слева направо: А.М. Хохлов, О.И. Семенов-Тян-Шанский (с лайкой Пандой), Е.Н. Бокова-Крепс, Е.М. Крепс, Е.Ю. Крепс и Е.Р. Крепс

Стр. 218–219– карта-схема Центральной усадьбы Лапландского заповедника

Библиография основных работ В.Э. Берлина о Германе Крепсе

Шаги по земле // Мончегорский рабочий. 1978. 20, 23 мая.

Гражданин Лапландии // Комсомолец Заполярья. 1978. 1 июля.

Дорога в заповедник // Комсомолец Заполярья. 1980. 17 янв.

Гражданин Лапландии (Одиссея Германа Крепса). М.: Мысль, 1985. 128 с.

Заповедник в Лапландии // Природа. 1991. № 1. С. 35–46.

Первые экологи на Кольском полуострове // Эконорд. 1994. № 3. С. 21–23.

Герман Крепс (к 100-летию со дня рождения) // Природа. 1996. № 5. С. 45–56.

Хибинское эхо ГУЛАГа // АСТЭС: альманах: [культурол. вып. 5]. Мурманск, 2008. С. 64–69.

Мечта, детище и памятник // Мурманский вестник. 2016. 12 мая.

Герман Крепс – организатор и первый директор Лапландского заповедника // Экологические проблемы северных регионов и пути их решения: материалы VI Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Апатиты, 10–14 октября 2016 г.). Апатиты, 2016. С. 19–24.

Библиография основных трудов Г.М. Крепса

1. К истории строения и жизни болот по исследованиям во Владимирской губернии: реферат Географического ин-та. Пг., 1921.

2. Путешествие в среднюю Лапландию в марте 1923 года (с 1 картой) // Работы Мурманской биологической станции Ленинградского общества естествоиспытателей. Л., 1925. Т. 1.

3. Охота в Лапландии // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 12–14.

4. О состоянии льдов в Горле Белого моря весной 1924 года // Работы Мурманской биологической станции. Л., 1925. Т. 1.

5. Крепс Г. М., Спасский Н. Н. Очерк растительности Большого Оленьего острова в Кольском заливе // Работы Мурманской биологической станции. Л., 1926. Т. 2.

6. Предварительный отчет о работах Имандровской экспедиции Мурманской биологической станции (с 3 картами) / Г.М. Крепс [и др.]. Л., 1926.

7. Краткая характеристика сенокосных угодий района Большой и Йокостровской Имандры // Третий год колонизационной работы Мурманской железной дороги: отчетный сборник. Л., 1927.

8. Дикий северный олень на Кольском полуострове и проект организации Лапландского заповедника // Карело-Мурманский край. 1928. № 10–11.

9. Материалы к растительности ландшафтов района озера Имандра // Работы Мурманской биологической станции. Мурманск, 1929. Т. 3.

10. О реакклиматизации речного бобра: рукопись / Дом-музей Г.М. Крепса. 1930.

11. Организация Лапландского заповедника // Карело-Мурманский край. 1930. № 2.

12. По Лапландской тундре // Карело-Мурманский край. 1930. № 4–5; № 10–11.

13. Государственный лапландский заповедник // Природа и социалистическое хозяйство. 1931. № 9–10.

14. Домашний и дикий северный олень в Лапландии // Советский Север. 1934. № 3.

15. Бобры на новоселье // Юный натуралист. 1934. № 12.

16. Крепс Г.М., Семенов-Тян-Шанский О.И. Очерк биологии дикого северного оленя // Промысловая фауна и охотничье хозяйство. Л., 1934.

17. Бобр и ондатра в Лапландии // Карело-Мурманский край. 1935. № 3.

18. Лапландский заповедник // Советское краеведение. 1936. № 10.

19. О диком северном олене в Лапландии // Природа. 1936. № 6.

20. Крепс Г. М., Семенов-Тян-Шанский О.И. Лапландский государственный заповедник. М., 1937.

21. Очерки о промысловых животных // Географический словарь Кольского полуострова. Л., 1941.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА 4

НАЧАЛО ПУТИ 9

В ЦАРСТВЕ БЕРЕНДЕЯ 21

КРАЙ НЕПУГАНЫХ ПТИЦ 27

РОЖДЕНИЕ ПОСВИРА 39

ПУТЕШЕСТВИЕ В СРЕДНЮЮ ЛАПЛАНДИЮ 55

НА МУРМАНСКОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ 71

В ГОРЛЕ БЕЛОГО МОРЯ 83

TERRA INCOGNITA 93

ЗА КАМНЕМ ПЛОДОРОДИЯ 121

ДОРОГА К ЗАПОВЕДНИКУ 129

ПО ЛАПЛАНДСКОЙ ТУНДРЕ 151

НАЧАЛО ЗАПОВЕДНИКА 171

СААМСКО ДЕЛО 197

ВМЕСТО ЭПИЛОГА 211

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ ТРУДОВ Г.М. КРЕПСА 221

Историко-архивное издание
издано при поддержке АО "Кольская горно-металлургическая компания"

Валерий Эдмундович Берлин

Герман Крепс – гражданин Лапландии

Художественное оформление и дизайн
Валерий Берлин

Верстка
Кирилл Струков

Корректор
Светлана Шарам

Формат издания 60x84/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,04 + 1,86 цв. вкл.
Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-98604-584-9

9 785986 045849

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru